

RAYMOND
CHANDLER

THE
LADY
IN THE
LAKE

"Raymond Chandler is a
star of the first magnitude."
—Erle Stanley Gardner

- [Рэймонд Чандлер](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)

- [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
-

Рэймонд Чандлер
Женщина в озере

Глава 1

Дом находился на Оливен-стрит, вблизи Шестой авеню. Тротуар перед фасадом был выложен белыми и черными резиновыми плитками.

Я прошел через аркаду с магазинами, торгующими предметами роскоши, в большой красно-золотой вестибюль. Компания «Гиллерлейн» занимала апартаменты на седьмом этаже, с окнами по фасаду. Двери были из двойного хрустального стекла, с металлической окантовкой под платину. Пол приемной устилал китайский ковер, стены матово отсвечивали серебряной краской.

Здесь стояла модная угловая мебель, на темных подставках остро поблескивали сюрреалистические скульптуры, а в углу располагалась огромная трехгранная витрина с образцами изделий фирмы.

На выступах, островках и ступеньках из блестящего зеркального стекла разместились всевозможные флаконы с духами и фантастически изваянные амфоры, какие только могло создать воображение художника. Здесь были выставлены кремы и одеколоны, мыло и пудра на любой случай и для любого времени года.

Стройные высокие флаконы с духами выглядели так, словно были готовы разлететься от одного дуновения. Фарфоровые сосуды пастельных тонов, украшенные большими шелковыми бантами, напоминали маленьких девочек на уроке танцев.

Но венцом всего было нечто, заключенное в простой флакон цвета светлого янтаря. Он стоял просторно, в центре, прямо на уровне глаз и был снабжен этикеткой «Гиллерлейн-Регаль» — «королева духов». Так должен был выглядеть предмет высшего вожделения. Капелька таких духов на мочку уха — и подобающие этому аромату розовые жемчуга сами упадут на вас, словно летний дождь...

В дальнем углу у небольшого, огороженного решеткой коммутатора сидела миловидная блондинка. Рядом с дверью за гладким письменным столом помещалась стройная темноволосая красавица. Судя по изящной табличке над ее головой, это была мисс Адриенн Фромсет.

Из-под серо-стального жакета выглядывала темно-синяя блузка с голубым галстуком мужского покроя. Из нагрудного кармашка виднелся уголок носового платка, настолько острый, что им, вероятно, можно было бы резать хлеб.

Единственным украшением служил браслет в виде цепочки. Темные

волосы, разделенные прямым пробором, падали на плечи свободными, но тщательно уложенными волнами. У нее была гладкая кожа цвета слоновой кости и холодные темные глаза, которые, вероятно, в соответствующее время и в соответствующем месте могли выглядеть и потеплее.

Я положил на ее письменный стол свою визитную карточку (обычную, без изображения маленького пистолета в верхнем углу) и спросил, не сможет ли мистер Деррис Кингсли принять меня.

Она взглянула на карточку.

— Вам назначено?

— Нет.

— Без предварительной договоренности встретиться с мистером Кингсли очень трудно.

Я не стал спорить.

— По какому вы делу, мистер Марлоу?

— По личному.

— Полагаю, вы — знакомый мистера Кингсли?

— Пожалуй, нет. Может быть, ему и приходилось слышать обо мне. Скажите ему, что я от лейтенанта Мак-Ги.

— А вы уверены, что мистер Кингсли знаком с лейтенантом Мак-Ги?

Она положила мою карточку рядом со стопкой писем. Потом важно откинулась на стуле и начала постукивать по крышке стола маленьким золотым карандашиком.

Я не удержался и рассмеялся. Блондинка за коммутатором наострила ушки, стараясь подавить улыбку. Изящная и грациозная, но какая-то неуверенная, она походила на новую кошечку в доме, где кошек не очень-то жалуют.

— Надеюсь, что знаком, — ответил я. — Может быть, самое простое — спросить об этом его самого?

Мисс Фромсет начала что-то писать, с трудом сдерживая желание запустить в меня своим золотым карандашиком. Потом, не поднимая глаз, сказала:

— У мистера Кингсли совещание. Я передам ему вашу карточку, как только для этого представится возможность.

Я поблагодарил, отошел от ее стола и уселся в кресло из кожи и никелированного металла. Оно оказалось значительно удобнее, чем обещал его внешний вид. Время шло, и надо всей этой сценой опустилось молчание. Никто не входил и не выходил. Элегантный карандашик мисс Фромсет скользил по бумагам. Из угла время от времени доносился приглушенный голос белокурой кошечки и щелканье ее коммутатора.

Я закурил и подтянул к своему креслу пепельницу на высокой ножке.

Минуты проходили на цыпочках, прижав палец к губам. Я осмотрелся. Вообще-то по обстановке нельзя делать никаких выводов. Может быть, эта компания загребаёт миллионы, а возможно, что в кабинете управляющего сейчас сидит судебный исполнитель, придвинув стул поближе к сейфу.

Через полчаса — я успел истребить три-четыре сигареты — дверь рядом со столом мисс Фромсет открылась, и вышли два улыбающихся господина. Третий придерживал перед ними дверь и тоже улыбался. Они сердечно потрясли друг другу руки, потом первые два прошли через приемную к выходу. Хозяин уронил с лица улыбку и немедленно принял такой недоступный вид, словно вообще никогда в жизни не улыбался. Это был долговязый молодой человек в сером костюме, с выражением на лице, говорившим: «Знайте, я не потерплю никаких глупостей!»

— Звонил кто-нибудь? — спросил он резким начальственным тоном.

Мисс Фромсет ответила нежным голоском:

— Нет, но вас дожидается мистер Марлоу. Ему необходимо с вами поговорить. От лейтенанта Мак-Ги. По личному делу.

— Никогда о таком не слышал, — недовольным тоном заявил долговязый. Не повернувшись в мою сторону, он взял визитную карточку и ушел с нею в свой кабинет. Дверь за ним закрылась. При этом пневматический механизм для закрывания двери издал тихое протяжное «пфююю»...

Мисс Фромсет одарила меня сладкой улыбочкой, которую я немедленно возвратил ей в виде довольно нахальной ухмылки. Истребил еще одну сигарету.

Снова потянулись минуты. Я чувствовал, что постепенно начинаю всем сердцем прирастать к компании «Гиллерлейн».

Спустя десять минут дверь открылась. Долговязый вышел снова, на этот раз со шляпой на голове, и прорычал, что отправляется к парикмахеру.

Энергичным спортивным шагом он направился к двери, но на полпути резко повернулся и подошел к моему креслу.

Он был шести футов и двух дюймов ростом и казался похожим на стальную пружину. В серых глазах поблескивали холодные искорки. Элегантный шерстяной костюм в тонкую светлую полоску сидел на нем отлично. Все его манеры возвещали о том, что с этим джентльменом не допускается обращаться запросто.

Я встал.

— Вы желали говорить со мной? — пролаял он.

— Да. Если, конечно, вы и есть мистер Кингсли.

— А кем, черт побери, я еще могу быть?

Не мешая ему получать удовольствие от разыгрываемой роли, я протянул теперь другую визитную карточку, на этот раз — с моим фирменным знаком в углу. Он мрачно посмотрел на нее.

— Кто это — Мак-Ги? — набросился он на меня.

— Такой же человек, как вы и я.

— Вот это мне нравится! — заявил он и оглянулся в сторону мисс Фромсет, которая явно получала удовольствие от этой сцены. Она прямо-таки наслаждалась происходящим. — А больше вы ничего не можете о нем сообщить?

— Конечно, могу. Его прозвище «Фиалка Мак-Ги». Это потому, что он вечно жует пастилки от кашля, которые пахнут фиалками. Такой высокий мужчина, с мягкими седыми волосами и красивым маленьким ртом, прямо как у ребенка. Когда я его в последний раз видел, на нем был темно-коричневый костюм, коричневые ботинки с широкими носами и серая шляпа. Он курил пенковую трубку.

— Ваш тон мне не нравится! — заявил мистер Кингсли голосом, которым можно было бы колоть грецкие орехи.

— Это неважно, — сказал я. — Я им не торгую.

Он откинул голову, как будто ему под нос сунули протухшую селедку.

Потом, помедлив, повернулся ко мне спиной и бросил через плечо:

— Даю вам три минуты. Один бог знает — почему!

Пройдя мимо стола мисс Фромсет, он рывком открыл дверь, так что она качнулась мне прямо в лицо. Это тоже очень понравилось мисс Фромсет, хотя на этот раз мне показалось, что в самой глубине ее глаз притаилось лукавое выражение.

Глава 2

Кабинет мистера Кингсли обладал всем, что только можно требовать от кабинета. Он был просторный, неярко освещенный, спокойный, с кондиционированным воздухом. Окна без перемычек, из цельных стекол, и полуприкрытые жалюзи препятствовали вторжению июльской жары. Серые портьеры гармонировали с плотным серым ковром. В углу стояли массивный серебряно-черный сейф и стеллаж со скоросшивателями. На стене висела большая цветная фотография, изображавшая пожилого господина с крючковатым носом и бакенбардами. Между остро отогнутыми уголками воротничка виднелся кадык более массивный, чем у иного человека подбородок. Табличка под портретом возвещала: «М-р Мэттью Гиллерлейн, 1860–1934».

Быстрым твердым шагом Деррис Кингсли обошел вокруг письменного стола, который несомненно стоил своих восьмисот долларов, уместился в объемистом кожаном кресле и взял сигару из ящичка красного дерева с медными уголками.

Он неторопливо обрезал кончик сигары и прикурил от стоявшей на столе массивной отделанной медью зажигалки. Затем откинулся в кресле, выпустил клуб дыма и сказал:

— Я — человек дела. Поэтому поберегите для других свои глупые шуточки. Судя по карточке, вы — частный детектив. Покажите ваши документы.

Я вытащил бумажник и показал ему все, что нужно. Он просмотрел и бросил документы на письменный стол. Целлулоидный футляр с фотокопией моей лицензии при этом упал на пол. Кингсли не потрудился извиниться.

— Не знаю никакого Мак-Ги, — сказал он. — Я просил шерифа Петерсона порекомендовать мне надежного человека, которому я мог бы дать деликатное поручение. Полагаю, вы и есть этот человек?

— Мак-Ги служит в голливудском отделении, которое находится в подчинении у шерифа, — ответил я. — Можете позвонить и проверить.

— Не нужно. Я думаю, вы мне подойдете. Но в разговоре со мной потрудитесь воздерживаться от плоских острот. И запомните: если я человека нанимаю и плачу ему, то это мой человек. Он должен выполнять мои приказы и уметь молчать. Иначе он вылетит. Ясно? Надеюсь, я не слишком грубо выражаю свои мысли?

— Этот вопрос я бы хотел оставить открытым, — ответил я вежливо.

Он нахмурился, потом резко спросил:

— Сколько вы стоите?

— Двадцать пять монет в день плюс расходы. А моя машина — восемь центов за милю.

— Это просто смешно! — заявил он. — Слишком дорого. Пятнадцать в день — и деньги на стол. Вполне достаточно. Расходы по поездкам я возьму на себя, естественно, в разумных пределах. Но никаких увеселительных прогулок!

Я выдохнул облачко сигаретного дыма, помахал рукой, чтобы оно рассеялось, и ничего не ответил. Мое молчание его озадачило.

Он перегнулся через стол и кончиком сигары, как указательным пальцем, ткнул в мою сторону.

— Пока я вас еще не нанял. Если я это и сделаю, то знайте, что поручение абсолютно секретное. Никакой болтовни о нем с вашими друзьями из полиции! Понятно?

— О каком, собственно, поручении идет речь? — спросил я.

— Это вам должно быть безразлично. Ведь вы беретесь за любую детективную работу? Или нет?

— Или нет. Только за более или менее чистые дела.

Он уставился на меня, крепко сжав зубы. Его серые глаза сверкали.

— Например, я не занимаюсь бракоразводными делами, — продолжал я. — Кроме того, я беру задаток в размере ста долларов. С незнакомых.

— Хорошо, хорошо, — сказал он вдруг мягко. — Ладно.

— А что касается вашей грубости, то я привык. Большинство моих клиентов начинают с того, что либо проливают слезы на моей груди, либо орут, чтобы показать, кто здесь хозяин. Хотя обычно дело кончается во вполне разумной тональности, если, конечно, клиент остается в живых.

— Ладно, — повторил он почти ласково, продолжая смотреть на меня. — А вы многих своих клиентов теряете?

— Нет, если они обращаются со мной прилично, — улыбнулся я.

— Не желаете ли сигару?

— Спасибо. — Я взял сигару и положил ее в карман.

— Я хочу, чтобы вы нашли мою жену, — сказал он. — Она исчезла месяц тому назад.

— Хорошо, — сказал я. — Я найду вашу жену.

Он побарабанил пальцами по столу, продолжая неотрывно смотреть на меня.

— Я верю, что вам это удастся, — сказал он. Потом ухмыльнулся. —

Давненько меня уже никто так не осаживал.

Я ничего не ответил.

— Черт побери, — сказал он, — мне это понравилось. Очень понравилось. — Он провел ладонью по густым темным волосам. — Целый месяц, как она пропала. Исчезла из нашего загородного дома. У нас есть дом в горах, вблизи от озера Пума. Вы знаете это озеро?

— Да.

— Дом находится в трех милях от поселка, — продолжал он. — Дорога, которая к нему ведет, — частная. Дом стоит у озера, которое тоже является нашей собственностью. Озеро Маленького фавна. Мы, трое владельцев домов, соорудили дамбу, чтобы предохранить долину от паводка. Участок принадлежит мне и еще двум людям. Он довольно большой, но хорошо скрыт от посторонних глаз и находится в стороне от дорог. Так что еще некоторое время широкая публика его не откроет. У моих друзей деревянные дома, у меня — тоже. В четвертом домике живет некто Билл Чесс со своей женой. Они живут бесплатно и за это следят за участком. Он инвалид войны и получает пенсию. Это — единственные люди, которые находятся там постоянно. Моя жена отправилась туда в середине мая, потом дважды приезжала домой на субботу и воскресенье. Двенадцатого июня ее ждали в одной компании, но она не явилась. Никто не знает, куда она делась.

— И что вы предприняли?

— Ничего. Абсолютно ничего. Я туда и не ездил. — Он подождал, вероятно желая, чтобы я задал вопрос.

— Почему? — спросил я.

Он отодвинул кресло и отпер ящик стола. Вынув сложенный пополам листок, он протянул его мне. Я развернул, это была телеграмма. Отправлена из Эль-Пасо 14 июня в 9.19. Она гласила:

«деррису кингсли 965 карлсон драйв беверли хиллс еду
Мексику быстрого оформления развода тчк выхожу замуж за
криса тчк будь счастлив прощай кристель»

Я положил телеграмму на свою половину стола. Он молча протянул мне большую и очень четкую фотографию на глянцевой бумаге. На ней была изображена пара, сидевшая на пляже под большим зонтом. Мужчина был в шикарных плавках, на женщине был весьма рискованного покроя купальник из белой акульей кожи.

Это была стройная улыбающаяся блондинка, молодая и хорошо

сложенная.

Мужчина — красавец с атлетической фигурой, широкоплечий, с гладкими темными волосами и белыми зубами. Каждый дюйм его тела выдавал типичного разрушителя браков и разбивателя сердец. Руки цепкие, на лице — весь небольшой запас интеллекта, какой ему отпущен. В руке этот тип держал темные очки и привычно улыбался в объектив.

— Это Кристель, — сказал Кингсли, — а это Крис Лэвери. По мне, так пусть она им владеет, а он — ею. Черт бы побрал их обоих.

Я положил снимок рядом с телеграммой.

— Хорошо. Какими вы располагаете отправными точками?

— Там в горах нет телефона, — сказал он, — а вечеринка, на которой ее ждали, не имела большого значения. Поэтому до получения телеграммы я не особенно задумывался, куда она девалась. Да и содержание телеграммы не слишком меня удивило. Мы с Кристель уже несколько лет в плохих отношениях. Она живет своей жизнью, я — своей. У нее есть свои деньги — больше чем достаточно. Примерно двадцать тысяч в год от нефтяных приисков в Техасе, принадлежавших ее семье. Она занимается флиртом, и я знаю, что Лэвери — один из объектов этих ее занятий. Пожалуй, я был немного удивлен, когда узнал, что она собирается за него замуж. Ведь он — не что иное, как профессиональный охотник за бабами. Но фотография выглядит очень убедительно. Вы понимаете?

— А потом?

— Потом я две недели ничего не слышал. Пока мне не позвонили из отеля «Прескотт» в Сан-Бернардино и не сообщили, что у них в гараже оставлен кем-то спортивный «паккард», зарегистрированный на имя Кристель и на мой адрес. Они спрашивали, что делать с машиной. Я сказал, что пусть пока остается у них, и послал им чек в уплату за ее хранение. В этом, собственно, тоже не было ничего подозрительного. Я подумал, что они отправились в Мексику. И если поехали в автомобиле, то скорее всего в машине Лэвери. А позавчера я встретил Лэвери в спортклубе, здесь за углом. И он сказал мне, что понятия не имеет, где находится Кристель.

Кингсли бросил на меня быстрый взгляд и достал бутылку. Поставив на стол две рюмки, он налил одну и подвинул ее ко мне. Держа вторую против света, он медленно сказал:

— Лэвери утверждает, что никуда с нею не ездил, два месяца ее не видел и не имел с ней никаких контактов. Я спросил:

— Вы ему верите?

Он кивнул, наморщив лоб, потом выпил и отодвинул рюмку в сторону. Я тоже пригубил. Это был «скотч». Не первый сорт.

— Я ему поверил, — сказал Кингсли. — Хотя, может быть, напрасно. Я поверил ему не потому, что он надежный человек. Что угодно, но только не это. А потому, что этот проклятый бездельник получает удовольствие, совращая жен своих друзей и еще хвастаясь этим. Ему доставило бы большое наслаждение сообщить мне, что моя жена сбежала с ним от меня. Я знаю этот сорт людишек! И особенно его! Одно время он гастролировал чуть ли не по всему штату, и скандал следовал за скандалом. Он не может пройти мимо любой конторской девчонки... Кроме того, вспомните о звонке из Сан-Бернардино насчет машины Кристель. Я рассказал ему об этом. Для чего, спрашивается, он стал бы утруждать себя ложью?

— Ну, а предположим, она его в свою очередь бросила, — сказал я, — и тем самым уязвила его донжуанское самолюбие?

Казалось, Кингсли почувствовал облегчение. Но потом отрицательно покачал головой.

— Все же я верю ему больше, чем на 50 процентов, — ответил он. — Отыщите доказательства. Для этого вы мне и нужны. Но у этого дела есть еще одна сторона. Я занимаю здесь хороший пост. Но это — лишь пост. Я не могу позволить себе скандала. Если моя жена окажется замешанной в какой-нибудь уголовщине, то я и глазом не успею моргнуть, как вылетчу отсюда.

— В уголовщине? — удивленно переспросил я.

— Да. Среди прочих своих занятий, — желчно проговорил он, — моя жена то и дело находит время, чтобы что-нибудь стащить в универмаге или магазине самообслуживания. Когда она слишком много выпьет, а это с ней случается, у нее появляются такие идиотские причуды. У меня уже было несколько крайне неприятных объяснений с управляющими магазинов. Пока удавалось избежать суда, но если такое произойдет в чужом городе, где ее никто не знает... — Он поднял руки и снова уронил их на стол, — она может угодить за решетку. Не так ли?

— У нее когда-нибудь снимали отпечатки пальцев?

— Нет, под арестом она не была.

— Я не это имею в виду. Когда магазины соглашаются замять происшествие, не возбуждая дела о краже, то они часто ставят условием снятие отпечатков пальцев. Это отпугивает любителей острых ощущений, а у дирекции собирается картотека kleптоманов. Если отпечатки повторяются, то виновному уже не выпутаться.

— Насколько мне известно, до этого дело не доходило.

— Ну что ж, оставим это. Если бы она была арестована, то к вам давно обратились бы за выяснением ее личности. Даже если ей разрешили

предстать перед судом под вымышленным именем, все равно полиция вас известила бы. И вообще, если бы она крепко влипла, то сама попросила бы у вас помощи. — Я постучал пальцами, по бело-голубому телеграфному бланку. — Эта штука, значит, месячной давности. Нет, если что-нибудь подобное случилось бы месяц назад, то давным-давно все было бы известно. Она ведь раньше не имела судимостей, так что на первый раз отделалась бы условным осуждением и денежным штрафом.

Чтобы утолить свое горе, он налил себе еще рюмку.

— Вы меня несколько успокоили, — сказал он.

— Существует, кроме того, много других возможностей. Либо она уехала с Лэвери, и они поссорились. Либо с другим мужчиной, а телеграмма должна была просто направить нас по ложному следу. Она могла уехать и одна или с другой женщиной. Может быть, она слишком много пила и теперь проходит курс лечения в каком-нибудь частном санатории для алкоголиков. Наконец, она могла попасть в какое-нибудь затруднительное положение, о котором мы с вами и понятия не имеем. Или оказалась замешана в каком-либо преступлении...

— Боже милостивый, не говорите таких вещей! — взмолился он.

— Почему же? Надо учитывать всякую возможность. Итак, у меня сложилось следующее представление о миссис Кингсли: молода, красива, легкомысленна и необузданна. Она — женщина того типа, который привлекает мужчин, и способна связаться с первым встречным мерзавцем. Примерно соответствует?

Он кивнул:

— Слово в слово!

— Сколько денег у нее могло быть с собой?

— Обычно она носила при себе довольно много. У нее свой собственный банковский счет. Может снять с него практически любую сумму.

— У вас есть дети?

— Нет, детей нет.

— Вы ведете ее дела?

Он покачал головой.

— У нее нет никаких дел, кроме как выписывать чеки, получать деньги, а потом швырять их на ветер. О том, чтобы вложить средства в какое-нибудь дело, она и слышать не хочет. Ни цента. А я никогда не пытался извлечь какую-нибудь пользу из ее денег, как вы, вероятно, думаете. — Он сделал паузу, потом сказал: — Впрочем, нет, я пытался. Я тоже всего лишь человек, и мне нелегко видеть, как эта женщина каждый

год заливает себе за воротник двадцать тысяч, а в результате приобретает только горькое похмелье и связи с молодчиками типа Криса Лэвери.

— А в каких вы отношениях с ее банком? Можете вы получить список чеков, выписанных ею за последний месяц?

— Нет, они не дадут мне никаких справок. Однажды я попробовал, но мне отказались сообщить что бы то ни было.

— Вообще-то можно такой список получить, — сказал я. — Только для этого придется сообщить полиции об ее исчезновении. Вам это было бы неприятно?

— Если бы это было мне приятно, я бы к вам не обращался.

Я кивнул, собрал все свое имущество и рассовал его по карманам.

— В таких делах всегда оказывается больше возможностей, чем можно предположить вначале, — сказал я. — Но, во всяком случае, я начну с Лэвери. А потом съезжу на озеро Маленького фавна и постараюсь там что-нибудь разузнать. Для начала мне потребуется адрес Лэвери и записка на имя человека, который охраняет ваш загородный дом.

Он вынул из ящика блокнот, написал на нем несколько слов, вырвал листок и протянул его мне. Я прочел: «Дорогой Билл! Податель сего, мистер Филип Марлоу, желает ознакомиться с моим домом. Пожалуйста, покажите ему дом и вообще окажите любое содействие! Привет! Деррис Кингсли».

Я сложил листок и вложил в его конверт, который Кингсли надписал, пока я читал письмо.

— А как обстоит дело с остальными домами там, в горах?

— Пока еще там никого нет. Владелец одного дома живет в Вашингтоне, второй — в Форт-Левенуорте. И жены там же.

— Теперь, пожалуйста, адрес Лэвери.

Он смотрел на стену над моей головой.

— Где-то в Бэй-Сити. Я смог бы узнать дом, но адрес забыл. Я думаю, вам его может сообщить мисс Фромсет. Кстати, ей не обязательно знать, зачем он вам нужен. Впрочем, она, должно быть, и так догадывается. Да, вы, кажется, говорили, что вам нужно сто долларов?

— Ну что вы! — засмеялся я. — Это я так. Уж больно вы вначале старались нагнать на меня страху!

Он тоже рассмеялся. Я встал, помедлил и посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы ведь ничего не утаили от меня, мистер Кингсли?

Он рассматривал свою ладонь.

— Нет, я ничего от вас не скрыл. Я беспокоюсь. Хотел бы, чтобы вы

узнали, где она. Я очень беспокоюсь... Если вы что-нибудь обнаружите, то приходите или звоните в любое время. В любое время — днем или ночью.

Я пообещал. Мы пожали друг другу руки. Потом я опять вышел в прохладную приемную. Мисс Фромсет по-прежнему элегантно восседала за своим письменным столом.

— Мистер Кингсли полагает, что вы могли бы сообщить мне адрес мистера Лэвери, — сказал я, наблюдая за ее лицом.

Она очень медленно протянула руку за алфавитной адресной книгой и полистала ее. Голос ее был сдержанным и холодным.

— У нас есть такой адрес: 623, Элтер-стрит, Бэй-Сити. Мистер Лэвери уже больше года не бывал у нас. Возможно, он переехал.

Поблагодарив, я направился к двери. Потом быстро оглянулся. Она сидела неподвижно и смотрела в пустоту. Ее руки лежали на крышке стола. На щеках горели два ярких красных пятна. Глаза были отсутствующими, горькими.

Мне показалось, что Крис Лэвери относится не к самым приятным ее воспоминаниям.

Глава 3

Элтер-стрит тянулась вдоль S-образного склона глубокого каньона. На севере узкой голубой полоской виднелась бухта Малибу. Южнее, над автострадой, проходившей вдоль пляжей, на склонах горы расположился городок Бэй-Сити.

Улица, состоящая примерно из трех-четырех кварталов, упиралась в высокую металлическую решетку, охранявшую какое-то частное владение. За позолоченными остриями решетки виднелись деревья и кусты, стриженный газон и изгиб ведущей к дому дороги. Самого здания не было видно. Внутренняя сторона Элтер-стрит была застроена довольно большими, зажиточными домами. Внешнюю же сторону образовывали стоявшие на краю каньона немногочисленные бунгало довольно жалкого вида. В последнем квартале, расположенном перед решеткой, стояло всего два дома, смотревших фасадами друг на друга. В одном из них, видимо, и жил Лэвери.

Я развернулся на полукруглой площадке в конце улицы и поехал в обратном направлении, собираясь поставить машину у дома напротив. Дом Лэвери стоял немного ниже уровня улицы. Затянувшие фасад заросли дикого винограда придавали ему уютный вид. Несколько ступенек спускались ко входной двери. На плоской крыше были высажены в ящиках декоративные растения. Спальни, должно быть, находились в нижнем этаже. Сбоку к дому был пристроен гараж.

Вход в дом украшали кусты красных роз, часть побегов стелилась по плоским камням подъездной дорожки, обсаженной по краям корейским мхом.

Дверь была узкая, под нею лежал железный молоток. Я поднял его и постучал. Ничто не шевельнулось. Я нажал кнопку звонка и услышал, что он зазвонил внутри. Ничего. Я снова взялся за молоток. Опять ничего. Я обошел вокруг дома и заглянул в щелку гаражной двери. Внутри стояла машина. Бока ее покрышек были украшены белой резиной.

Значит, кто-нибудь должен быть дома. Я опять вернулся к двери.

Из гаража на противоположной стороне улицы выполз маленький «кадиллак».

Он развернулся и проехал мимо дома Лэвери. Проезжая, притормозил. Худощавый человек в темных очках, сидевший за рулем, строго посмотрел на меня, словно я поставил машину в запрещенном месте. Я ответил ему

холодным взглядом, и он уехал.

Я снова занялся молотком. На этот раз более успешно. Рядом с дверью открылось маленькое зарешеченное оконце, и выглянул красивый остроглазый парень.

— Вы зачем такой шум поднимаете? — спросил сердитый голос.

— Мистер Лэвери?

— Что вам нужно?

Я просунул сквозь решетку свою визитную карточку. Он взял ее сильной загорелой рукой. Острые глаза снова осмотрели меня. Он сказал:

— Весьма сожалею. Сегодня мне детективов не требуется.

— Я по поручению мистера Кингсли.

— Черт бы побрал вас обоих! — воскликнул он, захлопывая оконце.

Я прислонился плечом к кнопке звонка и достал из кармана сигарету. Не успел я чиркнуть спичкой по притолоке двери, как она рывком отворилась, и Лэвери выскочил наружу. Он был высокого роста, одет в белый купальный халат и пляжные сандалии.

Я отпустил звонок.

— Что случилось? — дружелюбно улыбнулся я ему. — Вас кто-нибудь обидел?

— Троньте-ка еще раз звонок, — пообещал он, — и будете лежать на мостовой!

— А вы не будьте ребенком! Вы же понимаете, что мне нужно с вами поговорить и что вам этого разговора не избежать.

Вытащив бело-голубую телеграмму, я подержал ее у него перед глазами. Он прочитал ее, прикусил губу и проворчал:

— Ладно, господи, ну, входите же!

Он придержал дверь, и я вошел в красивую полутемную комнату. Ковер абрикосового цвета, покрывавший пол, выглядел достаточно дорогим. В комнате стояли глубокие кресла, несколько белых металлических торшеров, большой письменный стол и диван, обтянутый светло-коричневым репсом в полоску. В углу — камин с медной решеткой и выступающим карнизом из светлого дерева. В камине были сложены дрова, почти скрытые большой веткой цветущей манцаниты.

Цветы местами поблекли, но все еще были красивы.

На низком круглом столике стоял поднос с бутылкой виски, несколькими рюмками и медным сосудом для льда.

Комната занимала почти весь этаж, в середине ее виднелась белая винтовая лестница, которая вела вниз.

Лэвери захлопнул дверь, улегся на диван и закурил. Я уселся напротив

него. В жизни он выглядел по меньшей мере не хуже, чем на фотографии. У него была мощная грудная клетка и крепкие ноги, глаза цветом напоминали ореховую скорлупу. Довольно длинные волосы слегка завивались на висках. Загорелое тело не носило никаких следов излишеств. Это был красивый кусок мяса, большего я ничего в нем не обнаружил. Но можно было поверить, что женщины от него без ума.

— Почему бы вам не сказать, где она? — начал я разговор. — Мы все равно найдем ее, рано или поздно. А если вы сами скажете, нам не придется вас больше беспокоить.

— Меня беспокоить? Для этого требуется кто-нибудь покрепче, чем частный сыщик.

— Вы ошибаетесь. Частный сыщик может доставить вам очень много беспокойства и неприятностей. Сыщики — люди настойчивые и привыкшие к грубому обращению. Наше время оплачивается, так что мы можем его тратить на то, чтобы вас беспокоить, равно как и на любое другое развлечение.

— Ну, хорошо, послушайте, — сказал он, наклонившись вперед. — Я прочел вашу телеграмму, но это — липа. Я не ездил с Кристель Кингсли в Эль-Пасо. Я давно ее не видел, дольше, чем со дня отправки телеграммы. Я не имею о ней никаких сведений. И все это я уже говорил самому Кингсли.

— Он не обязан вам верить.

— А для чего мне лгать? — удивился он.

— А почему бы вам и не солгать? — спросил я в свою очередь.

— Видите ли, — сказал он серьезно, — вы вправе так думать, но вы не знаете Кристель. Муженек не может привязать ее на цепочку. Если ему не нравится поведение жены, то он ведь способен вознаградить себя за это. Ах, уж эти мужья — собственники! От них впору с ума сойти!

— Ну, допустим, вы не были с нею в этот день в Эль-Пасо. Зачем же ей было посылать эту телеграмму?

— Понятия не имею!

— Могли бы придумать ответ и получше, — сказал я и показал на манцанитовую ветвь перед камином. — Ведь эти цветы сорваны у озера Маленького фавна?

— Этих цветов полно всюду, — сказал он презрительно.

— Но в долине они не так красивы.

Он засмеялся.

— Я был там в третью неделю мая. Если вам уж так необходимо это знать. Полагаю, это легко проверить. Тогда я и видел ее в последний раз.

— А жениться на ней вы не собирались?

Он выдохнул пару красивых дымовых колец.

— Я об этом думал, не скрою. У нее есть деньги. Деньги всегда пригодятся. Но добывать их таким способом — слишком тяжело.

Я кивнул, но ничего не ответил. Он задумчиво посмотрел на ветку манцаниты, снова раскурил свою сигарету. Я молчал. Спустя некоторое время он начал выказывать признаки нетерпения. Вновь посмотрел на мою визитную карточку.

— Значит, вас нанимают, чтобы ворошить старое дерьмо? Хоть прилично платят за это?

— И говорить не стоит... Там доллар, тут доллар...

— И все доллары довольно грязные, — сказал он с вызовом.

— Послушайте, мистер Лэвери, — ответил я. — Нам незачем ссориться.

Кингсли думает, что вы знаете, где находится его жена, но скрываете это.

Либо из нежных чувств к ней, либо просто из подлости.

— А что его больше бы устроило? — спросил смуглый красавец язвительным тоном.

— Это для него безразлично, лишь бы получить сведения о ней. Его не очень волнует, чем вы занимаетесь с его женой, куда вы с ней ездите и собирается ли она разводиться с ним. Он лишь хочет быть уверен, что все в порядке и что она не попала в какую-нибудь историю.

Лэвери изобразил интерес.

— В историю? Какого рода? — Он облизнул губы, словно пробовал слово на вкус.

— Допустим, у нее могут быть неприятности, о которых вы и не подозреваете.

— А вы мне все-таки расскажите! — произнес он саркастически. — Интересно послушать о неприятностях, которые мне неизвестны.

— Вы великолепны, — сказал я. — На серьезные вопросы вам отвечать некогда. А чтобы глупо острить — время находится. Может быть, вы сами отвезли ее через границу и теперь надеетесь, что мы не сумеем узнать правду? Не надейтесь, выбросьте это из головы!

— Только не поломайте себе зубы, умник! Доказательств у вас нет никаких, а без них какие вы мне можете предъявить обвинения?

— Ну, эта телеграмма — уже кое-что, — сказал я настойчиво. У меня было чувство, словно эту фразу я уже произносил несколько раз.

— Вероятнее всего, это блеф. Розыгрыш. Она обожает подобные маленькие шутки, любит подурачить людей. А кое-кого и позлить.

— Не вижу в такой шутке ничего смешного.

Он небрежно стряхнул пепел с сигареты прямо на стол, оглядел меня с головы до ног и снова отвел взгляд.

— Я ее бросил, — сказал он медленно. — Может быть, она таким способом пытается мне отомстить? Она дожидалась меня там в горах. Я не поехал. Я сыт ею по горло.

— Вот как? — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Эта история мне не особенно нравится. Было бы куда как более мило, если бы вы признались, что ездили с нею в Эль-Пасо и там поссорились. Может быть мы лучше изложим ваш рассказ в такой форме?

Он покраснел так, что это стало видно сквозь загар.

— Проклятье! Я же вам сказал, что никуда с нею не ездил. Никуда! Не можете себе это зарубить на носу?

— Зарублю, как только вам поверю.

Он наклонился вперед и раздавил окурок. Потом легко встал и затянул потуже пояс своего халата.

— Ну вот что, — сказал он ясным голосом, — теперь убирайтесь! На свежий воздух! Мне надоели ваши допросы третьей степени! Вы понапрасну тратите время — и мое и свое, если оно чего-нибудь стоит.

Я тоже встал и рассмеялся ему в лицо.

— Оно стоит не очень дорого, ровно столько, сколько мне за него платят. Кстати, вам не приходилось, например, из-за миссис Кингсли иметь некоторые неприятности с магазинами? Ну, скажем, из-за пары чулок или каких-нибудь безделушек?

Он посмотрел на меня внимательно, нахмутив брови.

— Я вас не понимаю.

— Больше ничего я и не хотел узнать, — заключил я. — Спасибо, что вы уделите мне столько времени. Кстати, чем вы зарабатываете себе на жизнь с тех пор, как расстались с миссис Кингсли?

— А вам какое дело, черт возьми?

— Вообще-то дела нет. Но если мне понадобится, я сумею это узнать в два счета, — сказал я, направляясь к двери.

— В настоящее время я не работаю, — сказал он холодно. — Я ожидаю со дня на день призыва в Военно-морской флот.

— Желаю вам его дождаться.

— Да, прощайте, сыщик. И не трудитесь приходить еще раз. Меня не будет дома.

Я пошел к двери. Она открывалась туго, должно быть, петли заржавели из-за влажного морского ветра. Открыв ее, я оглянулся. Он

смотрел на меня, нахмутив брови.

— Возможно, мне и придется зайти. Но не для того, чтобы вы рассказывали мне о розыгрышах. Чтобы обсудить с вами нечто более важное.

— Значит, вы все-таки думаете, что я лгу?

— Я думаю, что у вас еще есть что-то на сердце. Слишком много мне приходилось видеть лиц, чтобы я мог не заметить этого. Может быть то, что вы скрываете, и не имеет отношения к данному делу. Но если имеет, то вам придется еще раз попытаться выставить меня за порог!

— Выставляю с удовольствием! — сказал он. — Только в другой раз приведите с собой кого-нибудь, кто мог бы вас отвезти домой... На тот случай, если не так упадете и что-нибудь себе сломаете.

И вдруг — я не уловил смысла этого поступка — он смачно сплюнул себе под ноги, на ковер. Меня это почему-то поразило. Было такое ощущение, словно слышишь, как красивая, нежная на вид женщина произносит грязную площадную брань.

— До свидания, вы, роскошный клубок мускулов, — сказал я и вышел. Дверь закрылась с трудом.

На тротуаре я остановился и посмотрел на стоявший напротив дом.

Глава 4

Он был большой, но невысокий, его выгоревшие стены отдавали нежно-розовыми пастельными тонами. Оконные рамы были матово-зелеными, крыша выложена грубой зеленой черепицей. Входная дверь находилась в глубокой нише, обрамленной пестрой мозаикой.

Перед домом располагался небольшой цветник. Справа стоял гараж на три автомашины. Его ворота выходили во Двор.

На кирпичном столбике красовалась бронзовая табличка с надписью:

«Элберт С. Элмор, доктор медицины».

Пока я стоял, разглядывая дом, из-за угла появился уже знакомый мне черный «кадиллак». Автомобиль замедлил ход, собираясь, видимо, по широкой дуге свернуть к гаражу. Но водителю помешала моя машина, стоявшая на пути.

Поэтому он проехал до конца улицы и развернулся на пяточке перед решеткой.

Потом медленно вернулся и въехал в свободный бокс гаража.

Худощавый человек в темных очках прошел к дому по боковой дорожке. В руке он нес докторский саквояж. На полпути он опять посмотрел в мою сторону.

Я в это время шел к своей машине. Подойдя к двери, он стал ее отпирать и снова оглянулся.

Я уселся в свой «крайслер» и закурил, раздумывая, не стоит ли попросить кого-нибудь из коллег понаблюдать за Лэвери. Нет, пожалуй, пока это не нужно.

В окне, рядом с дверью, через которую доктор вошел в дом, шевельнулись гардины. Я заметил худую руку и отблеск света на очках. Гардины довольно долго оставались открытыми, потом их задернули.

Я взглянул на дом Лэвери. Отсюда была видна крашеная деревянная лестница, спускавшаяся к черному ходу.

Продолжая разглядывать дом доктора Элмора, я размышлял, в каких они могут быть отношениях. Во всяком случае, знакомы: ведь их дома — единственные в квартале. Но спрашивать доктора бесполезно — врачи привыкли хранить профессиональную тайну. Вряд ли он согласится что-нибудь сообщить.

Я снова посмотрел: гардины опять были отодвинуты. Доктор Элмор стоял у окна и сердито смотрел на меня.

Я высунул руку за дверцу машины и стряхнул пепел с сигареты. Доктор быстро отвернулся и уселся за письменный стол. Перед ним лежал портфель. Он сидел прямо, как свечка, и нервно барабанил пальцами по столу. Его рука потянулась к телефону, тронула его и вдруг отдернулась. Элмор закурил сигарету, резким взмахом руки погасил спичку и, подойдя к окну, опять уставился на меня.

Если все это и заинтересовало меня, то лишь потому, что передо мной был врач. Обычно врачи — наименее любопытные из всех людей. Уже будучи ассистентами, они вынуждены выслушивать столько человеческих секретов, что их потребность в тайнах оказывается удовлетворенной на всю жизнь. Однако доктор Элмор, похоже, сильно мною заинтересовался. При этом он обнаруживал не столько интерес, сколько крайнее раздражение.

Я уж было взялся за ключ зажигания, как дверь дома Лэвери открылась. Я откинулся на сиденье. Лэвери вышел бодрым шагом, посмотрел вдоль улицы и повернул к гаражу. Одет он был так же, только через плечо висело махровое полотенце. Было слышно, как открылась дверь гаража, забормотал запускаемый мотор. Из гаража выехала симпатичная маленькая спортивная машина с открытым верхом. На Лэвери теперь были шикарные солнечные очки в широкой белой оправе. Из выхлопной трубы автомобиля показалось белое облачко, машина промчалась вдоль квартала и скрылась за углом.

Это не представляло для меня особого интереса. Мистер Кристофер Лэвери направлялся на пляж, на берег Тихого океана, чтобы лежать на солнце и позволять девушкам наслаждаться его внешностью.

Меня значительно больше занимал доктор. Теперь он стоял у телефона, ничего не говорил, просто держал трубку у уха, курил и ждал. Потом слегка наклонился, как делают, услышав ответ, прислушался, повесил трубку и что-то записал в блокноте, лежавшем рядом с телефоном. Потом на письменном столе появилась толстая книга, обрез которой был выкрашен в желтый цвет. Раскрыв ее примерно на середине, он бросил быстрый взгляд на мой «крайслер».

Как видно, он нашел то, что искал, наклонился над книгой, и в воздухе над страницами возникла пара торопливых облачков дыма. Доктор снова что-то записал в блокнот, отодвинул книгу и вновь взялся за телефон. Набрав номер, он начал быстро говорить в трубку.

Разговор закончился, Элмор сидел, откинувшись в кресле, и размышлял, уставившись прямо перед собой и не забывая каждые

полминуты посматривать в окно. Он ждал. И я ждал. Собственно, без всякой причины. Врачи часто звонят по телефону и разговаривают с разными людьми. Врачи смотрят в окно, врачи хмурят лбы, врачи выглядят нервными. Врачи — такие же люди, как и мы, грешные. И они ведут свою долгую и горькую борьбу, как и мы все...

Но в поведении этого врача было что-то, сбивавшее меня с толку. Я посмотрел на часы, увидел, что давно пора было бы обедать, закурил новую сигарету — и не двинулся с места.

Минут через пять в конце улицы появился зеленый «седан». Он подъехал к дому доктора Элмора и остановился. Над капотом была укреплена длинная антенна, она слегка раскачивалась. Из машины вылез высокий блондин. Подойдя к двери доктора Элмора, он позвонил, потом наклонился, чтобы чиркнуть спичкой о ступеньку. Так ему было удобнее посмотреть на меня.

Дверь открылась, он вошел в дом. Гардины в кабинете доктора задернулись и скрыли от меня происходящее. Я продолжал сидеть в машине и смотрел на темные складки гардин. Прошло несколько минут. Дверь открылась, и высокий блондин, не торопясь, спустился по ступенькам. Он отбросил окурок, провел ладонью по волосам, пожал плечами, потер подбородок и, наконец, направился ко мне. В тишине его шаги звучали ясно и отчетливо. За его спиной гардины в окне доктора снова раздвинулись. Доктор стоял у окна и смотрел на нас. Рядом с моим локтем легла тяжелая веснушчатая рука. Над ней появилось большое, изборожденное складками лицо. Глаза отливали металлической синевой. От твердо посмотрел на меня и заговорил низким грубым голосом:

— Вы кого-нибудь ждете?

— Сам не знаю, — ответил я. — А что, нельзя?

— Я задаю вопросы, а не вы!

— Так, — сказал я. — Вот, значит, разгадка всей пантомимы.

— Какой пантомимы? — он смотрел на меня явно недружелюбно.

Я показал сигаретой через улицу.

— Этот нервный тип в окне. Сначала по номеру моей машины узнал в автоклубе мою фамилию, потом посмотрел в телефонной книге, кто я такой, а потом, значит, позвонил в полицию. Что бы это все могло значить?

— Покажите-ка сначала ваши права!

Теперь и я ответил ему твердым взглядом.

— Вы всегда начинаете с одного и того же хамского тона? — спросил я. — Как видно, это — единственное удостоверение личности, которым вы пользуетесь!

— Если ты, парень, вздумаешь грубить, то придется расплачиваться собственной шкурой!

Я повернул ключ зажигания и нажал на стартер. Мотор тихо заурчал и завелся.

— Выключите мотор! — сказал он злым голосом и поставил ногу на подножку машины.

Я повернул ключ и откинулся на сиденье.

— Черт возьми, хотите, чтобы я вас выволок и посадил на асфальт?

Я протянул ему свой бумажник. Он вытащил из него мои водительские права и начал их рассматривать. Потом изучил фотокопию лицензии. С презрительной миной он затолкал все обратно в бумажник и вернул его мне. Я убрал бумажник на место. Его рука опустилась в карман и вынырнула с сине-золотым полицейским жетоном.

— Дегамо, лейтенант уголовной полиции. — Голос у него был низкий, грубый.

— Рад с вами познакомиться, лейтенант, — сказал я.

— Не разговаривать! Отвечайте, почему вы шпионите за домом доктора Элмора?

— Я не «шпионю» за домом доктора Элмора, как вам было угодно выразиться, лейтенант. Я никогда не слышал о докторе Элморе, и у меня нет причин следить за ним.

Он поднял голову и сплюнул. Видно, у меня сегодня такой день, что приходится иметь дело исключительно с верблюдами.

— Тогда чего вы здесь шныряете? Нам не нужны ищейки. В нашем городе мы можем обойтись и без них!

— Действительно? Как интересно!

— Да, действительно. Так что выкладывайте правду, без уловок. Или, может, хотите отправиться со мной в полицию и попотеть под сильным прожектором?

Я не ответил.

— Вас наняла ее семья? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Тут недавно один попытался. Но закончил в тюрьме, мой милый.

— Держу пари, это — славная шутка, — сказал я. — Только хотелось бы понять, в чем ее соль. Кто попытался, что попытался?

— Попытался его шантажировать, — сказал он.

— Обидно, что я не знаю, как это сделать, — сказал я. — Ваш доктор, по-моему, твердый орешек, не очень-то пригодный для шантажа.

— Подобными отговорками вы не отвертитесь!

— Хорошо, — сказал я. — Попробую изложить в другой форме. Я не знаю доктора Элмора, никогда о нем не слыхал, и он меня не интересует. Я приезжал навестить приятеля, сижу и любуюсь красивым видом. А если я даже занят чем-нибудь другим, то вас это все равно не касается. Если такое объяснение вас не устраивает, то советую съездить в Лос-Анджелес, в Главное полицейское управление, и поговорить с дежурным офицером.

Он тяжеломерно переступил ногой на подножке машины, и на лице его отразилось сомнение.

— Честно? — спросил он неуверенно.

— Честно.

— Ах, черт бы его побрал, этого спятившего дурака! — воскликнул он вдруг и посмотрел через плечо на дом. — Ему самому надо показаться врачу. — Лейтенант рассмеялся, но в его смехе не было и тени веселья. Он снова провел ладонью по своим пепельным волосам.

— Ладно. Проваливайте! — сказал он. — И держитесь подальше от нашего города, понятно? Тогда не наживете себе врагов.

Я снова нажал на стартер. Когда мотор завелся, я спросил:

— Как поживает Ал Норгард?

Он посмотрел на меня, округлив глаза.

— Вы знаете Ала Норгарда?

— Да. Пару лет назад мы с ним расследовали одно дело, здесь, у вас. Он был тогда начальником полиции.

— Теперь он работает в военной полиции. Я бы и сам не прочь был туда перейти, — сказал он с горечью. Уже уходя, он вдруг снова резко повернулся ко мне. — Живо, уматывайте! Пока я не передумал.

Тяжело ступая, он снова пересек улицу и вошел в ворота дома Элмора.

На пути к городу я прислушивался к своим мыслям. Они прыгали туда-сюда, как нервные руки доктора Элмора по краю гардины.

Добравшись до Лос-Анджелеса, я съел ленч и решил заехать к себе в контору, чтобы просмотреть почту. Потом я позвонил Кингсли.

— Я был у Лэвери. Он так ругался, что это было похоже на правду. Я попробовал пару раз задеть его за живое, но из этого тоже ничего не вышло. Думаю, что они поссорились и разошлись. Похоже, что он об этом сожалеет.

— Но тогда он должен знать, где она находится, — сказал Кингсли.

— Может знать, а может и не знать. Кстати, на улице, где живет Лэвери, со мной произошло довольно странное происшествие. Там стоят два дома: Лэвери и некоего доктора Элмора.

Я вкратце рассказал Кингсли о происшедшем. Он помолчал, потом

спросил:

— Вы имеете в виду доктора Элберта Элмора?

— Именно.

— Некоторое время он был врачом Кристель. Много раз приходил к нам, когда... Ну, словом, когда она слишком напивалась. Мне показалось, что он слишком скор на руку в обращении со своим шприцем. Его жена... подождите, что-то там случилось с его женой... Да, верно, она покончила с собой.

— Когда?

— Я уже не помню. Довольно давно. Вообще-то у меня с ним никаких контактов и не было. Что же вы собираетесь предпринять дальше?

Хотя день уже клонился к вечеру, я решил ехать на озеро. Он сказал, что времени у меня достаточно. Тем более, что в горах темнеет на час позже.

— Да? Это прекрасно, — сказал я и повесил трубку.

Глава 5

Городок Сан-Бернардино изнемогал от полуденной жары. Воздух был таким горячим, что у меня буквально пузыри на языке высыпали. Я сидел в машине и тяжело отдувался. На минуту остановился и купил бутылку виски на случай, если окончательно раскисну раньше, чем доберусь до гор. После Крестлина я свернул на шоссе, круто взбиравшееся вверх. За пятнадцать миль дорога поднялась на пять тысяч футов, но и здесь атмосфера была какой угодно, только не прохладной.

Тридцать миль по горам привели меня в высокий сосновый лес, к поселку, называвшемуся Баблинг Спринтс. Там имелись крытая дранкой лавочка и заправочная колонка. Это место показалось мне раем. Начиная оттуда, путь стал прохладней.

Озеро Пума было огорожено длинной дамбой. На каждом ее конце и посередине стояло по часовому. Прежде чем пропустить меня на дамбу, первый из них потребовал, чтобы я закрыл все окна в машине. Примерно в ста метрах от дамбы был протянут трос на поплавках, ограждавший запретную зону.

Озеро кишмя кишело лодками, байдарками, гоночными гребными судами. По голубой воде скользили моторки, оставляя за собой пенные хвосты и резко накреняясь. На поворотах девушки, сидевшие в лодках, визжали и опускали ладони в воду. На волнах покачивались плоскодонки с удильщиками, уплатившими по два доллара за право порыбачить и теперь безуспешно пытавшимися выудить рыбешки хоть на цент.

Дорога бежала вдоль массивных гранитных скал. Потом по обе ее стороны распростерлись луга, где в траве попадались синие ирисы, белый и красный люпин, мята и полевые розы. Стройные ели высились на фоне ясного синего неба.

Шоссе опустилось пониже и снова вернулось к берегу озера. Здесь было полно загорелых девиц в шикарных купальниках, косынках, пляжных сандалиях на толстых подошвах. Взад-вперед носились велосипедисты, то и дело появлялся какой-нибудь потенциальный самоубийца на мотоцикле.

Примерно в миле за поселком от шоссе ответвлялась, поднимаясь в горы, узкая дорога. Некрашенная деревянная доска оповещала: «До озера Маленького фавна 1,5 мили». Я повернул туда. По склонам были рассеяны небольшие домики, примерно через милю они исчезли. Вскоре в сторону свернула еще более узкая дорога. Здесь на деревянной доске было

написано:

«Озеро Маленького фавна. Частная дорога. Проезд воспрещен».

Мой «крайслер» с усилием пополз в гору, мимо голых гранитных скал. Я миновал небольшой водопад, рощу черного дуба, железного дерева и манцанитовых кустов. Царила глубокая тишина. На ветке закричала сойка. Рыжая белка обругала меня и швырнула в мою сторону шишку. Красный дятел прервал свою работу, уставился черными жемчужинками глазок и спрятался за ствол дерева, чтобы тотчас же выглянуть из-за него с другой стороны.

Наконец на пути показался бревенчатый шлагбаум, также снабженный предупреждающей табличкой. Он был открыт.

Несколько сот метров дорога петляла между стволами деревьев. И внезапно подо мной открылось маленькое овальное озеро, глубоко запрятанное между деревьями и скалами, словно капля росы в сморщенном листе. У ближнего берега была возведена цементированная дамба. Перегибом служил натянутый трос. Сбоку от дамбы виднелось старое мельничное колесо, прислонившееся к хижине, срубленной из неободренных сосновых бревен.

На противоположном берегу озера, недалеко от конца дамбы, я увидел большой красный деревянный дом, немного нависавший над водой. Поодаль стояли еще два дома. У всех трех был нежилой вид: двери закрыты, шторы на окнах плотно задернуты. Ставни большого дома были покрашены в оранжевый цвет, в сторону озера смотрело большое, в двенадцать стекол, окно.

В другой части озера виднелось нечто вроде маленькой пристани с дощатым павильоном.

Выйдя из машины, я направился к бревенчатой хижине, позади которой слышались удары топора. Я постучал. Топор умолк. Мужской голос прокричал что-то неразборчивое.

Я уселся на валун и закурил сигарету. Из-за угла дома слышались шаги.

Передо мною появился человек с резкими чертами лица и смуглой кожей. В руке он держал топор.

Он был коренаст и хромотал при ходьбе: выносил правую ногу немного наружу, а потом по дуге выставлял ее вперед. У него был темный небритый подбородок, твердые синие глаза. Волосы с проседью нависали над ушами

и давно уже нуждались в свидании с ножницами. Одет он был в синие хлопчатобумажные брюки и такую же рубашку, ворот которой открывал мускулистую шею. В углу рта висела сигарета. Говор был обычным, городским.

— Хелло, что вам надо?

— Мистер Билл Чесс?

— Да, это я.

Я встал и протянул ему письмо Кингсли. Он покосился на бумагу, ушел, прихрамывая, в дом и вернулся с очками на носу. Внимательно прочитал письмо, потом перечитал еще раз. Наконец вложил его в нагрудный карман, застегнул его и протянул мне руку.

— Рад познакомиться, мистер Марлоу. — Мы пожали друг другу руки. Его ладонь напоминала рашпиль. — Значит, хотите посмотреть дом Кингсли? Охотно вам покажу. Господи, уж не собрался ли он его продавать?

— Все может быть, — сказал я. — В Калифорнии все продается.

— К сожалению, это правда. Вон этот дом, красный. И что за дом!

Облицован кедром, черепичная крыша, каменный фундамент, террасы тоже каменные. Ванны с душем, жалюзи со всех четырех сторон, большой камин, комбинированное отопление — дровяное и газовое. Весной и осенью это здесь необходимо. Все — первый класс! Стоит, примерно, восемь тысяч. Это не так уж мало для летнего дома. Да, еще на горе имеется собственный резервуар для сбора дождевой воды.

— А как насчет электричества и телефона? — спросил я, чтобы не показаться невежливым.

— Электричество, конечно, есть, — ответил он, — но телефона нет. Сейчас с этим трудно. А если бы и удалось его провести, то протащить сюда линию обошлось бы в кучу денег.

Он все время смотрел мне прямо в глаза, и я отвечал на его взгляд.

Несмотря на свой здоровый вид, он показался мне пьяницей. Кожа была немного отекавшей, с хорошо видными венами, да и глаза блестели. Я спросил:

— Сейчас здесь кто-нибудь живет?

— Ни души! Несколько недель назад была миссис Кингсли. И снова уехала. В любой день может вернуться. Он ничего не говорил насчет этого?

Я сделал вопросительную мину.

— Как? Разве миссис Кингсли продается вместе с домом?

Он взглянул на меня искоса, потом запрокинул голову и разразился грубым хохотом. Звук был, примерно, как из выхлопной трубы трактора.

Лесная тишина была порвана в клочья.

— О, Иисус! Вот это шутка! — он хватал ртом воздух. — Не продается ли вместе... — раздалась еще одна очередь хохота. Потом он внезапно замолчал, рот его захлопнулся, как капкан.

— Да, это шикарный дом, — сказал он и оглядел меня подозрительно.

— А кровати удобные? — спросил я. Он наклонился, улыбка исчезла, сменившись злобной гримасой.

— Давно, видать, не получали хорошего синяка под глазом?

Я уставился на него недоуменно раскрыв рот.

— Что-то не доходит до меня ваша шутка, — сказал я. — Наверное, я непонятливый.

— А откуда мне знать, удобные ли кровати, — накинулся он на меня. Он весь напряжился, правая рука приготовилась к удару.

— Не понимаю, почему бы вам и не знать, — сказал я. — Но я не настаиваю. Могу и сам попробовать.

— Конечно, — сказал он злым голосом. — Вы думаете, я не способен узнать сыщика, когда он стоит передо мной? Да я с такими в кошки-мышки играл! Промахнулись, дорогой! Промахнулись, мистер Кингсли! Нанимает сыщика и посылает сюда, чтобы узнать, не ношу ли я его пижамы! Слушайте, пусть у меня и хромая нога, но бабу я всегда сумею себе найти.

Я поднял руку, в душе надеясь, что он не вздумает ее оторвать и зашвырнуть в озеро.

— Вы отвлеклись, — сказал я. — Я не для того сюда приехал, чтобы совать нос в ваши любовные дела. Я никогда не видел миссис Кингсли, а его самого сегодня утром увидел в первый раз. Куда это вас занесло?

Он опустил глаза и тыльной стороной ладони ударил себя по губам, словно желая причинить себе боль. Потом поднес руку к глазам, сжал ее в кулак, снова разжал и посмотрел на пальцы. Они слегка дрожали.

— Очень сожалею, мистер Марлоу, — сказал он медленно. — Не обижайтесь! Я вчера вечером здорово надрался, а сегодня меня мутит, как семь шведов. Побудешь здесь целый месяц один, как перст, так сам с собой разговаривать начнешь! Тут всякое может случиться!

— Может, в таком деле может помочь стаканчик? — спросил я.

Он посмотрел на меня заблестевшими глазами.

— У вас есть с собой?

Я вытащил бутылку из кармана и подержал ее так, чтобы была видна зеленая этикетка.

— Вот это повезло! — воскликнул он. — Черт возьми! Принести рюмки или лучше пойдем в дом?

— Давайте на воздухе. Очень вид красивый!

Припадая на хромую ногу, он быстро сходил в дом, принес два маленьких стаканчика и сел на камень рядом со мной. От него крепко пахло потом.

Я отвинтил пробку, налил ему полный стаканчик, а себе немного. Мы чокнулись и выпили. Он побулькал напитком во рту, и его лицо осветилось улыбкой.

— Друг, это то, что надо, — сказал он. — Интересно, с чего я это так завелся? Тут, в горах, в одиночку и рехнуться недолго. Без компании, без друзей, без женщины... — Он сделал паузу, искоса посмотрел на меня и повторил: — Особенно без женщины!

Я смотрел на синюю воду в озере. Под нависшей скалой на поверхность вынырнула рыба. По воде пошли круги. Легкий ветер шевелил верхушки деревьев, они шумели, как далекий и тихий прибой.

— Она меня бросила, — проговорил он медленно. — Уже с месяц. В пятницу, двенадцатого июня. Я этот день никогда не забуду!

Я подлил ему еще виски. Пятница, двенадцатого июня. В этот самый день Кристель Кингсли ожидали в городе на вечеринку.

— Вам, конечно, это неинтересно, — продолжал он. Но в глазах его было отчаянное желание с кем-нибудь поделиться. Это было ясно видно.

— Вообще-то это меня не касается, — сказал я, улыбаясь, — но если вам от этого станет легче...

Он торопливо кивнул.

— Знаете, бывает, встретятся случайно двое людей, например, в парке на скамейке, и ни с того, ни с сего начнут говорить о боге. Такого с вами не случалось? А ведь это мужчины, каждый из которых и с лучшим-то другом постеснялся бы об этом говорить.

— Отчего же, так бывает. Я знаю.

Он выпил и посмотрел через озеро.

— Она была славная, — сказал он тихо. — Иногда немного на язык остра, но славная. Мы с Мюриэль полюбили друг друга с первого взгляда. Я встретил ее в одном баре, в Риверсайде, год и три месяца тому назад. Вообще-то в этом баре трудно рассчитывать встретить порядочную девушку. Но так уж получилось. Мы поженились. Я ее любил. И, представляете, как последний дурак изменил ей.

Я пошевелился, чтобы показать, что слушаю. Но ничего не сказал — боялся нарушить его настроение. Стаканчик я держал в руке нетронутым. Я люблю немного выпить, но не тогда, когда кто-нибудь использует меня в качестве исповедника.

Он продолжал с грустью рассказывать.

— Ну, вы, наверное, знаете, как иногда бывает в браке. Проходит немного времени, и появляется идиотское желание пощупать другую бабу. Может, это и подло, но это так. Ничтожество я.

Билл Чесс посмотрел на меня. Я согласился: это, конечно, бывает. Он проглотил содержимое своего стаканчика. Я протянул ему бутылку. Над нашими головами сойка легко перепрыгнула с ветки на ветку.

— Да... — продолжал он, — все лесные жители — немного сумасшедшие, — и я такой же. Казалось бы, живу бесплатно, расходов немного, каждый месяц получаю пенсию — половину моего военного жалованья. Рядом красивая белокурая жена — чего еще желать? И все время, как ненормальный, позволяю себе поглядывать в ту сторону! — Он показал на большой красный дом. Сейчас, в лучах заходящего солнца, он приобрел цвет темной ржавчины. — Рядом с собственным домом, что называется, прямо под окнами — с кем? С разряженной потаскухой, которая для меня значит меньше, чем какая-нибудь соломинка. О, господи, что я за осел! Каким скотом может стать мужчина!

Он выпил и поставил бутылку на камень. Потом выудил из кармана сигарету, чиркнул спичкой об ноготь большого пальца и глубоко затянулся. Я молчал, боялся вздохнуть, как взломщик за портьерой.

— Черт возьми, — сказал он наконец. — Ну ладно, собрался изменить жене, так уж выбери себе для разнообразия женщину другого типа. Но эта баба — там, напротив... Такая же блондинка, как Мюриэль, тот же рост, та же фигура, даже глаза того же цвета! Красивая? Пожалуй. Но не красивей других, а моей Мюриэль и в подметки не годится! Так вот, тем утром иду я к большому дому — мне надо было палить хворост — а она выходит из задней двери, в одной пижаме, да еще совсем прозрачной, прямо все видно... И говорит своим ленивым развратным голосом: «Заходи, выпей стаканчик, Билли! Такое прекрасное утро, а ты вкалываешь!» Я вообще-то люблю выпить — иду к кухонной двери. Она наливает мне рюмку, потом еще одну, и еще одну. И я сам не замечаю, что уже вошел в дом, и чем ближе я к ней подхожу, тем все более постельные у нее глаза!

Он усмехнулся.

— Вот вы спросили, удобные ли постели, — я и завелся. Конечно, вы ничего такого не думали. Но я-то помню... Да уж, постель была очень удобная!

Он замолчал, и его слова как бы повисли в воздухе. Они падали медленно-медленно, потом наступила тишина. Он наклонился над бутылкой и уставился на нее. Казалось, он в душе борется с нею. Бутылка,

как всегда, победила. Он сделал большой, долгий глоток из горлышка, потом решительно завинтил пробку, словно хотел этим сказать: кончено! Поднял камешек, бросил его в воду.

— Возвращаюсь я по дамбе, — начал он снова. Его язык отяжелел от алкоголя. — Я, конечно, не новичок в таких делах. Думаю: все обойдется по-тихому. Да, мы, мужики, чертовски ошибаемся в таких вещах, — на этот раз я поплатился, тяжело поплатился! Мюриэль мне такого наговорила! Она так бранилась — я и понятия не имел, что она знает подобные слова. Меня как громом поразило!

— И она ушла?

— В тот же вечер. Меня не было дома. Мне так дерьмово было, что я не мог оставаться трезвым. Сел в свой «форд», поехал к озеру Пума, собрал несколько таких же бродяг, как я, и надрался вдрызг. Все равно легче мне не стало. Возвращаюсь часа в четыре, а Мюриэль и след простыл. Упаковала чемодан и исчезла. И ничего не оставила, кроме записки и следов крема на подушке. Он вытащил из бумажника маленький потертый клочок бумаги и протянул мне. Бумага была в голубую линейку, на ней было написано карандашом: «Мне очень жаль, Билл, но я скорее умру, чем останусь с тобой жить! Мюриэль». Я вернул ему записку.

— А что стало с той, другой?

Билл Чесс поднял плоский камешек и попытался бросить его плашмя по воде, но не получилось.

— А что с ней могло стать? Упаковала вещи и той же ночью убралась. Я ее не видел. А о Мюриэль весь месяц ни слуху, ни духу. Понятия не имею, где она. Наверно, нашла себе другого. Надеюсь, он будет с ней обращаться лучше, чем я.

Он встал и вытащил из кармана связку ключей.

— Если хотите посмотреть дом — пожалуйста. И спасибо за то, что слушали мою болтовню. И особенно за виски. Нате! — Он поднял бутылку и протянул мне.

В ней оставалось немного.

Глава 6

Мы спустились к озеру и прошли по узкой дамбе. Билл шел, с трудом выбрасывая больную ногу и держась за трос, натянутый как поручень. В одном месте вода, лениво пенясь, переливалась через дамбу.

— Я сегодня утром спустил немного воды из озера через мельничное колесо, — сказал он через плечо. — Это — единственное, на что эта проклятая штука годится. Тут несколько лет назад какой-то фильм снимали, вот колесо и осталось. И вон та маленькая пристань. Большинство из того, что они построили, давно убрано, но Кингсли захотел сохранить колесо и пристань. Это, мол, придает озеру колорит...

По деревянным ступеням мы поднялись на террасу дома Кингсли. Билл отпер дверь. В лицо мне пахнуло спертым застоявшимся воздухом, полоски света падали сквозь жалюзи на пол. Гостиная была большой и нарядной, с индийскими ковриками на простом деревянном полу, крестьянской мебелью и маленьким баром с круглыми табуретками в углу. Комната была чисто прибрана. Она не производила впечатления помещения, которое в спешке покинули хозяева.

Мы осмотрели спальни. В двух были одинарные, а в одной — большая двухспальная кровать, покрытая кремовым одеялом. «Это хозяйская спальня», объяснил Чесс. На зеркальном столике стояли янтарные туалетные принадлежности и множество всевозможной косметики. На банках с кремом красовались коричнево-золотистые этикетки компании «Гиллерлейн». Я отворил дверцу стенного шкафа и заглянул внутрь. Шкаф был битком набит женской одеждой. Чесс, прищурившись, наблюдал за мной. Я снова закрыл дверцу и осмотрел нижний ящик. Там стояло по меньшей мере полдюжины пар ненадеванной обуви. Я закрыл ящик и выпрямился.

— Для чего это вам понадобились платья миссис Кингсли? — сердито спросил Билл Чесс.

— На это есть причины, — сказал я. — Миссис Кингсли отсюда уехала, а домой не вернулась. Муж не знает, где ее искать.

Руки Чесса опустились, он сжал кулаки.

— Ах ты, проклятая ищейка! — набросился он на меня. — Ведь вот же: первое впечатление — всегда самое верное! А я-то, дурень, себя уговорил, что ошибся. И, как старая баба, все выложил! Как бедный раскаявшийся грешник! Что я за осел!

— Я умею уважать чужие тайны как и всякий другой человек, — сказал я, обошел его и направился в кухню.

В ней стояли большой комбинированный кухонный шкаф и электрическая плита. Противоположная дверь открывалась в веселенькую столовую с большим количеством окон и дорогим фаянсовым сервизом на столе. Стены были украшены полками с разнообразными цветными горшками, бокалами и английскими цинковыми тарелками.

И здесь было чисто прибрано: ни грязной тарелки, ни пустой бутылки.

Хотя миссис Кингсли и вела весьма свободный образ жизни, но уехала она, не оставив после себя никакого беспорядка.

Я вернулся в гостиную и вышел на террасу, ожидая, пока Чесс запрет двери. Когда он покончил с этим и повернулся ко мне, я сказал:

— Я вас не заставлял изливать передо мной душу, но и не мешал вам это делать. Кингсли не обязательно знать, что его жена путалась с вами. Хотя за этим может крыться и еще что-нибудь, не знаю...

— Ах, шли бы вы к черту! — проворчал Билл, и лицо его оставалось мрачным.

— Да-да, я пойду к черту, но скажите-ка мне: не могло ли так случиться, что ваша жена и миссис Кингсли уехали вместе?

— Мне это неизвестно.

— Может, когда вы отправились на озеро заливать свое горе? Сперва они поссорились, а потом решили выплакаться друг у друга на груди. И миссис Кингсли уговорила вашу жену взять ее с собой. Надо же ей было на чем-то уехать?

Это предположение звучало довольно абсурдно, но он ответил серьезно:

— Ерунда, Мюриэль не такой человек, чтобы плакать у кого-нибудь на груди. Когда господь ее создавал, он забыл про слезные железы. Если уж она и решила бы упасть кому-нибудь на грудь, то только не этой потаскухе. А уехала она на собственной машине. У нее был свой «форд». Моим она не могла пользоваться, потому что у него педали переделаны под мою хроющую ногу.

— Да нет, я просто так подумал...

— Если вы еще что-нибудь подумали — выкладывайте!

— Знаете, для человека, только что изливавшего свое сердце первому встречному, вы чертовски обидчивы. Он сделал шаг в мою сторону.

— Хотите попробовать...

— Видите ли, друг мой, я пытаюсь отнестись к вам как к приличному парню. Что же вы так стараетесь доказать обратное?

Он тяжело дышал. Потом руки его опустились, он сделал беспомощное движение.

— Да, знаю, со мной бывает нелегко, — вздохнул он. — Вернемся по берегу?

— Охотно. Только вам не тяжело, с больной ногой?

— Я много хожу. Ничего.

Мы отправились в путь бок о бок, вполне по-дружески. Метров на пятьдесят этого дружеского единства должно было хватить. Дорога, по которой с трудом прошла бы машина, то нависала над берегом, то петляла между скалами. Примерно на половине пути находился второй дом. Третий стоял поодаль от озера, на сравнительно ровной площадке. Оба были заперты и, судя по виду, ими давно не пользовались.

Через некоторое время Билл спросил:

— Так эта тварь, значит, смылась?

— Похоже на то.

— Вы из полиции или частный сыщик?

— Всего лишь частный.

— Она что, с мужиком каким-нибудь снюхалась?

— Вероятно.

— Наверняка! Нетрудно догадаться. Кингсли и сам мог бы до этого додуматься. У нее было много дружков.

— Она их здесь принимала?

Он не ответил.

— Послушайте, а не бывал здесь некий Лэвери?

— Не могу сказать.

— Да вы не думайте, это не тайна. Она сама прислала из Эль-Пасо телеграмму, что уезжает с Лэвери в Мексику. — Я достал телеграмму и показал ему. Он остановился, порылся в карманах, нашел очки и прочел телеграмму.

Вернув ее, он спрятал очки в карман и посмотрел на озеро.

— Доверие за доверие, — сказал я.

— Да, Лэвери был здесь один раз, — сказал он помедлив.

— Он признался мне, что виделся с ней пару месяцев назад, здесь, в горах. И утверждал, что с тех пор ее не видел. Мы не знаем, верить ему или нет. И для того, и для другого есть веские причины.

— А сейчас она не с ним?

— Он говорит, что нет.

— Я думаю, она не станет тратить время на такие пустяки, как замужество, — сказал он. — Она и без этого может отправиться в

свадебное путешествие, это скорей в ее стиле.

— Значит, вы не можете сказать ничего определенного? Не видели, как она уезжала и не слышали ничего подозрительного?

— Ничего. А если бы и слышал, то вряд ли бы вам сказал. Может, я и дерьмо, но не до такой степени.

— Ну что ж, спасибо за помощь.

— Вы мне ничего не должны. Убирайтесь скорей, и вы и все остальные проклятые ищейки!

— Ну вот, опять вы за старое!

Тем временем мы дошли до конца озера. Я подошел к краю маленькой пристани и облокотился о перила. То, что издали казалось павильоном, на самом деле представляло собой всего лишь две стены, соединенные между собой под тупым углом. Крыша, выступавшая фута на два, висела над ними, как козырек фуражки. Билл подошел и тоже облокотился о перила.

— Я еще не поблагодарил вас за виски.

— Ладно уж! Рыбы здесь много?

— Есть здесь несколько старых форелей, хитрые. А молодняка нет. Я не рыбачу, что мне с того? Извините, что я опять нагрубил вам!

Я усмехнулся, перегнулся через перила и стал смотреть в глубину. Вода была тихая и зеленая; внезапно в ней возникло какое-то движение, мимо проплыла зеленоватая рыба.

— Это — дедушка, — сказал Чесс. — Посмотрите, какой великан! Вот разжирел!

Мне показалось, что дно озера выложено досками. Я не мог понять, зачем, и спросил Билла.

— Раньше здесь были мостки, но когда построили дамбу, уровень воды сильно поднялся и они оказались на глубине шести футов.

К столбику пристани была привязана плоскодонка, она неподвижно лежала на воде. Воздух был спокоен и пронизан солнцем. Царил мир, какого не знает город. Я бы охотно стоял здесь часами, забыв о существовании и Кингсли, и миссис Кристель Кингсли, и ее любовников.

Вдруг Билл резко дернул меня за рукав и закричал:

— Смотрите! Смотрите! Вон туда!

Его пальцы больно впились мне в руку. Он перевесился через перила, лицо его побледнело, насколько позволял загар. Я посмотрел вниз.

У края затопленного дощатого настила слабое движение воды качало какой-то белый предмет. Потом его снова затянуло под доски.

Это нечто было очень похоже на человеческую руку. Билл резко выпрямился, молча повернулся и, хромя зашагал к берегу. Он наклонился

над кучей камней, с трудом поднял огромный камень (его тяжелое дыхание было слышно издали) и, сгибаясь, подтащил его к перилам. В камне было не меньше пятидесяти килограммов. Жилы на шее Чесса напряглись, дыхание со свистом вырвалось сквозь стиснутые зубы.

Наконец, он выпрямился и поднял камень. Пристально вглядываясь вниз, он прицелился и с силой швырнул камень в воду. Нас обоих обдало фонтаном брызг.

Камень ударил точно в край подводного дощатого настила, в то место, где мы видели странный предмет...

В воде возник пенящийся водоворот, круги от него расходились все шире и шире, в центре появилась пена. И, наконец, послышался глухой звук удара.

Казалось, он дошел до нас гораздо позже, чем следовало. Внезапно на поверхность выскочил обломок позеленевшей доски, он выровнялся и отплыл в сторону.

Вода постепенно становилась прозрачнее. В глубине шевелилось что-то, не похожее на доски. Оно медленно всплывало, бесконечно и вяло, что-то большое и темное. Лениво поворачиваясь в воде, оно всплывало, всплывало, пока не достигло поверхности. Я увидел мокрую темную ткань, кожаную куртку, чернее, чем чернила, бриджи. Я разглядел туфли и что-то распухшее между нижним краем бриджей и туфлями. А затем белокурые волосы — вода их расправляла и снова сбивала в клубок.

Потом тело повернулось, и на поверхности воды появилась рука, раздувшаяся рука чудовища. За нею — лицо. Распухшая, тестообразная масса, лишенная человеческих черт, без глаз, без рта. Кусок серого теста, призрак с человеческими волосами.

Тяжелое ожерелье из зеленых камней охватывало то, что некогда было шеей, наполовину погрузившись в эту массу, большие зеленые камни, соединенные золотыми звеньями.

Билл Чесс крепко держался за перила. Его пальцы побелели и стали похожи на полированную кость.

— Мюриэль! — всхлипнул он. — Боже милостивый... это Мюриэль!

Его голос звучал как будто издали, из-за горы, из-за плотной молчаливой зелени деревьев.

Глава 7

В окно барака был виден конец длинного стола, заваленного пыльными папками с бумагами. Верхняя половина двери была застеклена, на стекле надпись черной краской:

«Начальник полиции. Командир пожарной дружины.
Городской старшина. Торговая палата».

В нижних углах были размещены маленькое изображение государственного флага и значок Красного Креста.

Я вошел. Позади длинного стола стояли в одном углу толстопузая печь, в другом — письменный стол. На стене висела большая карта района, рядом с ней — вешалка. С крючка свешивалось изношенное и заштопанное армейское одеяло.

На столе стояли чернильный прибор и пресс-папье с ободранной промокашкой.

Чернильница была вся залита чернилами. Стена рядом со столом была сплошь испещрена телефонными номерами. Они были так глубоко выцарапаны в бревенчатой стене, что им предстояло сохраниться столько же, сколько простоит дом.

За столом в деревянном кресле сидел крупный человек, обхватив ступнями ножки этого кресла. У его правой ноги стояла плевательница такой величины, что в ней можно было бы свободно хранить пожарный рукав.

Его потемневшая от пота шляпа была сдвинута на затылок, большие руки уютно сложены на животе, над поясом брюк цвета хаки, которые давно отслужили свой срок. Рубаха подходила к брюкам, только выглядела она еще более затрапезной. Ворот был наглухо застегнут, галстука не было. У него были светлые волосы, имевшие на висках цвет пожухшего снега. Сидел он немного боком, больше на левой стороне, потому что ему мешала кобура, из которой выглядывала рукоять револьвера 45-го калибра. На груди приколата шерифская звезда с вмятиной посередине.

У человека были большие уши и дружелюбные глаза, подбородок медленно двигался. Он выглядел не опаснее, чем белка, только не был таким подвижным.

Я прислонился к столу и посмотрел на шерифа. Он тоже посмотрел на

меня и кивнул. Потом, не глядя, выплюнул струю табачной жижи и попал точно в плевательницу. Звук был неаппетитный, как будто что-то тяжелое упало в воду.

Я зажег сигарету и оглянулся в поисках пепельницы.

— Можете стряхивать на пол, мой мальчик, — дружески сказал великан.

— Вы — шериф Паттон?

— Комендант и выборный шериф Паттон, — все начальство здесь — это я. Впрочем, скоро перевыборы. На этот раз против меня выступают несколько парней. Да, вероятнее всего я доживаю на этом посту последние дни. А жаль. Платят восемьдесят монет в месяц, дом, дрова и электричество бесплатно. Здесь, в горах, это немало.

— Вы не последние дни доживаете, — сказал я. — Наоборот, у вас есть шанс прославиться.

— Да что вы! — сказал он равнодушно и снова стрельнул слюной в плевательницу.

— Озеро Маленького фавна — в вашем районе?

— Дом Кингсли? А как же! Там что-то случилось, мой мальчик?

— Да. Мертвая женщина в озере.

Это вывело его из неподвижности. Он расцепил руки и почесал пальцем за ухом. Взявшись за ручки кресла, он поднялся и оттолкнул его. Сейчас, когда он поднялся, стало видно, какой он большой и крепкий. Жир был лишь маскировкой.

— Кто-нибудь, кого я знаю? — спросил он с сомнением.

— Мюриэль Чесс. Вы ее знаете. Жена Билла Чесса.

— Да, Билла я знаю. — Голос его опять звучал твердо.

— Похоже на самоубийство. Она оставила записку, которая звучит так, будто она собирается уехать. Но это послание можно понять и как угрозу покончить с собой. Труп выглядит довольно неаппетитно... Долго пролежал в воде, около месяца, если судить по обстоятельствам.

Он почесал за другим ухом.

— А что за обстоятельства? — поинтересовался шериф. Теперь его глаза изучали мое лицо, медленно и спокойно, но пристально. Похоже, он не торопился поднимать тревогу.

— Они поссорились месяц назад. Билл отправился на озеро Пума и отсутствовал довольно долго. Когда он вернулся, ее уже не было. Он больше ее не видел.

— Понимаю. А вы кто такой, мой друг?

— Моя фамилия Марлоу. Я приехал из Лос-Анджелеса, чтобы

осмотреть дом Кингсли. У меня было с собой письмо от владельца на имя Билла Чесса. Он повел меня вокруг озера, и мы постояли на маленькой пристани, которую построили когда-то киношники. Стояли, смотрели на озеро и вдруг увидели в воде что-то похожее на качающуюся руку — внизу, под досками старых затопленных мостков. Билл Чесс бросил на доски камень, и труп всплыл на поверхность.

Паттон смотрел на меня, не дрогнув мускулом.

— Шериф, может быть стоит быстро туда съездить? Этот человек чуть с ума не сошел от ужаса, и он там совсем один.

— А сколько у него виски?

— Когда я уезжал, оставалось очень мало. У меня была с собой бутылка, но мы ее за разговором почти всю выпили.

Шериф подошел к письменному столу, отпер его и вынул три или четыре бутылки. Он посмотрел их на свет.

— Ну вот, здесь есть полбутылки, — сказал Паттон и похлопал по ней. — «Маунт Вернон». Хватит, чтобы его поддержать. Правительство не выделяет шерифам денег на покупку напитков, так что приходится время от времени что-нибудь реквизировать. Не для себя. Я никогда не мог понять, что люди в этом находят!

Он сунул бутылку в задний карман и прикрепил записку к внутренней стороне застекленной двери. Когда мы выходили, я прочел записку. Там было написано: «Вернусь через двадцать минут, а может и нет».

— Съезжу, поищу доктора Холлиса, — сказал он. — Скоро вернусь за вами.

— Это ваша машина?

— Да.

— Тогда лучше поезжайте за мной.

Он сел в машину, оснащенную сиреной, двумя красными прожекторами, двумя противотуманными фарами, красно-белой пожарной сиреной, сигналом воздушного нападения, совсем новым. Три топора, два тяжелых мотка троса и огнетушитель лежали на заднем сиденье. Сбоку машины были укреплены канистры с бензином, маслом и водой, сзади прикручен запасной баллон. Обивка сидений была рваной.

Снаружи машина на полдюйма была покрыта пылью.

В правом нижнем углу ветрового стекла была укреплена белая карточка, на которой печатными буквами было написано: «Избиратели, внимание! Оставьте Джима Паттона в должности шерифа! Для другой работы он слишком стар!»

Он развернул машину, подняв облако пыли.

Глава 8

Паттон остановился перед белым домом на противоположной стороне улицы, вошел в дверь и сразу же вышел с человеком, который уселся на заднее сиденье между топорами и мотками троса. Я последовал за его машиной. Мы ехали по шоссе, среди пляжных костюмов, шортов, морских фуражек, ярких платочков, голых ног и накрашенных губ. За поселком мы поднялись по холму и остановились перед бревенчатым домом. Паттон слегка нажал клаксон. В дверях появился человек в полинявшем комбинезоне.

— Садись, Энди. Есть дело.

Человек в голубом комбинезоне угрюмо кивнул и скрылся в доме. Вскоре он вернулся с серой охотничьей шляпой на голове. Паттон подвинулся, Энди сел за руль. Он был темноволосый, гибкий, лет тридцати. Как у всех индейцев, вид у него был немного истощенный и неухоженный.

Поднимаясь к озеру Маленького фавна, я держался вплотную за машину Паттона, хотя при этом мне пришлось проглотить столько пыли, что хватило бы испечь добрый пирог. У бревенчатого шлагбаума Паттон вылез из машины, открыл его и молча пропустил нас. Мы начали спускаться к озеру. Оставив машину на берегу, Паттон подошел к краю воды и стал смотреть через озеро в сторону маленькой пристани. Билл Чесс голый сидел на досках, обхватив голову руками.

Рядом с ним что-то лежало.

— Мы можем подъехать поближе, — сказал Паттон.

Доехав до конца озера, мы вышли и подошли к пристани. Доктор остановился, покашлял в платок и внимательно его осмотрел. Это был угловатый человек с маленькими темными глазами и грустным больным лицом.

То, что некогда было женщиной, лежало вниз лицом на досках, у трупы под мышками была протянута веревка. В стороне валялась кучкой одежда Билла. Он сидел, вытянув раненую ногу со шрамом на колене и подогнув другую под себя.

Лбом он прижимался к колену здоровой ноги. При нашем приближении он не шевельнулся.

Паттон вынул из заднего кармана бутылку и откупорил ее.

— Сделай-ка хороший глоток, Билл.

В воздухе висел ужасный, одуряющий запах. Билл, казалось его не

замечал, шериф и врач — тоже. Энди достал из машины старое коричневое одеяло и набросил его на труп. Потом он молча отошел к дереву, и его стошнило.

Не поднимаясь, Чесс сделал большой глоток и поставил бутылку рядом с собой. Потом начал говорить медленным, деревянным голосом, при этом он ни на кого не смотрел и ни к кому не обращался; рассказал о ссоре с женой и о том, что потом произошло. О причине ссоры он умолчал. Он лишь бегло упомянул имя миссис Кингсли. Потом продолжил свое повествование: после моего отъезда он достал веревку, разделся, влез в воду и вытащил труп. Он подтянул его к берегу, взвалил себе на спину и втащил на пристань. Билл сам не знал, почему. Потом он еще раз вошел в воду. Незачем было объяснять — для чего.

Паттон сунул в рот кусок жевательного табака. В его спокойном взгляде ничего нельзя было прочесть. Потом он крепко стиснул зубы, снял одеяло с трупа и осторожно перевернул его. Вечернее солнце засверкало в ожерелье из зеленых камней. Оно было заперто на замочек, украшенный мелкими бриллиантами с тонкой предохранительной цепочкой. Паттон выпрямился и закрыл нос коричневым носовым платком.

— Что скажете, доктор?

— О чем? — картавя, спросил тот.

— Причина и время смерти.

— Не задавайте глупых вопросов, Паттон.

— Что, не можете определить, а?

— Да что вы, сами не видите?

Паттон вздохнул.

— Конечно, на первый взгляд, она утонула, — сказал он. — Но кто знает? Бывали случаи, когда человек умирал от удара ножом или от яда. А потом жертву бросали в воду, чтобы скрыть следы.

— У вас здесь, как видно, много таких случаев? — спросил врач сердито.

— Могу поклясться, до сих пор в моем районе было только одно убийство, — сказал Паттон, искоса глядя на Чесса, — это когда погиб старый папаша Мохэм там, на северном берегу. У него была хижина в Шедди Каньоне, и летом он намывал в ручье немножко золота. Однажды начался сильный снегопад, и крыша у его домика с одной стороны обвалилась. Ну, мы поехали, чтобы ее подпереть.

Мы думали, что папаша Мохэм на зиму перебрался в долину, никому ничего не сказав. Такие одинокие золотоискатели всегда немного чудаки. И что же? Клянусь богом, никуда он не перебирался. Лежал в собственной

кровати, а в голову ему был всажен топор. Так мы и не узнали, кто это сделал. Некоторые говорили, что у него был за лето намыт целый мешочек золотого песка.

Он задумчиво посмотрел на Энди.

— Ерунда, — откликнулся тот. — Ясно, кто это сделал. Гюи Поп, вот кто. Только, когда мы нашли папашу Мохэма, он уже девять дней как помер от воспаления легких.

— Одиннадцать дней, — поправил Паттон.

— Девять, — сказал Энди.

— Послушай, Энди, ведь прошло уже шесть лет. Может, ты и прав. А почему ты решил, что это Гюи Поп?

— Потому что в хижине Гюи оказалось три унции самородков. А на его участке никогда кроме песка ничего не было. Зато папаша Мохэм то и дело находил маленькие самородки, с пенни величиной.

— Да, такова жизнь, — сказал Паттон и улыбнулся мне какой-то странной улыбкой. — Какими бы преступники ни были ловкими и осторожными, они всегда что-нибудь упускают из виду, а?

— Все это полицейская болтовня, — сказал Билли Чесс презрительно. Он натянул брюки и рубашку и снова сел, чтобы надеть носки. Затем встал и потянулся за бутылкой. Сделав внушительный глоток, он осторожно поставил бутылку на доски. Потом поднял свои волосатые руки и потряс ими под носом у Паттона.

— Вот оно! Все, что вам нужно! Надеть на кого-нибудь наручники, — и дело для вас исчерпано!

Паттон не обратил никакого внимания на эту вспышку, он подошел к перилам и посмотрел вниз.

— Странное место для трупа, — сказа он. — Течения здесь никакого нет.

Чесс опустил руки и сказал спокойно:

— Дурни вы, она же сама это сделала. Мюриэль была отличная пловчиха.

Она нырнула, сама заплыла под доски и тогда глотнула воды. Иначе и быть не может. Никак. Только так это можно было сделать.

— Ну, я не стал бы этого утверждать, — сказал Паттон мягко. Его глаза были ясными, как свежeweымытые блюда.

Энди покачал головой. Паттон посмотрел на него с хитрецей:

— Так что же, Энди, вспомнил?

— Девять дней, поверьте! Я сейчас посчитал.

Врач поднял руку к лицу и отошел в сторону. Он долго кашлял в

носовой платок и опять принялся внимательно его разглядывать.

Паттон сплюнул через перила.

— Давай-ка, Энди, займемся лучше делом, — сказал он.

— Вы когда-нибудь пробовали затащить труп на шесть футов под воду?

— Нет, Энди, этого я утверждать не стану! А может это сделано с помощью веревки?

Энди пожал плечами.

— Если бы так, то на трупе остались бы следы. И потом, если оставлять такие явные улики, то зачем тогда прятать труп в воду?

— Это вопрос времени, — сказал Паттон. — Со временем вообще никаких следов не осталось бы.

Билл Чесс посмотрел на них иронически и снова взялся за бутылку. Я смотрел на их серьезные лица и не мог угадать, о чем они в действительности думают. Паттон заметил с отсутствующим видом:

— Мне кажется, кто-то говорил про записку?

Чесс порылся в бумажнике и вытащил свернутый линованный листок. Паттон бережно взял его в руки и внимательно прочел.

— Даты нет, — сказал он. Билл мрачно покачал головой.

— Нет. Мюриэль исчезла ровно месяц назад. Двенадцатого июня.

— Она и раньше от тебя уходила, а?

— Ммм... — Чесс смотрел прямо на него. — Я раз напился и остался у одной шлюхи. В декабре, перед первым снегом. Жена рассердилась и уехала, но через неделю вернулась. Еще красивее, чем раньше. Сказала, что ей просто захотелось немного побыть вдали отсюда. Она ездила к подруге, с которой когда-то вместе работала в Лос-Анджелесе.

— А ты знаешь имя этой подруги?

— Она мне не говорила, а я и не спрашивал. Все, что делала Мюриэль, всегда было для меня правильно.

— Понятно. А тогда она не оставляла записки? — спросил Паттон безразличным тоном.

— Нет.

— Видишь ли, эта записка выглядит довольно-таки старой, — сказал Паттон и поднял листок.

— Я целый месяц ношу ее при себе, — пробормотал Билл Чесс. — А кто вам сказал, что она уже раньше уезжала?

— Я уже не помню. Ты ведь знаешь, как у нас. Тут ничего не останется незамеченным. Разве что летом, когда наезжает много чужих.

Некоторое время царило молчание, наконец, Паттон произнес с

отсутствующим видом:

— Так ты говоришь, она уехала 12 июня? Или, по крайней мере, ты думал, что она уехала. Ты, вроде, сказал, что тогда здесь были хозяева из того дома?

Чесс посмотрел на меня, и лицо его помрачнело.

— Спросите-ка лучше эту ищейку! Я вижу, он и так уже все выболтал!

Паттон не смотрел в мою сторону. Его взгляд покоился на далекой линии горных вершин. Потом он сказал:

— Мистер Марлоу вообще ничего мне не сказал, кроме того, что в озере найдено тело — и чье. И что Мюриэль оставила записку, которую ты ему показывал. Что ж тут такого?

Снова молчание. Чесс посмотрел на накрытое одеялом тело. Он крепко сжал кулаки, и по его щекам скатились две крупные слезы.

— Здесь была миссис Кингсли, — сказал он. — Она уехала в тот же день. В остальных домах никого не было. Хозяева в этом году еще не приезжали.

Паттон молча кивнул. В воздухе висела тяжелая пустота, будто какое-то слово не было сказано, слово, которое все знали, но произнести не решались.

Неожиданно Билл Чесс закричал:

— Что же вы меня не арестуете, проклятые сыновья шлюхи? Конечно, я сам это сделал! Утопил ее своими собственными руками! Это была моя девушка, и я ее любил! Да, я — свинья, всегда был свиньей, но я ее все-таки любил! Вам этого не понять! Ну, что же вы стоите! Арестуйте меня, чтобы вы были прокляты!

Никто не произнес ни слова.

Билл смотрел на свои руки. Вдруг он размахнулся и изо всей силы ударил себя кулаком по лицу.

— Ах, я собака, проклятая собака, — простонал он.

У него потекла кровь из носа. Он стоял неподвижно. Кровь текла по его лицу. Капля ее упала на рубашку. Паттон спокойно сказал:

— Конечно, мне придется взять тебя с собой. На допрос. Ты ведь сам понимаешь... Мы тебя не обвиняем, никто из нас. Но тебе придется ответить на вопросы судьи.

Билл тяжело выговорил:

— Могу я переодеться?

— Конечно. Пойди с ним вместе в дом, Энди, и поищи, может найдешь во что ее завернуть.

Мы двинулись вдоль берега. Доктор откашлялся, посмотрел на воду и

вздохнул.

— Может, отвезем труп в моей санитарной машине, Джим?
Паттон покачал головой.

Глава 9

Отель «Индиан хэд» находился в высоком коричневом доме. Я поставил машину около танцевального зала напротив отеля и направился в туалет, чтобы вымыть руки, лицо и убрать из волос еловые иглы. Затем вошел в зал ресторана, примыкавший к холлу. Народу там было полным-полно: мужчины в вечерних костюмах, попивавшие виски, визгливо смеявшиеся женщины с ногтями цвета бычьей крови и грязными коленками. За стойкой стоял бармен, невысокий жилистый человек без пиджака, с изжеванной сигарой в углу рта и бдительным взглядом. У кассы какой-то светловолосый мужчина пытался извлечь последние известия из маленького радиоприемника, но тот издавал один лишь треск. В нише сидел оркестр из пяти человек в плохо сшитых белых пиджаках и красных рубашках. Заученно улыбаясь, музыканты судорожно старались перекрыть шум и пьяные выкрики. Лето, любимое время года, было в Пума-Пойнт в полном разгаре.

Я проглотил то, что именовалось в меню ужином; чтобы сделать пищу мало-мальски удобоваримой, выпил рюмку бренди и вышел на улицу. Было еще светло, но несколько световых реклам уже горело, вечерний воздух дрожал от пронзительных сигналов автомашин, детского визга, стука шаров в кегельбане, веселой трескотни мелкокалиберных винтовок в тирах и оголтелого шума, издаваемого музыкальными автоматами. Со стороны озера доносился жесткий лай гоночных катеров, бессмысленно носившихся по воде с таким видом, словно они мчатся наперегонки со смертью.

В моем «крайслере» сидела стройная шатенка серьезного вида в темных джинсах и болтала с юношей, одетым в подобие ковбойского костюма, сидевшим тут же на подножке машины. Я подошел и сел в машину. Ковбой подтянул брюки и отбыл. Девушка не двинулась с места.

— Меня зовут Вирджи Кеппель, — сказала она дружелюбно. — Днем я работаю в парикмахерской, а по вечерам — в «Знамени Пума-Пойнт», здешней газете. Извините, что забралась к вам в машину.

— Ничего, — сказал я. — Хотите здесь посидеть или подвезти вас куда-нибудь?

— Пожалуй, давайте отъедем немного дальше по этой улице, там потише! Если вы вообще согласны со мной поговорить.

— Я вижу, у вас здесь информация налажена неплохо, — усмехнулся я и нажал на стартер.

Мы проехали мимо почтамта до угла, где висела бело-голубая стрелка с надписью «Телефон», указывавшая на узкую улицу, спускавшуюся к морю. Я свернул в нее, оставил позади телефонную станцию, миновал еще одно деревянное строение и наконец остановился под большим дубом, ветви которого накрывали всю улицу и простирались еще на добрых пятьдесят футов.

— Здесь годится, мисс Кеппель?

— Ах, меня все зовут просто Вирджи, и вы можете так... Здесь хорошо. Рада с вами познакомиться, мистер Марлоу. Я вижу вы — из Голливуда, этого гнезда порока!

Она протянула мне твердую загорелую руку, и я пожал ее.

— Видите ли, я говорила с доктором Холлисом о бедной Мюриэль Чесс. Я надеялась, что вы не откажетесь рассказать еще некоторые подробности... Насколько я слышала, это вы обнаружили труп?

— Точнее, его нашел Билл Чесс. Я просто присутствовал при этом. Вы не говорили с Джимом Паттоном?

— Еще нет. Он куда-то уехал по делам. Я вообще-то не рассчитываю, что он мне много расскажет.

— Как знать, — сказал я. — Он же выставил свою кандидатуру на новый срок. А вы как-никак представляете прессу!

— Джим — никудышный политик, мистер Марлоу. А про меня нельзя сказать, что я «представитель прессы». Мы здесь издаем маленький листок — чисто дилетантское предприятие.

— Ну, и что же вы хотели бы знать? — Я предложил ей сигарету и зажег спичку.

— Может, вы мне просто расскажете всю историю?

— Я приехал с письмом от Дерриса Кингсли, чтобы ознакомиться с его владением. Билл Чесс сопровождал меня и попутно рассказал, что его оставила жена. Показал ее прощальную записку. У меня была с собой бутылка, и мы с ним не спеша выпили. У него развязался язык, он чувствовал себя одиноким и жаждал выговориться. Так и вышло. А раньше я его и не знал совсем. На обратном пути мы стояли с ним на пристани, и Билл вдруг заметил руку, выглядывавшую из-под старого дощатого настила на дне озера. Выяснилось, что эта рука принадлежит тому, что некогда было Мюриэль Чесс... Пожалуй, это все.

— Насколько я поняла доктора Холлиса, она пролежала в воде довольно долго. Труп сильно разложился... и...

— Да. Вероятно, целый месяц, с тех пор, как она исчезла из дому. Нет никаких оснований предполагать что-либо другое. Маленькое письмо,

которое она оставила, было прощальным письмом самоубийцы.

— Кто-нибудь в этом сомневается, мистер Марлоу?

Я посмотрел на нее краем глаза. Из-под копны волос на меня смотрели задумчивые темные глаза. Медленно опускались сумерки.

— Я думаю, полиция всегда сомневается, — сказал я.

— А вы?

— У меня нет никакой особенной точки зрения.

— А меня интересует и не особенная.

— Сегодня я увидел Билла Чесса впервые. Он показался мне очень импульсивным человеком, да и, по собственным словам, он — не святой. Но, похоже, он очень любил свою жену. Не могу себе представить, чтобы он жил там спокойно целый месяц, зная, что скрывается в воде под пристанью. Представляете, вот он выходит из своего домика, смотрит на голубую гладь озера и мысленным взором видит, что происходит под этой гладью... И что он сам ее туда спрятал... Нет, не могу себе этого представить.

— Я тоже не могу, — мягко сказала Вирджи Кеппель. — И ни один человек не мог бы. И все же мы знаем, что такие вещи случались и что они будут случаться и впредь. Вы — торговец земельными участками, мистер Марлоу?

— Нет.

— Можно мне спросить, кто вы по профессии?

— На этот вопрос я не хотел бы отвечать.

— Это то же самое, как если бы вы на него ответили! — заметила она. — Кроме того, доктор Холлис слышал, как вы назвали Джиму Паттону свое полное имя. А у нас в редакции есть телефонная книга Лос-Анджелеса. Впрочем, я ни с кем об этом не говорила.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Я могу быть еще любезнее: если вы не хотите, то я и дальше не скажу никому об этом.

— И во что мне это обойдется? Ведь задаром у нас только смерть.

— Ни во что. Я не стану утверждать, что я — хороший репортер. Но мы никогда не стали бы печатать такого, что могло бы пойти во вред Джиму Паттону. Джим — это соль нашей земли. Но ведь вы сумеете добраться до истины, верно?

— Не делайте ошибочных умозаключений, — сказал я. — Меня совершенно не интересует Билл Чесс.

— А Мюриэль Чесс?

— А почему я должен ею интересоваться?

Она тщательно погасила сигарету.

— Это ваше дело, — сказала она. — Но есть одна маленькая деталь, над которой вы, возможно, захотите поразмыслить. Если вам еще об этом неизвестно. Месяца полтора назад сюда приезжал один полицейский из Лос-Анджелеса по фамилии Де Сото. Здоровый парень со скверными манерами. Нам он не понравился, и мы ему ничего не сказали. Я имею в виду нашу редакцию. Он показал нам фотографию и сказал, что он разыскивает некую Милдред Хэвиленд. Фото было чертовски похоже на Мюриэль Чесс. Прическа была изменена и форма бровей. Вы знаете, это может сильно изменить внешность женщины. И все же, я думаю, на фотографии была жена Билла.

Я побарабанил пальцами по приборному щитку и немного погодя спросил:

— И что вы ему сказали?

— Ничего мы ему не сказали. Во-первых, мы и сами не были уверены, во-вторых, нам не понравились его манеры и, в-третьих, даже если бы он со своими манерами нам и понравился бы, мы все равно не стали бы ее выдавать. Мы что, обязаны? Каждый человек в своей жизни совершает поступки, о которых потом сожалеет. Вот, посмотрите на меня. Я, например, была замужем за профессором древних языков из Редландского университета. — Она тихо засмеялась.

— Из этого вы могли бы сделать неплохую статью.

— Конечно. Но мы здесь стараемся быть не только репортерами, но и людьми.

— Скажите, этот полицейский — Де Сото, кажется? — встречался с Паттоном?

— Конечно! Джим ему тоже ничего не сказал.

— Он вам показывал свои документы?

Она попыталась вспомнить, потом тряхнула головой.

— Что-то я не помню, чтобы показывал. Мы ему поверили, когда с ним поговорили. Он вел себя как настоящий толстокожий полицейский из большого города.

— Может быть, именно поэтому он и не был им. А кто-нибудь рассказал Мюриэль про него?

Она помолчала, спокойно и неподвижно глядя через ветровое стекло. Потом повернула ко мне голову и кивнула.

— Да, я сама и рассказала. Считала, что это мой долг. Вы не согласны?

— И что она ответила?

— Ничего. Она как-то странно и смущенно засмеялась, словно ей

рассказали скверный анекдот. Потом ушла. Но мне показалось, что в ее глазах был испуг. Ну? Вас по-прежнему не интересует Мюриэль Чесс, мистер Марлоу?

— А почему она должна меня интересовать? До сегодняшнего дня я о ней вовсе не слыхал. Честное слово. И имя Милдред Хэвиленд мне тоже ничего не говорит. Отвезти вас обратно в центр?

— Нет, спасибо. Я пройду пешком, здесь совсем недалеко. Большое вам спасибо. Я все-таки надеюсь, что у Билла не будет неприятностей. И так ему несладко.

Она вышла из машины. Потом вдруг обернулась ко мне и засмеялась.

— Говорят, что я — первоклассный парикмахер. Надеюсь, это правда. Потому что репортер из меня никудышный. Доброй ночи!

Я пожелал ей доброй ночи, и она ушла. Я сидел и смотрел ей вслед, пока Вирджи Кеппель не дошла до главной улицы и не скрылась за углом. Тогда я вылез из машины и пошел к телефонной станции.

Глава 10

Ручная косуля с кожаным ошейником перешла мне дорогу. Я погладил ее грубую шерсть и вошел в здание телефонной станции. Маленькая телефонистка сидела за столом и что-то писала. Она соединила меня с Беверли Хиллс и наменяла мне монет для автомата.

— Надеюсь, вам понравится у нас, — сказала она. — Здесь так тихо, спокойно.

Переговорные будки находились во дворе, у внешней стены здания. Я вошел в телефонную будку и закрыл за собой дверь. За девяносто центов я мог пять минут говорить с Деррисом Кингсли. Он был дома, и соединили нас быстро, но слышимость была плохой.

— Нашли вы что-нибудь? — спросил он меня голосом, в котором ясно прослушивались три порции виски с содовой. Тон у него опять был начальственный и хамский.

— Нашел, пожалуй, даже слишком много. Только не то, что мы ищем. Вы один?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Для меня — никакого. Но я-то знаю, что собираюсь вам сообщить, а вы — нет.

— Ладно, выкладывайте, что бы там ни было!

— У меня была долгая беседа с Биллом Чессом. Он одинок. Месяц назад у него была ссора с женой, и она его покинула. Несколько дней он шлялся где-то и пьянствовал, а когда вернулся, — ее уже не было. Она оставила записку, написала, что лучше умереть, чем жить с ним дальше.

— Боюсь, что Билл слишком много пьет, — сказал голос Кингсли издалека.

— Когда Чесс вернулся, обеих женщин уже не было. Куда поехала миссис Кингсли — он понятия не имеет. В мае туда один раз приезжал Лэвери, но с тех пор не показывался. Впрочем, это он и сам мне говорил. Может он еще раз приезжал, когда Билл был пьян, но это ничем не подтверждается. Я уже было подумал, что миссис Кингсли и Мюриэль Чесс уехали вместе, хотя у Мюриэль имелась и своя машина. Кроме того, это предположение вообще не подтвердилось. По другой причине. Мюриэль Чесс не уезжала с озера Маленького фавна. Она осталась в вашем маленьком частном озере. И сегодня появилась на поверхности. Я при этом присутствовал.

— Боже милостивый! — Голос у Кингсли был испуганным. — Вы думаете, он ее утопил?

— Все может быть. Она оставила записку, которая позволяет предполагать самоубийство. Но эту записку можно понять и иначе. Труп находился под досками старого настила, под пристанью. Билл его первый заметил, когда мы с ним стояли на пристани и смотрели в воду. Он сам вытащил труп. Сейчас Билла арестовали. Бедняга перенес сильное потрясение.

— Боже милостивый! — повторил Кингсли. — Ничего удивительного! Как вам кажется, он... — Внезапно голос пропал. Вмешалась телефонистка и потребовала еще сорок пять центов. Я бросил монеты в щель, и слышимость возобновилась.

— Что он? — спросил я.

Вдруг голос Кингсли зазвучал так ясно, словно он находился рядом.

— Он ее убил?

Я сказал:

— Возможно. Джиму Паттону, здешнему шерифу, не нравится, что записка не датирована. Дело в том, что Мюриэль уже уходила от Билла как-то раньше, из-за другой женщины. Вот Паттон и подозревает, что записка сохранилась еще с того раза. Так или иначе, Билла отвезли на допрос, а труп отправили на вскрытие.

— А что думаете вы? — спросил Кингсли медленно.

— Ну, видите ли, Билл обнаружил труп. Ему незачем было вести меня на пристань. Ведь труп мог оставаться в воде и дальше. Может быть, вечно. А записка могла стать потертой из-за того, что Чесс все время таскал ее в кармане, часто вынимал и перечитывал. А что она без даты... Когда люди пишут такие записки, они, наверное, спешат и не очень беспокоятся о дате.

— Труп, вероятно, сильно разложился? Что же там можно установить при вскрытии?

— Я не знаю, насколько они там в Сан-Бернардино хорошо оснащены. Они могут определить, наступила ли смерть в результате попадания воды в дыхательные пути, по крайней мере, я на это надеюсь. И нет ли следов насилия, которые не смогли стереть вода и разложение трупа. Они могут сказать, не застрелена ли она или, может быть, зарезана. По состоянию шейных позвонков — не задушена ли. Но главное сейчас для нас состоит в том, что мне придется раскрыть истинную причину моего приезда сюда. Ведь мне предстоит давать свидетельские показания.

— Это скверно! — закричал Кингсли. — Очень скверно! И какие у вас планы?

— На обратном пути я собираюсь заглянуть в Сан-Бернардино, в гостиницу... Посмотрим, что там удастся узнать. Ваша жена и Мюриэль Чесс были в хороших отношениях?

— Думаю, да. Кристель достаточно поверхностный человек, чтобы с большинством людей быть в хороших отношениях. Сам я с Мюриэль почти незнаком.

— Вам когда-нибудь встречалось имя Милдред Хэвиленд?

— Как вы говорите?

Я повторил.

— Нет, — сказал он. — А что, я должен ее знать?

— На каждый мой вопрос вы отвечаете вопросом, — сказал я. — Нет, у меня нет оснований считать, что вы знали Милдред Хэвиленд. Особенно если вы были почти незнакомы с Мюриэль Чесс. Завтра я вам позвоню.

— Обязательно позвоните, — сказал он и после паузы добавил: — Я очень сожалею, что вы попали в эту историю. — Он снова помедлил, наконец сказал «Доброй ночи!» и повесил трубку.

Сразу же раздался звонок. Телефонистка заявила недовольным тоном, что я опустил в автомат на пять центов больше, чем следовало. На это я ответил, что охотно сунул бы в ее автомат кусок дерьма. Это ей почему-то еще больше не понравилось.

Покинув кабинку, я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Ручная косуля с кожаным ошейником загородила мне выход из калитки. Я попытался ее ласково отодвинуть, но она стала теснить меня боком. У нее было игривое настроение, она ни за что не хотела выпускать меня из калитки. Тогда я перелез через забор, сел в свой «крайслер» и поехал обратно в город.

В «штабе» Паттона горела висячая лампа. Но барак был пуст, а записка «Вернусь через двадцать минут» по-прежнему торчала в двери. Я дошел до причала. Несколько моторок и гоночных катеров продолжали носиться по шелковой глади. На противоположной стороне озера виднелись крошечные желтые огоньки в игрушечных домиках, приклеившихся к склонам. Одиночная яркая звезда горела на северо-востоке над цепью гор. На вершине высоченной ели сидела малиновка и ждала, пока достаточно стемнеет, чтобы запеть свою вечернюю песню.

Немного погодя она запела. Это было восхитительно. Потом она вспорхнула и исчезла в невидимых глубинах неба. Я бросил сигарету в неподвижную воду, сел в машину и снова поехал в направлении озера Маленького фавна.

Глава 11

Шлагбаум был опущен. Поставив «крайслер» между двух елей, я отправился пешком. Я старался держаться края дороги, поближе к лесу, пока не увидел вдруг между ветвями свечение маленького озера. В домике Билла Чесса темно.

Здания на другом берегу казались неопределенными тенями на блеклом гранитном фоне. Поблескивала вода, переливаясь через край дамбы, и почти беззвучно стекала в ручей. Я прислушался, но это был единственный звук.

Дверь хижины Билла была закрыта. Я наощупь добрался до задней двери, но на ней красовался огромный висячий замок. Тогда я исследовал ставни. Они были тоже заперты. Лишь одно узкое окошко на северной стене было без ставень. Рама была закрыта. Я остановился и снова прислушался. Ничто не шевелилось, деревья были такими же молчаливыми, как их тени.

Я попытался просунуть между створками окна лезвие перочинного ножа.

Крючок не поддавался. Прислонившись к стене, я задумался. Потом нагнулся, поднял камень побольше и стукнул им в то место, где соединялись створки окна. Задвижка из сухого дерева разлетелась с треском. Окно отворилось в дом, в темноту. Я подтянулся, перекинул ногу через подоконник и с трудом протиснулся внутрь. Тяжело дыша от напряжения, я снова прислушался.

В глаза мне ударил слепящий луч яркого света.

Спокойный голос сказал:

— Передохните, мой мальчик, вы совсем запыхались!

Луч света пригвоздил меня к стене, как раздавленную муху. Потом я услышал щелчок выключателя, зажглась настольная лампа. Луч фонарика погас.

Джим Паттон сидел в старом коричневом кресле, рядом со столом. Скатерть с кистями, спускаясь с края стола, прикрывала его колени. На нем была та же одежда, что и днем, поверх нее кожаная куртка, которая несомненно когда-то была новой — вероятно, во времена его предков. Руки его были пусты, не считая сильного карманного фонаря. Такими же пустыми были и глаза. Только челюсти двигались в привычном темпе.

— Ну, мой мальчик, что у вас на сердце? Не считая этого маленького

взлома.

Я подтянул стул, сел на него верхом и сложил руки на спинке. Потом осмотрелся в комнате.

— У меня была одна идея, — сказал я. — Сначала она мне казалась очень хорошей, но теперь я, пожалуй, от нее откажусь.

Домик был больше, чем казался снаружи. Комната, в которой мы сидели, служила гостиной. Она была скромно меблирована, еловый пол покрыт ковром из лоскутков. У круглого стола стояли два стула. Через открытую дверь виднелся угол плиты.

Паттон кивнул, его глаза беззлобно меня изучали.

— Я слышал, как подъехала машина, — сказал он. — И не сомневался, что это сюда. Во всяком случае, вы быстро подошли, но ваших шагов я не услышал. Вы возбудили мое любопытство, мой мальчик.

Я ничего не ответил.

— Надеюсь, вы не обижаетесь, что называю вас «мой мальчик?» Это просто глупая привычка, от которой я никак не избавлюсь. Каждый, у кого не растет длинная седая борода, для меня «мой мальчик».

Я сказал, что он может называть меня любым ласкательным именем, какое ему по вкусу. Я не разборчив.

Он ухмыльнулся.

— Кстати, — сказал он, — в телефонной книге Лос-Анджелеса целая куча частных детективов! Слава богу, только у одного фамилия Марлоу.

— А зачем вам понадобилось смотреть?

— Можете назвать это любопытством. К тому же Билл Чесс упомянул о какой-то «ищейке». Сами-то вы не пожелали толком представиться.

Я достал бумажник и показал ему свои документы.

— Гм, вы хорошо оснащены для своей работы, — сказал он удовлетворенно. — А ваше лицо выдает немного. Я полагаю, у вас было намерение обыскать дом?

— Да.

— Я уж и сам здесь порылся. Отвез Билла и сразу вернулся. Я думаю, что не имею права разрешать вам устраивать здесь обыск. — Он почесал за ухом. — По правде сказать, будь я проклят, если знаю, имею право или нет. По чьему поручению вы работаете?

— По поручению Дерриса Кингсли. Я ищу его жену. Месяц назад она исчезла. Уехала отсюда. По-видимому, с мужчиной. Мужчина это отрицает. Я и поехал сюда, чтобы поискать какие-нибудь следы.

— Ну и нашли что-нибудь?

— Нет. Она почти наверняка направилась отсюда в Сан-Бернардино, а

потом в Эль-Пасо. Там след теряется. Но я лишь сегодня приступил к поискам.

Паттон встал и открыл дверь дома. Ворвался острый запах еловой хвои.

Шериф сплюнул на траву, вернулся, уселся, снял свою фетровую шляпу и провел рукой по серо-пепельным волосам. Без шляпы его голова выглядела странно голой. Это бывает с головами, которые редко видишь без шляпы.

— А Билл Чесс вас не интересуется?

— Нисколько.

— Я думаю, вы, парни, часто занимаетесь бракоразводными делами, — сказал он. — На мой вкус, малоприятная работа.

Я ничего не ответил.

— А Кингсли не мог обратиться за помощью в полицию?

— Нет, — ответил я. — Он слишком хорошо знает свою жену.

— Все, что вы говорите, не объясняет вашего желания обыскать этот дом, сказал он деловым тоном.

— К сожалению, я от природы любопытен, шериф.

— Да? — проворчал он. — Мне случалось слышать и более толковые ответы.

— Ну, ладно, скажем, у меня появился интерес к Биллу Чессу. Но лишь постольку, поскольку он попал в переделку. Мне его жаль, хотя я считаю, его заурядным подонком. Если он убил свою жену, то здесь должно найтись что-нибудь, подтверждающее такое обвинение. Если же он этого не сделал, то должно найтись что-либо, доказывающее его невиновность.

Шериф склонил голову набок, как прислушивающаяся птица.

— Ну, например, о каких вещах вы думаете?

— Одежда, украшения, предметы туалета — все, что женщина забирает с собой, если уходит, чтобы не вернуться.

Он откинулся в кресле.

— Но она не уходила, мой мальчик!

— Тогда все эти вещи должны быть здесь. А если все это здесь, то Билл заметил бы, что она это оставила. Тогда бы он знал, что она не ушла.

— Господи, это выглядит плохо для него в обоих случаях.

— Если он ее убил, — продолжал я, — то он должен был бы попытаться избавиться от вещей, которые женщина, уезжая, берет с собой!

— А как вы себе это представляете, мой мальчик? Как он должен был поступить? — Желтый свет лампы придавал его лицу бронзовый оттенок.

— Я заключил из слов Билла, что у его жены был собственный

«форд». Все ее вещи он мог бы сжечь, а остатки закопать в лесу. Но машину не сожжешь и не закопаешь. Мог он на ней уехать?

Паттон посмотрел на меня удивленно.

— Конечно, — ответил он. — Правда, его правая нога не сгибается в колене, так что пользоваться ножным тормозом ему трудно, но есть ведь ручной тормоз! Вся разница между обычной машиной и «фордом» Билла заключается в педали тормоза. У него она расположена слева рядом со сцеплением, так что он может их обе нажимать одной ногой.

Я стряхнул пепел с сигареты в маленькую синюю банку, которая, судя по этикетке, когда-то содержала фунт меда.

— В этом случае для него проблема заключалась в том, как избавиться от машины. Куда бы он ее ни отогнал, назад ему надо было возвращаться пешком, да так, чтобы его никто не видел. Если бы он ее просто бросил на дороге, ну, скажем, внизу в Сан-Бернардино, то ее бы быстро нашли и опознали. Этого он допустить не мог. Самое хитрое было бы сбыть ее скупщикам, из тех, которые разбирают машины на запчасти. Но где ему было искать такого скупщика? Значит, остается шанс, что он спрятал автомобиль в лесу, причем недалеко отсюда — ведь возвращаться ему надо было пешком.

— Для человека, утверждающего, что он не заинтересован, вы весьма основательно все раскладываете по полочкам, — заметил Паттон сухо. — Так, машина спрятана в лесу. И дальше?

— Тогда он должен считаться с тем, что ее найдут. В здешних краях охотники и лесорубы время от времени обходят лес. И если машина будет найдена, то для Билла лучше, чтобы вещи его жены оказались в «форде». Это дало бы ему пути к отступлению — не блестящие, но все-таки возможные. Скажем, на нее кто-то напал, убил и изобразил дело так, чтобы виновным оказался Билл. Во-вторых, можно было бы по-другому объяснить случившееся: Мюриэль действительно совершила самоубийство, но обставила все таким образом, чтобы обвинение в убийстве пало на Билла. Так сказать, самоубийство с актом мести.

Паттон обдумывал мои слова спокойно и тщательно. Он снова подошел к двери и сплюнул, уселся и пригладил волосы. Он смотрел на меня с весьма скептической миной.

— Первое, возможно, именно так, как вы говорите, — согласился он. — Только я не знаю никого, кто мог бы такое совершить. Но при этом история с запиской все равно повисает в воздухе.

Я покачал головой.

— Вы же сами высказали подозрение, что Билл сохранил записку от

прошлой ссоры. Скажем, она ушла — так, по крайней мере, он думал — и не оставила записки. Прошел месяц, он не слышит о ней ни слова, чувствует себя подавленным и неуверенным и достает старую записку, чтобы защититься на случай, если с ней что-то стряслось. Он ничего об этом не говорил, но мог иметь такое намерение.

Паттон покачал головой. Эта версия его явно не устраивала. Честно говоря, она и мне не очень нравилась.

— А что касается вашей второй гипотезы, то она просто абсурдна. Покончить жизнь самоубийством и при этом подстроить так, чтобы другой был обвинен в убийстве — нет, это не вяжется с моим примитивным представлением о человеческой природе.

— Тогда ваши представления о человеческой природе действительно примитивны, — сказал я. — Потому что такие вещи уже случались. И всякий раз так поступала женщина.

— Ерунда, — сказал он, — мне пятьдесят семь лет, и я повидал всяких людей, в том числе всяких сумасшедших, но за эту теорию я и цента не дам. Мне кажется более вероятным, что она написала записку и действительно собралась уехать, но он успел ее перехватить, пришел в ярость и убил. А потом ему пришлось проделать все эти трюки, о которых мы говорили.

— Я никогда ее не видел, — сказал я. — Так что я понятия не имею, как она могла действовать. Билл говорил, что встретил ее с год назад в одном баре в Риверсайде. Она могла до встречи с ним иметь весьма запутанное прошлое. Билл мне сказал, что она была очень темпераментна. Что она в сущности была за человек?

— Очень живая блондинка, привлекательная, если она приводила себя в порядок. Выйдя замуж за Билла, она, так сказать, опустилась ниже своего уровня. Ловкая женщина, ее лицо умело скрывать тайны. Кстати, Билл говорит, что она легко впадала в гнев. Мне этого наблюдать не пришлось. Наоборот, я не раз был свидетелем его собственных очень неприятных вспышек.

— Вы думаете, она выглядела похожей на фотографию девушки по имени Милдред Хэвиленд?

Он перестал жевать, и губы его сжались. Лишь некоторое время спустя его челюсти снова пришли в движение.

— Черт меня побери, — сказал он, — мне надо будет сегодня чертовски осторожно ложиться спать. Сначала посмотреть, нет ли вас под моей кроватью. Откуда у вас эта информация?

— Мне ее дала хорошенькая девушка — она назвалась Вирджи

Кеппель. Брала у меня интервью — ведь она по совместительству журналистка. И сообщила мне, что фотографию показывал здесь полицейский из Лос-Анджелеса по имени Де Сото.

Паттон хлопнул себя по колену, плечи его обвисли.

— Да, я совершил ошибку, — сказал он рассудительно. — Одну из моих обычных ошибок. Этот невежа показывал фотографию всему городу, прежде чем прийти ко мне. Вот я и рассердился. Фото было похоже на Мюриэль, но не настолько, чтобы быть уверенным. Де Сото сказал, что он полицейский. Я ответил, что работаю в этой же лавочке, только сохранил свою сельскую невинность. Он объяснил, что получил задание установить, где находится эта дама, — больше ему ничего не известно. Может быть, с его стороны было ошибкой разговаривать со мной так пренебрежительно. А я, со своей стороны, был не прав, когда сказал ему, что не знаю никого, похожего на его маленькую карточку.

Великан неуверенно улыбался, глядя в потолок, потом опустил глаза и твердо посмотрел на меня.

— Я надеюсь, вы оцените мое доверие, мистер Марлоу? А ваши выводы абсолютно точны. Вам не приходилось бывать на озере Бобра?

— Никогда о нем не слышал.

— Приблизительно в миле отсюда, — он показал большим пальцем через плечо, — есть узкая дорога, которая сворачивает на запад. Там сквозь деревья еле-еле протиснешься. Она поднимается примерно на пятьсот футов за милю и выходит к озеру Бобра. Чудное по красоте место. Иногда туда отправляются люди на пикник, впрочем, не очень часто. Слишком дорого это обходится для покрышек. Там вблизи два-три маленьких озера, заросших тростником. А в тенистых местах еще до сих пор лежит снег. Есть там несколько простых хижин, которые год от года все больше заваливаются, и еще большой заброшенный барак, построенный десять лет назад университетом Монклер для летнего студенческого лагеря. Он стоит в стороне от дороги, в густом кустарнике. Сзади к нему пристроена прачечная со старым ржавым котлом. И еще там есть дровяной сарай с дверью, которая открывается вбок, на роликах. Сперва он предназначался для гаража, но потом его использовали для хранения дров. Обычно его запирают. Наколотые дрова — единственное, что у нас воруют. Но одно дело — взять дрова из открытого штабеля, а другое — ломать из-за этого замок. Я думаю, вы уже догадались, что я нашел в этом сарае.

— Я полагал, что вы отправились вниз, в Сан-Бернардино?

— А я передумал. Решил, что будет не правильно везти Билла вниз в одной машине с телом его жены. Поэтому я отправил труп в санитарной

машине, а Билл поехал с Энди. Тогда я и подумал, что неплохо было бы сначала немного осмотреться, прежде чем передавать дело следственному судье.

— Значит, в сарае была машина Мюриэль?

— Да. И в машине лежали два незапертых чемодана. Битком набитые платьями, причем набитые в спешке. Сплошь женские платья. И что главное, мой мальчик: это место не мог знать никто чужой!

Я согласился с ним. Шериф засунул руку в карман своей выдавшей виды кожаной куртки и достал маленький пакетик, завернутый в папиросную бумагу.

Развернув его на ладони, он протянул мне руку.

— Взгляните-ка!

Я наклонился и посмотрел. На папиросной бумаге лежала тонкая золотая цепочка с крошечным замком. Цепочка была разорвана, причем замок оставался запертым. Все — и цепочка и бумага — было покрыто слоем тонкого белого порошка.

— Угадайте, где я это нашел, — сказал Паттон.

Я взял цепочку в руки и попытался сложить ее в месте разрыва. Концы не подходили друг к другу. Ничего не сказав по этому поводу, я лизнул палец и попробовал порошок на вкус.

— В пакете с сахарной пудрой, — сказал я. — Такие браслеты некоторые женщины носят на щиколотке и никогда не снимают, как обручальное кольцо. Кто бы его ни снял, замком он не воспользовался.

— И что вы из этого заключаете?

— Не много, — ответил я. — Нет никакого смысла думать, что Билл снял эту цепочку с ноги Мюриэль и в то же время оставил ожерелье на шее. С другой стороны, зачем было Мюриэль самой прятать эту цепочку? Обыск, притом настолько тщательный, чтобы найти эту вещь, никто не стал бы делать, пока не появился труп. Если бы цепочку снял Билл, он просто бросил бы ее в озеро. Вот если Мюриэль хотела сохранить цепочку и при этом спрятать ее от Билла, тогда в этом есть какой-то смысл.

На этот раз Паттон удивился.

— Почему же?

— Потому что спрятано чисто по-женски. Сахарную пудру применяют только при выпечке. Мужчина никогда этот пакет и в руки не возьмет. Очень ловко с вашей стороны, шериф, натолкнуться на эту мысль!

Он ухмыльнулся слегка смущенно.

— Да нет, я случайно перевернул этот пакет, и при этом сахарная пудра просыпалась. Если бы этого не случилось, мне и в голову не пришло бы

там искать.

Он снова завернул цепочку и спрятал ее в карман. Потом решительно встал.

— Останетесь здесь или вернетесь в Лос-Анджелес, мистер Марлоу?

— Возвращаюсь в город. Пока не понадобится вам. Я думаю, вы меня вызовете на допрос?

— Это зависит от судьи. Если вы будете любезны закрыть окно, которое вы взломали, то я тем временем выключу свет и запру дверь.

Я сделал то, о чем он попросил. Он погасил лампу и вновь зажег свой карманный фонарь. Мы вышли. Он еще раз нажал на дверь, чтобы убедиться, что замок защелкнулся. Потом закрыл ставни. Мы стояли и смотрели на освещенное луной озеро.

— Я не могу поверить, что он хотел ее убить, — сказал Паттон грустно. — Он легко мог задушить женщину, не желая этого, с его-то ручищами! А после того, как это случилось, он имел право употребить то количество мозгов, которым его снабдил господь, чтобы спрятать следы преступления. Вся эта история меня очень огорчает, но я не могу ни изменить факты, ни сделать другие выводы. Все это просто и естественно, а вещи простые и естественные всегда оказываются и самыми верными.

— Я думаю, он бы убежал. Не верю, чтобы он смог выдержать, оставаясь здесь.

Паттон сплюнул в черную бархатную тень манцанитового куста и медленно сказал:

— В нашем районе он получает пенсию. Если бы он скрылся, то потерял бы и пенсию. А большинство людей могут выдержать то, что они выдержать должны, если нет другого выхода. Сейчас это хорошо видно во всем мире. Спокойной ночи, мистер Марлоу. А я пойду-ка на пристань и посижу там при луне. Несчастье: такая ночь, а мы должны разбирать дело об убийстве!

Он не спеша направился в тень деревьев и вскоре скрылся из виду. Я стоял, пока он не растворился во тьме, потом пошел к шлагбауму и перелез через него. Сев за руль, я медленно поехал вниз по шоссе в поисках места, где можно было бы надежно спрятать машину.

Глава 12

Примерно в трехстах метрах от дороги ответвлялась тропа, покрытая ковром коричневых дубовых листьев еще от прошлой осени. Они огибала большую гранитную скалу и исчезала в лесу. Я свернул с дороги, пятьдесят-шестьдесят футов петлял между камней, объехал вокруг дерева и развернулся опять в направлении, откуда приехал. Выключив мотор, я сидел и ждал.

Прошло минут тридцать. Без курева они показались мне ужасно долгими.

Потом вдали послышался звук запускаемого мотора, шум приближался, и наконец на дороге подо мной показался яркий свет фар. Потом все это удалилось и исчезло вдалеке, лишь слабый запах пыли и бензина висел в воздухе.

Я вышел из машины, направился опять к шлагбауму и вскоре снова стоял перед домом Билла Чесса. На этот раз, чтобы открыть знакомое окно, потребовался несильный удар. Я снова забрался на подоконник, спрыгнул на пол и осветил комнату своим карманным фонариком. Потом включил настольную лампу и некоторое время прислушивался. Ничего не услышав, я вошел в кухню. Над раковиной висела лампочка, я зажег ее.

В ящике у плиты были аккуратно сложены наколотые дрова.

В мойке не было грязной посуды, на плите — ни одной кастрюли или сковороды. Билл Чесс поддерживал порядок в доме, независимо от того, один он в нем жил или нет. Из кухни дверь вела в спальню, оттуда узкая дверца — в крошечную, ванную, которая, по-видимому, была оборудована лишь недавно.

Ванная комната не сообщила мне ничего.

В спальне стояли двухспальная кровать, туалетный столик с круглым зеркалом над ним, комод, два стула и ящик для белья. С каждой стороны кровати лежало по овальному коврику. На стенах Чесс прикрепил кнопками несколько карт военных действий. На туалетном столике стоял безвкусный, бело-красный туалетный гарнитур.

Я обыскал ящики. В одном лежала шкатулка из искусственной кожи со всевозможными дешевыми украшениями. В другом ящике — масса баночек, флакончиков, коробочек из-под различной косметики — я нашел, что всего этого было многовато. В комод лежало мужское и женское белье, того и другого понемногу. Среди прочего Билл Чесс был обладателем

кричаще яркой рубашки.

Под стопкой голубой папиросной бумаги в углу я нашел нечто, мне не понравившееся. Совершенно новый шелковый гарнитур дамского белья, абрикосового цвета, с кружевами. Женщина, владеющая своими пятью чувствами, не оставляет таких вещей, когда уезжает. Это выглядело плохо для Билла Чесса. Интересно, что подумал по этому поводу Джим Паттон?

Потом я вернулся в кухню, осмотрел ящики и полки над столом. Они были полны банок, склянок и всяких хозяйственных мелочей. Сахарная пудра была в коричневом бумажном пакете с надорванным углом. Паттон попытался всыпать внутрь то, что просыпалось. Каждый из этих пакетов мог что-нибудь скрывать.

От золотой цепочки был оторван кусок, поэтому концы не совпадают друг с другом...

Я закрыл глаза, наудачу ткнул пальцем — и попал на крахмал. Вытащив из ящика газету, расстелил ее и рассыпал содержимое пакета. Я водил по крахмалу чайной ложкой. Но ничего не обнаружил. Всыпал крахмал обратно в пакет и проделал ту же манипуляцию с содой. Ничего, кроме соды. Ну, третий раз — счастливый. Я проверил соль. Ничего, кроме соли.

Звук шагов заставил меня замереть. Мигом выключил свет, скользнул обратно в гостиную, чтобы погасить лампу. «Конечно, слишком поздно», подумал я. Снова слышались шаги, медленные, осторожные... я весь покрылся гусиной кожей.

Я ждал в темноте, сжав в руке карманный фонарик.

Прошли две смертельно томительные минуты. Все это время я не решался дышать.

Это не мог быть Паттон. Он просто вошел бы в дверь и вышвырнул бы меня вон. Осторожные шаги то приближались, то удалялись, то наступала долгая пауза. Я на цыпочках подобрался к двери и нажал на ручку. Потом рывком распахнул дверь и одновременно зажег фонарик.

Свет превратил пару глаз в золотые лампочки. Потом я услышал прыжок и топот копыт между деревьев. Всего лишь — сюда забрел олень.

Я снова запер дверь и пошел с фонариком в кухню. Маленький кружок света остановился на пакете с сахарной пудрой.

Включив свет, я снял пакет с полки и высыпал пудру на лист газеты.

Паттон искал недостаточно тщательно. Случайно обнаружив цепочку, он решил, что это — все. Он ведь не заметил, что в ней кое-чего не хватало.

В сахарной пудре оказался второй маленький пакетик из папиросной бумаги. Я стряхнул тонкий порошок и развернул бумажку: внутри лежало

маленькое золотое сердечко, размером с женский ноготь.

С помощью ложки я собрал сахарную пудру обратно в пакет и положил его на полку. Газету я скомкал и сунул в печь. Потом пошел в гостиную и зажег настольную лампу. При более ярком свете я без лупы сумел прочесть надпись, выгравированную на обороте сердечка. Там было написано:

«Милдред от Эла.

28 июня 1938 г. С любовью».

Милдред от Эла. Милдред Хэвиленд от Эла такого-то. Значит, Милдред Хэвиленд стала Мюриэль Чесс. Мюриэль Чесс умерла — через две недели после того, как ее разыскивал полицейский по фамилии Де Сото.

Я стоял, держал сердечко в руке и размышлял, что мне с ним делать.

Ничего не приходило в голову. Тогда я завернул его опять в бумажку, покинул домик и поехал назад в поселок.

Паттон был в своем кабинете и разговаривал по телефону. Мне пришлось подождать, пока он не закончил. Повесив трубку, он встал и открыл мне дверь.

Я прошел мимо него, положил на письменный стол пакетик и развернул его.

— Вы не добрались до дна пакета с сахарной пудрой, — сказал я.

Он смотрел попеременно то на меня, то на золотое сердечко, потом достал из ящика стола лупу и прочел надпись. Наморщив лоб, он положил лупу на место и посмотрел на меня.

— Мне следовало сообразить, что вы твердо намерены обыскать весь дом. А уж если вы что-то забрали в голову, то сделаете это непременно, — сказал он ворчливо. — Не устраивайте мне неприятностей, мой мальчик. Понятно?

— А вы обязаны были заметить, что оборванные концы цепочки не совпадают, — возразил я. Он грустно посмотрел на меня.

— Милый мальчик, у меня уже не ваши глаза. — Он пододвинул сердечко ко мне.

Я сказал:

— Вы решили, что Мюриэль прятала цепочку, так как эта цепочка могла вызвать у Билла ревность. Я тоже так думал. Могла бы, если бы попалась ему в глаза. Но я готов голову прозакладывать, что он ее не видел, а главное, никогда не слышал о Милдред Хэвиленд!

— Гм, — произнес Паттон. — Выходит, я был не прав по отношению к этому грубияну Де Сото, а?

Он посмотрел на меня долгим выразительным взглядом, и я ответил ему таким же.

— Не говорите ничего, мой мальчик. Дайте мне самому подумать. Я понимаю, что у вас уже готова новенькая, с иголки, версия.

— Точно, Билл не убивал свою жену.

— Нет?

— Нет. Ее убил кто-то, связанный с ней в прошлом. Этот человек потерял ее след, потом снова нашел ее, узнал, что она замужем за другим мужчиной, и это ему не понравилось. Это должен быть кто-то, хорошо знающий здешнюю местность, как ее знают сотни людей, живущих тут, и знающий, где можно спрятать машину и чемоданы. Кто-то, кто умеет ненавидеть и притворяться. Он уговорил ее уехать с ним, заставил собрать вещи и написать записку, а потом схватил за горло и поступил с нею так, как она, по его мнению заслуживала. Потом он утопил ее в озере и отправился своим путем. Что вы на это скажете?

— Н-да... — сказал он понимающе, — но это немного усложняет наше дело, вы не находите?

— Когда вы это переварите, скажите мне. У меня есть еще кое-что в запасе.

— Пусть меня черт поберет, если у вас однажды не окажется чего-нибудь в запасе! — сказал шериф, и впервые со времени нашего знакомства я увидел, как он смеется.

Я вторично пожелал ему доброй ночи. Когда я уходил, он сидел, тяжеломерно проворачивая в мозгу все наши варианты. С таким же усердием, с каким лесной поселенец корчет старые пни.

Глава 13

Было около одиннадцати вечера, когда я въехал в Сан-Бернардино и поставил свою машину в одной из боковых улочек, рядом с отелем «Преско». Я взял чемодан из багажника, но не успел сделать и трех шагов в направлении к отелю, как на моем пути вырос посыльный в брюках с золотыми лампасами, белой рубашке с черным бантиком и буквально вырвал чемодан у меня из рук.

Дежурный ночной портье, с голой, словно яйцо, головой, не обнаружил интереса ни ко мне, ни к чему-нибудь еще. Позевывая, он пододвинул ко мне книгу для записи постояльцев — и при этом смотрел вдаль. Видимо, именно в данный момент его более всего занимали воспоминания о собственном детстве.

Посыльный поднялся со мной в лифте на третий этаж и повел меня по сумрачному коридору. Чем дальше мы шли, тем жарче становился воздух. Потом он отпер дверь крошечного номера, размером с детскую комнату, с окном, выходящим в вентиляционную шахту. Вентилятор, укрепленный на потолке, был с дамский носовой платок. Шелковая ленточка, прикрепленная к лопасти вентилятора, еле шевелилась. Только так и можно было определить, что там вообще что-то двигалось.

Посыльный был длинный, худой, желтый, немолодой и равнодушный, как кусок угля в уксусе. Языком он передвинул жевательную резинку от одной щеки к другой, поставил чемодан на стул, посмотрел на решетку вентиляционной шахты, потом на меня. У него были глаза цвета питьевой воды.

— Наверное, мне надо было взять долларовый номер, — сказал я. — Этот что-то уж больно узковат...

— Будьте довольны, что хоть какой-то получили. Город набит приезжими так, что вот-вот лопнет по швам.

— Ну что ж, тогда принесите-ка нам тоник со льдом.

— Вы сказали — нам?

— Разумеется, если вы только случайно не трезвенник.

— Да нет, стаканчик в эту пору не повредит.

Он исчез. Я содрал с себя пиджак, галстук, рубашку и майку и начал шагать в теплом потоке воздуха, вытекавшем из открытой двери. Воздух имел запах горячего железа. Я пошел в ванную, если это вообще можно было назвать ванной комнатой, и вымылся теплой водой.

Когда появился худой посыльный с подносом в руках, мне уже стало немного легче дышать. Он закрыл за собой дверь. Я вытащил из чемодана бутылку виски, намешал два коктейля, и мы выпили, улыбаясь друг другу привычными неискренними улыбками. Пот тек у меня с затылка по позвоночнику, и прежде чем я поставил на столик свой стакан, этот поток был уже на полпути к носкам. И все-таки сейчас я чувствовал себя уже лучше. Усевшись на кровать, я посмотрел на посыльного.

— У вас есть время?

— Время? Для чего?

— Чтобы освежить свою память.

— С этим у меня обстоит неважно.

— У меня много денег, и мне необходимо хотя бы от части избавиться, — сказал я. Вытащив из заднего кармана бумажник, я бросил на кровать несколько смятых долларовых бумажек.

— Извините, — сказал посыльный, — я предполагаю, вы вроде как сыщик?

— Не будьте дураком, — сказал я. — Где это вы видели сыщика, который раскладывает пасьянс из собственных денег? Лучше считайте меня исследователем.

— Гм, это могло бы меня заинтересовать. Вообще, виски очень освежает память.

Я дал ему один доллар.

— Давайте попробуем. Если не ошибаюсь, вы техасец?

— Нет, я из Амарилло. Но это не так важно. А вам нравится мой настоящий техасский акцент? Меня самого мутит от него, но это окупается.

— Тогда спокойно оставьте его при себе. Если он может принести лишний доллар чаевых.

Он ухмыльнулся, аккуратно сложил купюру и спрятал ее в карманчик для часов.

— Что вы делали в пятницу, 12 июня? — спросил я. — После полудня или вечером. Во всяком случае, это была пятница.

Он пригубил из стакана и задумался, круговым движением гоняя лед по поверхности жидкости. При этом он не вынимал изо рта своей жевательной резинки.

— Я был здесь, работал с шести и до полуночи.

— Речь идет о женщине. Стройная блондинка. Остановилась здесь и пробыла до ночного поезда на Эль-Пасо. Я предполагаю, что она уехала в Эль-Пасо ночным поездом, так как утром в воскресенье ее уже видели там. Эта женщина приехала в спортивном «паккарде», зарегистрированном на

имя Кристель Кингсли из Лос-Анджелеса. Возможно, она записалась под этим именем, а может и под другим. Ее машина все еще стоит в гараже вашего отеля. Охотно побеседовал бы с кем-нибудь, кто видел, как она приехала и уехала. Это будет стоить мне еще доллар — просто надо напрячь память.

Я взял с одеяла еще один доллар и он исчез в его кармане с шумом уползающей гусеницы.

— Будет сделано, — сказал он спокойно.

Он поставил стакан и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Я допил свой виски и налил еще. Потом снова пошел в ванную и облился до пояса водой.

В это время у меня в номере зазвонил телефон. Я снял трубку. Голос с техасским акцентом произнес:

— В тот день работал Сонни. Он сегодня выходной. А провожал ее другой посыльный, которого мы зовем Лес. Он сейчас здесь.

— Хорошо. Пришлите его сюда, ладно?

Я занимался своим вторым виски и уже подумывал о третьем, когда в дверь постучали. Я открыл. Появился рыжий, тонкогубый подросток, похожий на крысу.

Войдя танцующим шагом, он остался стоять близ двери, разглядывая меня с наглой ухмылкой.

— Виски? — спросил я.

— Ясно! — ответил он независимым тоном. Он сам себе налил, немного разбавил, выпил одним глотком и сунул в рот сигарету. Выдохнув дым, он продолжал на меня смотреть. Краешком глаза он увидел деньги на кровати, но голову туда не повернул.

— Тебя зовут Лес?

— Нет. — Он сделал паузу. — Мы здесь не любим сыщиков. У нас в отеле своего сыщика нет, а чужих мы и подавно в грош не ставим.

— Тогда спасибо, — сказал я. — Это все.

— Как? — Его слишком маленькие губы подрагивали.

— Все! Вон отсюда!

— Я думал, вы хотите со мной поговорить?

— Ты здесь старший посыльный?

— Так точно. Можете спросить.

— Я хотел угостить тебя рюмкой виски. И долларом. На! — я протянул ему деньги. — Спасибо, что зашел.

Взяв доллар, он спрятал его без единого слова благодарности. Он все еще стоял, как приклеенный к двери, пуская дым через нос. Глазки у него

были прищуренные и — подлые.

— Я могу сказать правду.

— Если с тобой будут разговаривать, — ответил я. — А это — вряд ли. Получил виски и чаевые? А теперь убирайся! Живо!

Он пожал плечами и быстро выскользнул из двери.

Прошло минуты четыре, в дверь постучали снова, на этот раз тихо. Вошел длинный ухмыляясь. Я отошел от двери и сел на кровать.

— Я вижу, гость вам не понравился?

— Не очень. Он что, обиделся?

— Вероятно. Вы же знаете, какова эта публика. Вечно старается поживиться. Может, вы лучше у меня спросите, мистер Марлоу?

— Вы ее записывали в книгу?

— Нет, она вообще отказалась записываться. Но я помню ее «паккард». Она дала мне доллар, велела отвести машину в гараж и присмотреть за багажом до поезда. Эта дама обедала в нашем ресторане. За доллар в нашем городе кого хочешь вспомнишь. К тому же у нас было много разговоров из-за оставленной машины.

— Как она выглядела?

— На ней был бело-черный костюм, больше белого, чем черного, и панама с черно-белой полосатой лентой. Красивая небольшая блондинка, точно как вы сказали. На вокзал она поехала в такси. Я положил ее багаж в машину. На чемоданах была какая-то монограмма. Мне очень жаль, но я не запомнил какая.

— И прекрасно, что не запомнили. Иначе это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Вот вам еще виски. Сколько ей было лет?

Он сполоснул под раковиной стакан и налил себе.

— В наше время чертовски трудно определить возраст женщины, — сказал он. — Я думаю, приблизительно тридцать. Может, немного больше или меньше.

Я достал из пиджака фотографию Кристель и Лэвери на пляже и протянул ему. Он посмотрел на нее, приблизил к глазам, потом подержал поодаль.

— Вы же не под присягой показываете! — сказал я.

— Этого мне и не хотелось бы, — возразил он. — Все эти маленькие блондинки сделаны по одному шаблону. Чуть изменить освещение либо платье или намазаться иначе — и не узнаешь. — Он медлил, не выпуская фотографию из рук.

— Ну, в чем дело? Выкладывайте!

— Я смотрю на мужчину. Он как-то связан с этим делом?

— Да выкладывайте же спокойно!

— Мне кажется, он подходил к ней в холле, а потом вместе с ней обедал. Высокий, красивый бабник, такой... средневес. И в такси он тоже сел вместе с ней.

— Вы уверены?

Он посмотрел на деньги, разложенные на кровати.

— Ну, ладно, сколько это стоит? — спросил я с досадой.

Он холодно посмотрел на меня, потом положил фотографию, вытащил из кармана обе сложенные бумажки и бросил их на кровать.

— Большое спасибо за виски, — сказал он. — И шли бы вы... — С этими словами он повернулся к двери.

— Ах, сядьте и не будьте таким обидчивым! — проворчал я.

Не меняя выражения лица, он все-таки сел.

— И не изображайте из себя эдакого гордого сына Юга. Я достаточно имел дела со служащими гостиниц. И если мне наконец повезло познакомиться с одним бескорыстным, то это прекрасно. Но вы не должны от меня требовать, чтобы я ожидал встретить такого, который не продажен!

Он медленно ухмыльнулся и кивнул. Потом снова взял карточку в руку и посмотрел на меня через ее край.

— Этот мистер хорошо вышел на фотографии. Гораздо лучше, чем дама. Но я вспомнил о нем вот из-за чего. Видите ли, мне показалось, что этой даме было очень неприятно, когда он подошел к ней в холле.

Я задумался над его словами и пришел к выводу, что это ничего не значит. Может быть, тот просто опоздал, и поэтому она была недовольна. Я сказал:

— На это, видимо, были какие-то причины. Вы не заметили, какие на ней были украшения? Кольца, серьги — что-нибудь бросающееся в глаза?

Он сказал, что не обратил внимания.

— А прическа? Длинные волосы или короткие? Гладкие или завитые? Или курчавые! Натуральная блондинка или крашеная?

Он засмеялся.

— Ну, на ваш последний вопрос ни один человек не мог бы ответить. В наше время, если женщина от природы блондинка, так она красится, чтобы стать светлее! Что же до остального, то, насколько я помню, волосы были довольно Длинные, как сейчас носят, почти гладкие, а внизу закрученные. Но я могу и ошибаться. — Он снова посмотрел на фотографию.

— Это правильно, — сказал я. — И я только потому спросил вас, чтобы убедиться, не фантазер ли вы. Люди, которые запоминают все

мелочи, — такие же ненадежные свидетели, как и те, которые ничего не помнят. Золотая середина — всегда самое лучшее. Вы все очень хорошо запомнили, с учетом обстоятельств.

Еще раз большое спасибо.

Я вернул ему оба доллара и добавил к ним еще пять, чтобы тем не было скучно. Он поблагодарил, допил свой стакан и тихо вышел. Я тоже допил, еще раз помылся и решил, что лучше поехать домой, чем спать в этой дыре.

Одевшись, я взял чемодан и пошел вниз по лестнице.

В холле была только рыжая крыса. Я дошел со своим чемоданом до стойки, он и пальцем не шевельнул, чтобы мне помочь. Лысый портье выглянул из двери и, не глядя на меня, потребовал два доллара.

— Что? Два доллара за одну ночь в этой дыре? — спросил я. — Когда я могу бесплатно переночевать в любом проветриваемом мусорном бачке?

Портье зевнул, с некоторым запозданием улыбнулся и сказал дружелюбно:

— О, с трех часов здесь делается довольно прохладно. С трех до восьми или даже до девяти очень приятно.

Я вытер пот с шеи и побрел к своей машине. Даже сидения были горячими, и это в полночь-то!

Глава 14

Мне снилось, что я лежу глубоко на дне озера и держу в руках женский труп. Длинные белокурые волосы время от времени касались моего лица. Вокруг плавала огромная пучеглазая рыба и улыбалась мне, как старый сообщник. Когда я был уже на пределе дыхания, тело в моих руках внезапно ожило и вырвалось.

А потом я боролся с рыбой, а женщина уплывала все дальше и дальше, завернувшись в свои длинные волосы.

Я проснулся. Во рту у меня был зажат угол подушки, руками я держался за спинку кровати и что было сил тянул ее к себе. Все мышцы болели. Я встал, закурил сигарету и походил по комнате, испытывая наслаждение от прикосновения босых ступней к ворсу ковра. Докурив, я снова улегся в кровать.

Когда я проснулся вторично, было девять часов. В лицо мне светило солнце, в комнате было жарко. Я принял душ, побрился и кое-как оделся. Потом поджарил себе тосты, сварил яйца и кофе.

Набрав номер центрального полицейского управления, я попросил соединить меня с Де Сото.

Голос ответил:

— С кем?

Я повторил фамилию.

— Какое у него звание? В каком отделе он работает?

— Лейтенант полиции. Возможно, в следственном отделе.

— Подождите у телефона.

Я подождал. Голос появился снова и спросил:

— Что за шутки? В полиции Лос-Анджелеса нет никакого Де Сото.

Кто это, вообще, говорит?

Я повесил трубку, допил кофе и набрал номер конторы Дерриса Кингсли.

Элегантно-холодная мисс Фромсет сообщила, что шеф только что пришел, и соединила меня с ним без дальнейших комментариев.

— Ну, — сказал он голосом громким и энергичным, как и полагается в начале нового дня, — что вы нашли в отеле?

— Она действительно там была. И встретилась там с Лэвери. Служащий, от которого исходят эти сведения, сам, без моих вопросов, рассказал про Лэвери. Тот пообедал с нею, и они вместе поехали в такси на

вокзал.

— Бог свидетель, мне с самого начала не следовало ему верить, — сказал Кингсли медленно. — И все-таки у меня было впечатление, что он искренне удивился, когда я показал ему телеграмму из Эль-Пассо. Значит, впечатления бывают обманчивы. Что еще?

— В Сан-Бернардино ничего больше.

— Почему вы вчера спрашивали меня насчет какого-то имени... Милдред, кажется, или что-то в этом роде?

Я вкратце рассказал ему о происшедшем. Упомянул и о машине Мюриэль Чесс, о чемоданах и о том, где это все было найдено.

— Все это выглядит скверно для Билла, — сказал он. — Я знаю озеро Бобра, но мне и в голову бы не пришло воспользоваться этим сараем. Я даже и не подозревал, что там вообще есть какой-то сарай. Это выглядит не только скверно, это похоже на заранее обдуманное убийство.

— Я придерживаюсь другого мнения.

— Что же вы собираетесь предпринять дальше?

— Пожалуй, съезжу еще раз к Лэвери.

Он согласился, что это наиболее правильный путь, потом добавил:

— Это второе дело, каким бы оно ни было трагичным, в сущности, нас не касается, не так ли?

— Нет. Если только ваша жена в нем не замешана.

Его голос звучал резко, когда он сказал:

— Послушайте, Марлоу, я готов понять, что для профессионального детектива — дело инстинкта связывать все, что происходит, в один узел, но в данном случае дайте отдохнуть своему инстинкту. Жизнь вовсе не такова, абсолютно не такова, по крайней мере, та жизнь, которая мне знакома. Предоставьте дела семьи Чесс полиции и обратите свою проницательность на дела семьи Кингсли.

— Будет сделано, — сказал я.

— Разумеется, я не собираюсь вас учить, — сказал он.

Я от души рассмеялся, попрощался и повесил трубку. Потом оделся, спустился в гараж и поехал опять в Бэй-Сити.

Глава 15

Я проехал Элтер-стрит до конца, до решетки, огораживающей чей-то сад.

Некоторое время я сидел в машине, думал и любовался серо-голубыми склонами гор, спускавшимися к океану. Я пытался прийти к решению, как мне обращаться с Лэвери, что здесь вернее: замшевые перчатки или кулак? Я решил, что для начала ласковый тон повредить не может. Если он ничего не даст, а в этом я был почти уверен, тогда пусть природа берет свое, начнем хвататься за ножки стульев.

Улица была пуста. Лишь за следующим углом играла ватага ребятишек. Они бросали бумеранг вниз по склону, а потом гнались за ним, отпихивая друг друга и громко крича. Еще дальше стоял дом с черепичной крышей, окруженной деревьями. Во дворе на веревке сушилось белье, два голубя гуляли по карнизу и кивали головами. Бело-голубой автобус с трудом взбирался вдоль улицы.

Воздух был прозрачнее, чем вчера и утро дышало миролюбием. Я оставил машину и пошел пешком по Элтер-стрит до дома — 623.

На фасадных окнах были опущены жалюзи, дом выглядел заспанным. Я нажал кнопку звонка. Потом увидел, что дверь не заперта. Она слегка обвисла на петлях, как большинство дверей, и, как видно, закрывалась с трудом. Однако вчера она была закрыта.

Я слегка толкнул дверь ногой. Она открылась с тихим скрипом. В помещении было темно, лишь одно окно пропускало немного света. На мой звонок никто не вышел. А второй раз я звонить не стал. Я шире распахнул дверь и вошел.

Воздух был теплым и немного душным, как бывает по вечерам в непроветриваемых помещениях. Бутылка виски на круглом столике была почти пуста. Рядом стояла полная бутылка и ждала своей очереди.

В медном сосуде для льда было немного воды. Кроме того на столе стояли две использованные рюмки и сифон с содовой водой.

Я привел дверь в первоначальное положение и прислушался. Если Лэвери нет дома, то можно было бы использовать случай и осмотреться. Против него не имелось особенных улик, но, вероятно, было все же нечто, мешавшее ему обратиться в полицию.

Электрические часы на каминной доске тикали легко и сухо, издали слышался звук автомобильного сигнала, высоко над каньоном было

слышно гудение самолета, а между всем этим — тихое гудение холодильника в кухне.

Я пошел дальше по комнате, не переставая прислушиваться к разным звукам, которые возникают в доме, даже если в нем нет обитателей. Дошел до перил винтовой лестницы, ведущей в нижний этаж.

На перилах за поворотом лестницы показалась рука в перчатке. Она не двигалась.

Потом она шевельнулась. Сначала я увидел шляпку, потом голову. По лестнице тихо поднималась женщина. Она поднялась почти доверху, но, казалось, еще не видела меня. Это была худощавая женщина неопределенного возраста. Ее волосы были в беспорядке, губы намазаны вкривь и вкось. На щеках было слишком много румян, под глазами — слишком много теней. На ней был синий твидовый костюм, абсолютно не подходивший к красной шляпке, немыслимо косо сидевшей на голове.

Она шла мне навстречу, ничуть не меняя выражения лица. Медленно вошла в комнату, держа правую руку немного на отлете. На левой руке была коричневая перчатка, которую я увидел на перилах лестницы. Перчатка от правой руки была обернута вокруг круглой рукоятки маленького револьвера.

Внезапно она остановилась и вздрогнула, увидев меня.

Из ее губ вырвался тихий испуганный возглас. Потом она захихикала, это было высокое нервное хихиканье. Она направила на меня револьвер и стала медленно приближаться.

Я, как замороженный, смотрел на револьвер и напрягал все силы, чтобы не закричать.

Женщина подошла ко мне вплотную. Револьвер был направлен мне в живот.

Она произнесла доверительным тоном:

— Мне ничего не нужно кроме квартирной платы. Дом вроде бы в порядке, ничего не разбито. Он всегда был хорошим, аккуратным жильцом. Я только хотела, чтобы он так часто не опаздывал с квартирной платой.

Вымученный и несчастный мужской голос — неужели мой собственный? — спросил вежливо:

— И давно он уже не платит?

— Три месяца. Двести сорок долларов. Восемьдесят долларов — это очень скромная цена за такой хорошенький домик, а я каждый раз получаю свои деньги с таким трудом! Но все-таки он всегда платит. Обещал мне заплатить сегодня. По телефону. Я хочу сказать, он обещал мне сегодня утром дать чек.

— Конечно, — сказал я. — По телефону. Сегодня утром.

Я попытался незаметно сдвинуться в сторону. Нужно только постараться подойти к ней поближе и выбить из руки револьвер. Правда, мне еще никогда не удавался этот трюк, но на этот раз не оставалось никакой другой возможности.

А сейчас для этого был самый подходящий момент.

Мне удалось продвинуться дюймов на шесть, но для быстрого удара этого было недостаточно. Я спросил:

— Значит, вы хозяйка этого дома? — При этом я избегал смотреть на револьвер. У меня была слабая надежда, что она сама не понимает, куда целится.

— Конечно! Я миссис Фальбрук. А кто же я по-вашему?

— Я так и предполагал, что хозяйка дома, — сказал я. — После того, как вы рассказали про квартирную плату и про чек. Но я не знал вашей фамилии.

Еще восемь дюймов. Чистая работа. Жалко будет, если она окажется напрасной.

— А кто вы такой, позвольте спросить?

— Я насчет взносов за машину, — сказал я. — Тоже просрочены. Дверь была незаперта, вот я и вошел. Сам не знаю, почему.

Я постарался изобразить такое выражение, какое должно быть у кассира автофирмы, собирающего взносы. Немного брюзгливое, но готовое в любой момент смениться любезной улыбкой.

— Значит, мистер Лэвери и вам неаккуратно платит? — спросила она с озабоченным видом.

— Да. Не очень, так, немножко, — сказал я успокаивающе.

Вот сейчас позиция была правильной. Нужно было просто быстро прыгнуть.

И больше ничего не надо — только быстрый удар, чтобы револьвер отлетел в сторону. Я начал поднимать правую ногу с ковра.

— Ах, вы знаете, — сказала женщина, — это так странно... с револьвером. Я нашла его на лестнице. Эти штуки такие грязные, вечно в масле. А дорожка на лестнице — настоящий светло-серый велюр. Довольно дорогая!

И она протянула мне револьвер.

Моя рука протянулась за ним, она казалась твердой, как яичная скорлупа, и почти такой же хрупкой. Я взял револьвер. Она с отвращением понюхала перчатку, которой перед этим была обернута рукоятка. При этом она продолжала говорить тем же трезво-благоразумным тоном. Колени у

меня начали понемногу расслабляться.

— Да, видите ли, — сказала она, — вам гораздо легче. Я имею в виду плату за машину. Вы, в крайнем случае, можете ее забрать обратно. Но дом, причем так славно обставленный, его-то не заберешь! Чтобы сменить жильца, нужны время и деньги. Может возникнуть скандал, могут попортить мебель, иногда даже намеренно. Вот ковер на полу: он стоит двести долларов, и то — из вторых рук. Вообще-то это простой ковер, но обратите внимание на восхитительный цвет! Вы не находите? Никто не поверит, что он куплен из вторых рук. Но в том-то и дело, как только вещь побывает в употреблении, все равно, она уже из вторых рук. Мне пришлось сегодня прийти пешком. Я, конечно, могла бы приехать автобусом, но когда он нужен, то никогда не приходит или идет не в том направлении!

Я почти не слышал, что она говорила. Как шум далекого прибоя. Меня интересовал револьвер.

Я вытащил магазин. Он был пуст. Повернул револьвер и заглянул в дуло. В стволе тоже патрона не было. Понюхал ствол, пахло порохом.

Я опустил его в карман. Шестизарядный револьвер 25-го калибра. Пустой.

Из него стреляли, причем недавно. Впрочем, не в последние полчаса.

— Из него стреляли? — спросила миссис Фальбрук простодушно.

— А разве была причина стрелять? — спросил я. Мой голос звучал уже совершенно нормально, хотя в мозгу еще что-то вращалось.

— Но он же лежал на лестнице, — сказала она. — И, в конце концов, он предназначен для стрельбы.

— Совершенно справедливо сказано! Но я думаю, что у мистера Лэвери просто дырка в кармане, вот револьвер и выпал. Его, как видно, нет дома?

— Нет. — Она покачала головой с разочарованным видом. — И я нахожу, что это нехорошо с его стороны, правда, нехорошо! Он же обещал дать мне чек, а я ведь пришла пешком...

— А когда он вам звонил?

— Что? Вчера вечером. — Она наморщила лоб. Видимо, мои вопросы ей не понравились.

— Может быть, его куда-нибудь вызвали? — предположил я.

Она смотрела в точку между моими красивыми бровями.

— Послушайте, миссис Фальбрук, теперь шутки в сторону, миссис Фальбрук! Не то чтобы я был лишен чувства юмора. И кроме того, я не люблю говорить такие вещи. Но... вы его случайно не застрелили, а? За просроченную квартплату?

Она очень медленно опустила на краешек стула и кончиком языка облизнула губы.

— Боже мой, какой ужасный вопрос! — сказала она сердито. — Я нахожу, что вы нехороший человек. Разве вы не сказали, что все патроны расстреляны?

— Все патроны бывают время от времени расстреляны. А иногда револьверы снова заряжают. Но этот в настоящий момент не заряжен!

— Ну тогда... — она сделала нетерпеливый жест и снова понюхала свою испачканную перчатку.

— Ну ладно, мое предположение ошибочно. Это просто неудачная шутка. Мистера Лэвери нет дома, и вы решили осмотреть дом. Вы же хозяйка, у вас должен быть свой ключ. Правильно?

— Я не собиралась сюда вторгаться, — сказала она и прикусила палец. — Наверное, я не должна была это делать. Но я имею право проверить, в каком состоянии находятся мои вещи.

— Ладно, вот вы и проверили. Вы вполне уверены, что его нет дома?

— Я не заглядывала под кровать и не шарила в холодильнике, — сказала она холодно. — На мой звонок никто не вышел, поэтому я покричала ему с лестницы. Потом спустилась в нижний этаж и покричала еще раз. Я даже в спальню заглядывала. — Она стыдливо опустила глаза и при этом чертила пальцем по колену.

— Гм... значит, так было дело, — сказал я.

Она кивнула.

— Именно так. А как ваше имя? Как вы себя назвали?

— Вэнс, — сказал я. — Фило Вэнс.

— А в какой фирме вы работаете, мистер Вэнс?

— В настоящее время я как раз без работы, временно помогаю полиции.

Она посмотрела на меня испуганно.

— Позвольте, вы же сказали, что пришли насчет взносов за машину?

— Это так, побочное занятие, — сказал я. — Небольшой дополнительный заработок.

Она встала и твердо посмотрела на меня. Голос ее был холоден:

— В таком случае, я считаю, вам следует удалиться.

Я ответил:

— Я, пожалуй, сначала немного осмотрюсь здесь, если вы не возражаете. Может быть, я увижу кое-что, что от вас ускользнуло.

— Считаю это излишним, — сказала она. — Это мой дом. Была бы вам признательна, мистер Вэнс, если бы вы его покинули.

— Ну, а если я уйду, может быть, вы найдете кого-нибудь поглупее? Пожалуйста, присаживайтесь, миссис Фальбрук! Я лишь брошу беглый взгляд... Этот револьвер, вы знаете, наводит на странные мысли.

— Но я же вам сказала, что нашла его на лестнице! — воскликнула она сердито. — Больше я о нем ничего не знаю. Я вообще не разбираюсь в револьверах. Я еще ни разу в жизни не стреляла! — Она открыла свою большую синюю сумку, вытащила носовой платок и поднесла его к глазам.

— Это вы так рассказываете. Можно вам верить, а можно и нет!

Патетическим жестом левой руки она указала на меня.

— О, мне не надо было сюда приходить! Мистер Лэвери будет вне себя!

— Вам другого не надо было делать, — возразил я. — Вам не надо было мне показывать, что револьвер разряжен. До этого момента вы вели свою роль безупречно.

Она топнула ногой. Это было единственное, чего еще не хватало для полноты сцены.

— Вы противный, отвратительный человек! — завизжала она. — Не смейте ко мне прикасаться! Попробуйте-ка хоть на шаг приблизиться. Я больше ни минуты не останусь с вами в доме! Как вы смеее так меня оскорблять!

Ее голос прервался, как лопается резиновая лента. Она низко опустила голову, закрыла лицо руками и бросилась к двери. Пробегая мимо меня, она отвела руку, словно хотела меня ударить. Но была на достаточном от меня расстоянии, так что я не шевельнулся. Она широко распахнула дверь и выскочила на улицу. Дверь медленно закрылась, были слышны ее быстро удаляющиеся шаги.

Я потрогал ногтем зубы и провел ладонью по подбородку. Чудесно однако остаться в живых! Я прислушался. Не было слышно ничего такого, к чему бы следовало прислушаться. Шестизарядный револьвер — и разряжен до последнего патрона.

— Что-то, — сказал я вслух, — что-то в этой сцене не так.

Сейчас дом казался прямо-таки неестественно тихим. Я прошел по ковру абрикосового цвета и начал спускаться по лестнице. Остановился. Ни звука.

Тогда я пожал плечами и спокойно ступил на нижний этаж.

Глава 16

Коридор нижнего этажа имел по двери в каждом конце. Посредине — дверца бельевого шкафа. Я прошел до конца коридора и заглянул в комнату. Это была спальня для гостей. Шторы плотно закрыты. Комнатой явно давно не пользовались.

На противоположном конце коридора также находилась спальня. Широкая кровать, кофейного цвета ковер на полу, туалетный столик с большим зеркалом.

В углу стоял стол со стеклянной крышкой, на нем — фаянсовая овчарка и хрустальный кубок с сигаретами.

На туалетном столике была рассыпана пудра. Рядом валялось скомканное полотенце со следами темной губной помады. Обе подушки на кровати сохраняли след лежавших на них голов. Из-под одной подушки выглядывая дамский носовой платок, в ногах лежала пижама из гладкого черного шелка. В воздухе висел сильный запах шипра.

Я улыбнулся: что должна была подумать миссис Фальбрук?

Обернувшись, я увидел собственное отражение в зеркальной дверце стенного шкафа. Ручка шкафа была хрустальная. Я повернул ее, предварительно обмотав руку носовым платком, и заглянул в шкаф. Он был полон мужской одежды. Пахло солидно и симпатично. Но в шкафу висела не только мужская одежда. Там был и дамский бело-черный костюм, больше белого, чем черного.

Над ним лежала панама с черно-белой лентой, внизу стояла пара соответствующих туфель. Было еще несколько дамских вещей, но они меня не интересовали.

Я закрыл шкаф и отправился на дальнейшие поиски, не снимая носового платка с руки. Дверь рядом со стенным шкафом была закрыта и несомненно вела в ванную комнату. Я подергал за ручку, она не поддавалась.

Я подумал, что ключ окажется в верхнем ящике бельевого шкафчика, но ошибся. Попробовал лезвием перочинного ножа, но оно было слишком тонким. На туалетном столике нашлась пилка для ногтей. Она подошла. Дверь ванной открылась.

На белом крючке висела мужская пижама песочного цвета. Рядом на полу стояла пара светло-зеленых домашних туфель. На раковине лежала безопасная бритва, рядом — тубик для бритвы с отвинченной крышкой.

Окна ванной комнаты были закрыты, и в воздухе висел тот едкий запах, который не спутаешь ни с каким другим запахом в мире...

На зеленых плитках пола поблескивали патронные гильзы, а в матовом стекле окна была маленькая аккуратная дырочка. В раме окна тоже были два следа от пуль. Душевая кабина была затянута занавесом из зеленой водонепроницаемой ткани на хромированных кольцах. Я открыл занавес, при этом кольца издали тонкий царапающий звук, почему-то показавшийся мне неприлично громким.

Я наклонился вперед и тут меня кольнуло. Конечно! Где же ему еще быть?

Он скорчился в углу, под блестящими кранами, и вода лилась из душа ему на грудь.

Он сидел, подтянув колени. Оба отверстия в груди были темно-синими, оба достаточно близко к сердцу, чтобы оказаться смертельными. Крови не было, ее смыла вода из душа.

Глаза были открыты, а в них — странное ожидающее выражение, как у человека, который, моясь под душем, почувствовал запах утреннего кофе и собрался встать и выйти.

Чистая, ловкая работа. Человек бреется и раздевается, собираясь принять душ. Он отодвигает занавес и пробует температуру воды. За его спиной открывается дверь и кто-то входит. Этот кто-то — женщина. В руке у нее револьвер. Человек смотрит на револьвер. Она стреляет.

Три выстрела — три промаха. Почти невероятно, при такой-то малой дистанции. И все же это так. Видимо, так часто бывает. У меня в этом вопросе слишком мало опыта.

Человек не знает, куда спрятаться. Может быть надо попробовать счастья и кинуться на нее. Но он ведь только что держался одной рукой за кран, другой отодвигал занавес. Это — неподходящая позиция для прыжка. А может его парализовал ужас, ведь он такой же, как и все остальные люди. Ускользнуть некуда, только в душевую нишу.

Туда он и отступает, в самый дальний угол. Но она маленькая, эта ниша.

Он прижимается к плиткам стены. И тогда раздаются еще два выстрела, может быть и три, человек сползает вниз по стене, и в глазах его даже нет страха.

Это пустые глаза, глаза убитого.

Женщина захлопывает дверь ванной комнаты. Убегая, она бросает револьвер на ступеньки лестницы. Она не беспокоится. Может быть этот револьвер даже принадлежал убитому.

Верная картина? Было бы лучше, если бы так и было...

Я наклонился и потрогал руку покойного. Лед не мог бы быть холоднее и тверже. Я вышел из ванной комнаты, не закрывая за собой дверь. Зачем закрывать... Лишь прибавлять работы полиции.

В спальне я вытянул из-под подушки дамский носовой платок.

Крошечный кусочек тонкого полотна, обшитый кружевом, в уголке — красная монограмма «А.Ф.»

— Адриенн Фромсет, — сказал я громко. И улыбнулся. Но это была не очень довольная улыбка.

Я помахал платком, чтобы немного выветрить из него запах шипра, завернул его в папиросную бумагу и положил в карман. Поднявшись в гостиную, порылся в ящиках письменного стола. Ни интересных писем, ни номеров телефонов, ничего. Может быть что-нибудь и было, но я не нашел. Я подошел к телефону, стоявшему на маленьком столике у камина. Телефон был на длинном шнуре, так что мистер Лэвери, разговаривая по телефону, мог удобно полеживать на своем диване. В губах — сигарета, в руке — стакан виски с содовой и сколько угодно времени для разговора с красивой подружкой. Легкий, поверхностный, влюбленный, дразнящий разговор, не слишком глубокий и ни к чему не обязывающий, — как раз то, что он, по-видимому, любил.

Ну так, с этим покончено. Я вышел из дома, осторожно притворив дверь, чтобы она не захлопнулась и я мог снова войти. Дорожка вела на улицу, напротив стоял дом доктора Элмора.

Никто не кричал, никто не выбегал из дверей. Никаких причин для волнений. Просто мистер Марлоу, частный детектив, нашел еще один труп. В этих делах он теперь мастер. Трупы фирмы Марлоу, по штуке в день, — звучит прекрасно. Сзади по пятам едет санитарная машина и подбирает его находки.

Славный парень, и такой находчивый, такой находчивый!

Я дошел до перекрестка, сел в машину, завел мотор и покинул поле деятельности...

Глава 17

Портье спортклуба вернулся через три минуты и кивнул, приглашая меня войти. Мы поднялись на четвертый этаж, и он показал мне на полуоткрытую дверь.

— У противоположной стены слева. Только, пожалуйста, тише! Некоторые господа спят.

Я вошел в библиотеку спортклуба. В стеклянных шкафах много книг, на длинном столе — газеты и журналы, на стене — большой портрет основателя. Но истинное назначение библиотеки было иным. Стеллажи с книгами делили комнату на множество маленьких ниш, и в этих нишах стояли кресла невероятной ширины и мягкости. В большинстве из них покоились старые спортсмены, с красно-синими лицами от повышенного кровяного давления. При этом они дружно храпели.

Осторожно переступая через протянутые ноги и оглядываясь по сторонам, я, наконец, обнаружил в дальнем углу комнаты Дерриса Кингсли. Он сдвинул вместе два кресла, повернув их лицом в угол. Из-за спинки одного виднелась его темная макушка. Я уселся во второе кресло.

— Только говорите потише, — сказал он. — Это помещение служит для послеобеденного отдыха! Ну, что нового? Когда я вас нанимал, то имел в виду избавлять себя от забот, а не приумножать их. Из-за вас мне пришлось отменить важное свидание.

— Знаю. — Я подвинулся к нему поближе. От него пахло каким-то легким напитком. — Она его застрелила.

Его брови подскочили до середины лба, лицо окаменело, Он тяжело дышал.

Рука судорожно сжимала колено.

— Дальше! — тихо сказал он.

Я оглянулся через плечо. Ближайший пожилой господин крепко спал, седые волосы у него в носу шевелились от дыхания.

— Я звоню в дверь, никто не отвечает. Дверь не заперта, вхожу. В комнате темно. Две рюмки, из которых пили. В доме странная тишина. Внезапно появляется худая брюнетка, называет себя миссис Фальбрук, говорит, она владелица дома. В руке у нее револьвер, обмотанный перчаткой. Говорит, нашла его на лестнице. Пришла получить с Лэвери трехмесячную задолженность за аренду дома. Открыла дверь своим ключом. Я думаю, она воспользовалась случаем, чтобы осмотреть, в каком

состоянии дом. Отнимаю у нее револьвер и вижу, что из него недавно стреляли. Тут она говорит, что Лэвери нет дома. Пришлось мне поскандальить с ней и таким способом от нее отделаться. Конечно, был риск, что она вызовет полицию, но я решил, что это маловероятно. Скорее всего, она уже забыла всю эту историю, не считая просроченной оплаты за дом.

Я помолчал. Голова Кингсли была повернута ко мне. Скулы резко выдавались из-за судорожно сжатых зубов. В глазах было болезненное выражение.

— Иду в нижний этаж. Множество признаков, что там ночевала женщина. Пижама, пудра, духи и так далее. Ванная комната заперта, но я открыл дверь. Три патронные гильзы на полу, две пробоины в раме, — одна в стекле. Лэвери в душевой кабине, голый и мертвый.

— Боже мой, — прошептал Кингсли. — Вы хотите сказать, что женщина провела с ним ночь, а утром хладнокровно застрелила его в ванной?

— А что еще можно предположить?

— Говорите тише! — простонал он. — Вы же понимаете, какой это шок для меня! Но почему в ванной комнате?

— Вы сами говорите потише. А почему не в ванной? Вы можете вообразить другое место, где человек столь незащищен?

— Но вы не знаете наверняка, она ли его застрелила? То есть, вы не уверены в этом, не так ли?

— Нет, — сказал я. — Это именно так. Разве что кто-нибудь воспользовался маленьким револьвером и расстрелял все патроны, чтобы придать этому вид женской работы. Ванная комната находится в нижнем этаже, окно выходит на склон горы. Может быть, женщина, которая ночевала у Лэвери, рано ушла. А может быть, никакой женщины и не было. И все улики могут быть подтасованы. Может быть, вы сами его застрелили!

— Зачем мне было его убивать? — он почти кричал. — Я же цивилизованный человек!

Этот аргумент не стоило опровергать, поэтому я сказал:

— У вашей жены есть револьвер?

Он повернул ко мне свое искаженное, несчастное лицо и сказал глухо:

— Боже ты мой! Послушайте, Марлоу... вы же не можете всерьез этого думать!

— Есть у нее револьвер или нет?

Слова выдавливались у него маленькими жалкими кусками:

— Да. Есть. Маленький дамский револьвер.

— Вы его купили здесь, в городе?

— Я... я его не покупал. Однажды на вечеринке во Фриско я отнял его у одного пьяного, пару лет назад. Он размахивал револьвером и думал, что это очень остроумно. Я так и не вернул его. — Он с такой силой сжимал колени, что побелели костяшки пальцев. — Тот парень, вероятно, и не вспомнил, куда его дел, был пьян до бесчувствия.

— Уж слишком много совпадений, — сказал я. — Вы бы могли узнать этот револьвер?

Он задумался, выдвинув вперед подбородок и полузакрыв глаза. Я снова оглянулся. Один из пожилых господ проснулся от собственного храпа. Он откашлялся, почесал нос тонкой высохшей рукой и вытащил из жилетного кармана золотые часы. Мрачно посмотрев на циферблат, он спрятал часы и тотчас же снова заснул.

Я достал револьвер и положил его в руку Кингсли. Он испуганно посмотрел на оружие.

— Я не знаю, — сказал он. — Может быть. Он похож на тот. Но я не уверен.

— Там сбоку номер.

— Ни один человек не помнит номер своего револьвера!

— Будем надеяться, что она тоже не помнит. Иначе это меня искренне огорчило бы.

Он положил револьвер на кресло рядом с собой.

— Грязный пес! — сказал он тихо. — Должно быть, он глубоко ее обидел!

— Не совсем улавливаю вашу мысль, — сказал я. — Этот мотив убийства только что казался вам немыслимым, потому что вы — цивилизованный человек. А для вашей жены, значит, он годится?

— Это не одно и то же, — возразил он с раздражением. — Женщины гораздо импульсивнее мужчин!

— Да. А кошки импульсивнее собак.

— Что?

— Некоторые женщины импульсивнее, чем некоторые мужчины. И только. Нам нужен мотив получше, если вы собираетесь доказать, что ваша жена совершила убийство в состоянии аффекта.

Он повернул ко мне голову. Его холодный взгляд должен был означать, что мои острооты неуместны. Возле уголков рта образовались белые пятна.

— Должен признаться, мне не до шуток, — сказал он. — Нельзя, чтобы полиция нашла этот револьвер. Кристель его зарегистрировала в полиции. Так что я номера не знаю, но полиция-то знает! Нельзя, чтобы

револьвер попал к ним в руки!

— Но миссис Фальбрук известно, что револьвер находится у меня.

Он упрямо покачал головой.

— Придется рискнуть. Да, я, конечно, понимаю, что вы рискуете многим. Я собираюсь вам за этот риск заплатить. Если бы обстоятельства допускали возможность его самоубийства, то я бы сам попросил вас отнести револьвер обратно. Но при данных обстоятельствах это невозможно.

— Да уж, какое там самоубийство! Вы можете представить самоубийцу, способного трижды в самого себя промазать? Но все же покрывать преступника я не стану, даже если вы пообещаете мне премию. Револьвер вернется на свое место.

— Я думал... о значительной сумме, — сказал он спокойно. — Допустим, о пятистах долларов.

— И что вы хотите за свои пятьсот долларов купить?

Он наклонился ко мне. Глаза его были серьезными и мрачными, но уже не такими жесткими.

— В доме Лэвери есть что-нибудь, кроме револьвера, что свидетельствует против нее?

— Костюм с черно-белым узором и шляпа, точно такие, какие описывал посыльный из гостиницы в Сан-Бернардино. А может быть, еще дюжина разных вещей, которых я не знаю. И почти наверняка отпечатки пальцев. Вы говорили, что у нее не снимали отпечатки пальцев, но это обязательно произойдет в ходе следствия. А у вас дома, скажем, в спальне, найдется немало ее же отпечатков пальцев — для сравнения. И в вашем доме на озере Маленького фавна. И в машине.

— Ну, машину можно было бы забрать из гостиницы... — начал он, но я перебил.

— В этом нет никакого смысла. Есть масса других мест. Какими духами она пользуется?

На мгновение он выглядел озадаченным.

— О, «Гиллерлейн-Регаль».

— Какой примерно у них запах?

— Это своего рода шипр, сандаловый шипр.

— Так там вся спальня насквозь им пропахла. Правда, мне этот запах показался почему-то дешевым. Но я, возможно, в этом ничего не понимаю.

— Дешевым? — переспросил он, оскорбленный в своих лучших чувствах. — Боже мой, дешевым! Да мы получаем тридцать долларов за унцию!

— Ну, та штука, которую я нюхал, стоит, наверно, три доллара за два литра!

Он снова обхватил колено руками.

— Кстати, поскольку мы говорим о деньгах. Пятьсот долларов чеком. Тут же, на месте.

Я дал этой фразе упасть на пол, как грязному перышку. Один из стариков позади с трудом поднялся на ноги и заковылял из библиотеки.

— Я вас нанял, — сказал Кингсли серьезным тоном, — чтобы вы уберегли меня от скандала, и, конечно, чтобы вы оказали помощь моей жене, если она в этом нуждается. Возможность избежать скандала лопнула, но вы в этом не виноваты. Теперь на карту поставлена судьба моей жены. Я не верю, что она застрелила Лэвери. У меня нет никаких доводов, никаких! Я просто это чувствую! Может быть, она и провела у него последнюю ночь, и даже оружие может принадлежать ей. Но это еще не доказывает, что она его убила. Безусловно, она обращалась со своим револьвером так же небрежно, как и с остальными вещами. Револьвер мог попасть в руки бог знает кому.

— Полиция Бэй-Сити не будет особенно напрягаться, чтобы прийти к такому убеждению. Судя по одному полицейскому, с которым мне там пришлось познакомиться, они схватят первого, кого сумеют, и сразу начнут размахивать своими резиновыми дубинками. И, насколько я понимаю, прежде всего они постараются схватить вашу жену.

Он сжал пальцы в замок. В его горе было что-то театральное, впрочем, так часто бывает при настоящем несчастье.

— До известного пункта я с вами согласен, — сказал я. — На первый взгляд вся сцена выглядит уж слишком убедительно. Она оставляет там одежду, в которой ее видели в отеле и которую легко опознать. Она бросает револьвер на лестнице. Прямо-таки трудно поверить, чтобы женщина могла быть так глупа.

— Слабое утешение, — угрюмо сказал Кингсли.

— Но все это ничего не означает. Потому что мы исходим из того, что человек, совершающий преступление под влиянием страсти или ненависти, просто делает это и удаляется. Все, что я до сих пор слышал о вашей жене, говорит о том, что она — особа безрассудная и легкомысленная. Обстоятельства убийства указывают на отсутствие заранее продуманного плана. Напротив, налицо все признаки абсолютной спонтанности. Но если бы даже не было ни одного следа, указывающего на вашу жену, то полиция все равно узнала бы о ее связи с Лэвери. В таких случаях прежде всего выясняют материальные условия убитого, обстоятельства его жизни, круг

его друзей и подруг. При этом должно всплыть ее имя, а если оно всплывет, то они неминуемо свяжут это с ее исчезновением месяц назад. Я прямо-таки вижу, как они потирают руки от радости! И они непременно займутся поисками владельца револьвера, и если это ее револьвер, то...

Он схватил оружие, лежавшее рядом на кресле.

— Бросьте, — сказал я. — Это оружие они получают. Ваш друг Марлоу, конечно, человек деловой, и, кроме того, вы лично ему весьма симпатичны, но скрыть от полиции револьвер, из которого убит человек, — на такой риск никто не пойдет. Единственное, на что я согласен, это попытаться доказать, что хотя ваша жена и выглядит виновной, на самом деле, она не повинна в убийстве.

Он вздохнул и протянул мне револьвер. Я спрятал его в карман. Потом снова вытащил его и попросил:

— Одолжите мне ваш носовой платок. Я не хочу делать это своим. Ведь меня могут обыскать.

Он дал мне свежий белый платок, и я тщательно вытер им револьвер.

Платок я ему вернул.

— С моими отпечатками пальцев все в порядке, но ваших здесь не должно быть. Послушайте, что я могу и хочу сделать. Я поеду назад и положу револьвер на старое место. Потом я вызову полицию. Пусть они делают, что хотят. Несомненно, при этом выплывет, зачем я туда ездил. В худшем случае, ее найдут и предъявят ей обвинение в убийстве. В лучшем случае, ее найдут гораздо быстрее, чем это сделал бы я. И я смогу попытаться добыть доказательства, что она его не убивала. Другими словами, я попытаюсь доказать, что это сделал кто-то другой. Согласны вы на такое предложение?

Он медленно кивнул. Потом сказал:

— Пятьсот долларов остаются. Если вы докажете, что Кристель его не убивала.

— У меня мало надежды их заработать, — это я вам должен сказать откровенно. Теперь скажите, насколько близко мисс Фромсет знала Лэвери? За пределами вашей конторы.

Его лицо замкнулось, как раковина устрицы. Он сжал кулаки и молчал.

— У нее было довольно странное выражение лица, когда я вчера попросил адрес Лэвери. — Он тяжело дышал. — Как будто ей в рот попало что-то невкусное. Как роман с грустным концом. Я ясно выражаюсь?

Его ноздри вздрагивали, он тяжело дышал. Наконец, он овладел собой и сказал:

— Она знала его довольно хорошо. Когда-то раньше. В этих вопросах

она идет своими путями. Я думаю, что женщины находили Лэвери неотразимым.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Зачем? — спросил он коротко. На его щеках горели красные пятна.

— Вы не беспокойтесь, такая уж у меня профессия — задавать разным людям всевозможные вопросы.

— Хорошо. Поговорите с нею. Дело в том, что она знала Элморов. Она знала жену доктора, которая покончила с собой. И знала Лэвери. Может здесь быть какая-нибудь связь с тем, что нас волнует?

— Этого я не знаю. Вы ее любите, не так ли?

— Я завтра же женился бы на ней, если бы мог.

Я кивнул и встал. Библиотека была уже почти пуста. Лишь в дальнем углу раздавалось нежное похрапывание нескольких престарелых господ. Остальные вернулись к своим занятиям, на какие они были способны, когда бодрствовали.

— Да, еще одно, — сказал я и посмотрел на Кингсли сверху вниз. — Полиция чертовски не любит, когда ее зовут на место убийства не сразу. А на этот раз ее позовут не сразу, потому что когда я туда поеду, то постараюсь сделать вид, будто сегодня приехал туда впервые. Я думаю, что это мне удастся, если я не упомяну о миссис Фальбрук.

— Фальбрук? — Он смотрел с непонимающим видом. — Кто это, черт возьми? Ах, да, конечно, вы говорили, это хозяйка дома.

— Забудьте об этом. Я почти уверен, что она сама ничего не скажет. Она не из тех людей, которые по доброй воле имеют дело с полицией.

— Понимаю, — сказал он.

— Только смотрите, будьте внимательны! Вам будут задавать вопросы раньше, чем скажут вам о смерти Лэвери, раньше, чем мне разрешат с вами связаться, по крайней мере, по их мнению. Не попадитесь в ловушку! Если вы попадете впросак, мне уже вряд ли удастся найти выход. Тогда я сам окажусь в трудном положении.

— Но вы ведь могли позвонить мне из дома Лэвери до того, как вызвали полицию, — заметил он задумчиво.

— Я знаю. Но это будет выглядеть не в мою пользу. А первое, что они сделают, — это, конечно, проверят телефонные разговоры за последние часы. Даже если я им скажу, что звонил вам из какого-нибудь другого места, то тогда уж лучше сразу признаться, что ездил к вам сюда в клуб.

— Понимаю, — сказал он. — Можете на меня положиться, я буду начеку!

Мы пожали друг другу руки, и я ушел.

Глава 18

Спортклуб находился за полквартилы от дома, где помещалась компания «Гиллерлейн». Я пересек улицу и вошел в подъезд.

Приемная компании выглядела еще более пустой, чем вчера. Миленькая блондиночка за коммутатором вновь одарила меня быстрой улыбкой. Я ответил ей излюбленным приветствием преступников: направил на нее вытянутый указательный палец и согнул остальные вокруг рукоятки воображаемого пистолета, на манер ковбоя с Дикого Запада. Она рассмеялась от всей души, но сделала это беззвучно. Похоже, это было самым большим для нее развлечением за всю скучную трудовую неделю.

Я показал на пустой стол мисс Фромсет. Малышка кивнула, что-то включила на своем коммутаторе и произнесла несколько слов. Тотчас же отворилась дверь, элегантно всплыла мисс Фромсет, подошла к своему столу и вопросительно посмотрела на меня холодными внимательными глазами.

— Да, мистер Марлоу? К сожалению, мистера Кингсли сейчас нет.

— Я как раз сейчас от мистера Кингсли. Где мы могли бы поговорить?

— Поговорить?

— Мне нужно кое-что вам показать.

— Ах, вот как? — Она глядела на меня задумчиво. Вероятно, находилось немало кавалеров, которые выражали желание кое-что ей показать, в том числе пестрые купюры... При других обстоятельствах я бы счел себя польщенным.

— Это связано с поручением мистера Кингсли, — сказал я.

— Тогда воспользуемся кабинетом мистера Кингсли, — она встала и придержала дверь. Когда я проходил мимо нее, то ощутил запах... сандалового дерева.

— «Гиллерлейн-Регаль?» «Королева духов?»

Она улыбнулась, все еще стоя в дверях.

— При моем-то жалованье?

— Про ваше жалованье я не говорю. Но вы не похожи на женщину, которой приходится самой покупать себе духи.

— В данном случае вы правы. И если хотите знать, я ненавижу пользоваться духами на службе. Однако мистер Кингсли на этом настаивает.

Мы прошли через длинную прохладную комнату. Она села в кресло у

конца письменного стола, я — на свое вчерашнее место. Мы смотрели друг на друга.

Сегодня она была в коричневом платье с плиссированным жабо. Вид у нее был не такой холодный, но до огня прерий было еще далеко.

Я предложил ей сигареты мистера Кингсли. Она взяла одну, прикурила от настольной зажигалки и откинулась в кресле:

— Отбросим долгие предисловия, — сказал я. — Вы знаете, кто я и чем занимаюсь. Если вы вчера этого еще не знали, то исключительно из-за пристрастия Кингсли к театральным эффектам.

Она посмотрела на свои руки, мирно лежавшие на коленях, и улыбнулась почти робко.

— Он прекрасный человек, — сказала она, — несмотря на слабость к помпезному оформлению. В сущности, он сам — единственный зритель, на кого это производит впечатление. И если бы вы только знали, что ему приходится терпеть из-за этой уличной девки, — она стряхнула пепел с сигареты. — Ну, может быть, лучше мне этого не касаться. Так о чем вы хотели говорить со мной, мистер Марлоу?

— Кингсли сказал, что вы знаете Элморов.

— Я была знакома с миссис Элмор. Вернее, несколько раз встречала ее в обществе.

— Где?

— В доме одного знакомого. А что?

— В доме Лэвери?

— Я надеюсь, вы не собираетесь быть дерзким, мистер Марлоу? Я бы очень вас просила!

— Не знаю, что вы называете дерзостью. Я говорю с вами по делу, а деловые разговоры не имеют ничего общего с международной дипломатией.

— Ну, хорошо. В доме Криста Лэвери. Да. Я часто там бывала в те времена. Он устраивал милые вечеринки.

— Следовательно, Лэвери знал Элморов или, по крайней мере, миссис Элмор?

Она еле заметно покраснела.

— Да. Даже очень хорошо.

— И целую кучу других женщин — тоже очень хорошо? Не сомневаюсь, миссис Кингсли была знакома с миссис Элмор?

— Да, и гораздо ближе, чем я. Они называли друг друга уменьшительными именами. Миссис Элмор умерла, вы, вероятно, слышали? Она покончила с собой. Года полтора тому назад.

— Это действительно было недвусмысленное самоубийство?

Она подняла брови, но выражение ее лица показалось мне деланным. Как будто она считала уместным именно так реагировать на мой вопрос.

— У вас есть особые причины задавать этот вопрос, и притом в такой форме? Я хочу сказать, разве это имеет отношение к нашему делу?

— Раньше я думал, что нет. И сейчас не уверен. Но вчера мистер Элмор вызвал полицейского из-за одного того, что я разглядывал его дом. Предварительно он по номеру машины выяснил, кто я такой. Полицейский вел себя со мной очень грубо, и тоже по единственной причине — что я был там. Он не знал, что я там делаю, а я не сказал ему, что был у Лэвери. Но доктор Элмор знал, в чем дело, так как видел меня выходящим из дома Лэвери. Вот вопрос: почему же он вызвал полицию? И зачем полицейский постарался меня припугнуть? Стал рассказывать про какого-то человека, который пытался шантажировать доктора и в результате оказался за решеткой? Он допытывался, не прислали ли меня ее люди? Кого он имел в виду: родных миссис Элмор? Не наняли ли они меня? Если вы можете ответить мне на эти вопросы, я скажу вам, имеет ли это что-нибудь общее с нашим делом.

Она задумалась, бросила на меня быстрый испытующий взгляд и тут же отвела глаза.

— Я видела миссис Элмор всего дважды, — сказала она медленно. — Но думаю, что смогу ответить на ваши вопросы. В последний раз я встретила ее в доме Лэвери, как уже говорила, и там было довольно много народу. Много пили, много разговаривали. Женщины были там без мужей, а мужчины — не со своими женами. Был там некий Браунвелл, и был он очень пьян. Сейчас, я слышала, он служит во флоте. Он пикировался с миссис Элмор по поводу практики ее мужа. Я поняла их спор так: по-видимому, доктор Элмор — один из тех врачей, которые по ночам разъезжают с наполненным морфием шприцем и таким образом помогают определенным людям, которые без такой помощи неминуемо проснулись бы утром в полицейском участке. Флоренс Элмор на это заявила, что ей безразлично, каким способом ее муж зарабатывает деньги, главное, лишь бы он приносил их побольше. Она тоже была пьяна, причем, по-моему, она и в трезвом виде была не слишком симпатичной. Одна из этих худющих крашенных баб, которые слишком громко смеются и слишком высоко задирают ноги. Блондинка, слишком светлая блондинка с яркими красками и неприлично большими детскими глазами. Ну, Браунвелл сказал, пусть она не беспокоится: такой бизнес всегда прибылен. Пятнадцать минут на пациента, включая дорогу туда и обратно, и за каждый такой визит от

десяти до пятидесяти долларов! Ему, мол, лишь одно неясно, как это врачу удастся добывать такое количество наркотиков. Как видно, дело здесь не обходится без контакта с гангстерским миром. Он спросил миссис Элмор, часто ли ей приходится приглашать к столу милых гангстеров. Тогда она швырнула ему рюмку в физиономию!

Я засмеялся. Но мисс Фромсет не смеялась. Она погасила сигарету в большой хрустальной пепельнице с медными краями и сухо посмотрела на меня.

— Что ж, это понятно, — заметил я. — Будь у нее кулак покрепче, она бы ему двинула как следует.

— Да. Через несколько недель Флоренс Элмор нашли мертвой в ее гараже. Дверь была закрыта, а мотор машины работал. — Она замолчала и облизнула губы. — Нашел ее Крис Лэвери. Это было уже под утро, когда он возвращался домой. Она лежала в пижаме на полу гаража, голова была накрыта одеялом, которое было наброшено на выхлопную трубу автомобиля. Доктора Элмора дома не было. В газетах об этом деле ничего не писали, кроме того, что она скоростижно скончалась. Дело было замято.

Она подняла сплетенные руки и снова уронила их на колени.

Я спросил:

— По-вашему, здесь было что-то не так?

— Люди болтали что-то в этом смысле. Но люди всегда болтают. Немного погодя мне пришлось услышать о возникших подозрениях. Я встретила этого Браунвелла на улице, и он пригласил меня выпить по коктейлю. Он мне не нравился, но у меня как раз были свободные полчаса. Мы зашли в бар. Он спросил, помню ли я женщину, которая бросила ему рюмку в лицо. Я помнила. И тогда произошел приблизительно следующий разговор. Браунвелл сказал: «Ну, наш друг Крис Лэвери теперь может не беспокоиться, если у него кончатся любовницы, согласные его содержать!» Я ответила: «Боюсь, что не вполне понимаю, что вы хотите этим сказать». Браунвелл ответил: «Черт побери, вы просто не хотите понимать! В ту ночь, когда умерла миссис Элмор, она была в заведении Луи Конди и все до последнего цента проиграла в рулетку. Она устроила истерику, кричала, что ее обжулили, словом, устроила грандиозный скандал. Конди пришлось буквально силой утащить ее в свой кабинет. Он дозвонился доктору Элмору, тот приехал и сделал ей укол из своего маленького шприца. А потом уехал и предоставил Конди отправить ее домой. Сказал, что у него серьезный больной и он занят. Ну, Конди отвез ее и сдал на руки медсестре доктора, которую Элмор вызвал по телефону. Конди отнес ее наверх, а

медсестра уложила в постель. Конди вернулся к своей рулетке. Заметьте, что ее отнесли наверх и уложили в постель, и все-таки в ту же ночь Флоренс встала, спустилась в гараж и покончила с собой при помощи окиси углерода.»

«Что вы об этом думаете?» — спросил меня Браунвелл. Я ответила ему: «Мне ничего об этом не приходилось слышать. А вы откуда все это знаете?» И он рассказал: «Я знаю одного репортера из этого поганого листка, который они называют газетой. Не было никакого следствия и никакого вскрытия. По крайней мере, о результатах анализов, если они и делались, ничего не сообщалось. Там у них в Бэй-Сити нет следственного судьи. Его функции выполняет по совместительству какой-то полицейский офицер. Разумеется, они там все заискивают перед правящей партией. В таком маленьком городке стоит одному из партийных боссов сказать слово, — и все в порядке. А Конди — человек влиятельный, и он хотел избежать публичного скандала, а доктор — тем более!»

Мисс Фромсет замолчала, видимо, ожидая моих вопросов. Я тоже молчал, и она продолжила:

— Я думаю, вы понимаете, какую роль при этом сыграл сам Браунвелл?

— Конечно. Браунвелл горел желанием отомстить. Он сам затянул ее играть в рулетку и сам напоил. Он был заодно с Конди. Такие вещи случаются и в более «чистых» городах, чем Бэй-Сити. Но это — еще не вся история, не правда ли?

— Нет. Родители миссис Элмор, должно быть, пригласили частного детектива. Он должен был дежурить по ночам, и на месте действия он оказался вторым, после Криса Лэвери. Браунвелл говорил, будто этот человек обнаружил какую-то улику, опровергающую версию о самоубийстве. Но предъявить эту улику ему так и не удалось. Его арестовали за управление автомобилем в состоянии опьянения и приговорили к тюремному заключению.

— И это все? — спросил я.

Она кивнула.

— Может быть, вам покажется странным, что я так хорошо все запомнила, но такая уж у меня должность, чтобы все помнить.

— Нет, я только думаю, что вся эта история не имеет отношения к нашему делу. Хотя Лэвери и нашел ее первым, он мог быть с этим никак не связан. Ваш разговорчивый друг Браунвелл, по-видимому, думает, что эта страшная смерть дала Лэвери возможность шантажировать доктора. Но для того чтобы шантажировать человека, чья невиновность установлена

судебным решением, надо иметь на руках веские улики. Мисс Фромсет кивнула:

— Я тоже так думаю. И я бы хотела сохранить иллюзию, что при всех своих пороках Крис Лэвери все же не занимался шантажом. Вот все, что я могу вам рассказать, мистер Марлоу. А сейчас мне надо снова браться за работу.

Она встала, собираясь идти в приемную. Я сказал:

— Нет, это еще не все. Я хочу кое-что вам показать.

Я достал маленький надушенный носовой платок, лежавший под подушкой у Криса Лэвери, наклонился и положил его перед нею на письменный стол.

Глава 19

Она посмотрела на носовой платок, взглянула на меня, подняла его концом карандаша и спросила:

— Что это за духи? Отвратительный запах!

— Я думаю, нечто вроде сандалового дерева.

— Дешевая имитация. Гадость, мягко выражаясь. Так зачем вы хотели мне показать этот платок, мистер Марлоу? — Откинувшись в кресле, она изучала меня равнодушным и холодным взглядом.

— Я его нашел в доме Криса Лэвери, у него под подушкой. Здесь вышита монограмма.

Она развернула платок карандашом, так и не дотронувшись до него. Ее лицо приняло строгое выражение.

— Здесь вышиты две буквы, — сказала она холодным и сердитым тоном. — Те же инициалы, что у меня. Вы это имеете в виду?

— Да, хотя у него, возможно, имеется полдюжины знакомых молодых женщин с такими же инициалами.

— Однако вы — злой человек, — сказала она спокойно.

— Это ваш платок или нет?

Она медлила с ответом. Потом спокойно протянула руку, взяла вторую сигарету и закурила.

— Да, это мой платок, — сказала она. — Должно быть, я его когда-то там забыла. Давно. И уверяю вас, не под подушкой у Криса. Вы это хотели узнать?

Я не ответил, и она добавила:

— Видимо, он одолжил его женщине, которая любит этот сорт духов.

— Но это как-то не вяжется с Лэвери.

Ее верхняя губа слегка сморщилась.

У нее были красивые губы. Мне такие нравятся.

— Я думаю, — сказала она, — что в сложившееся у вас представление о характере Лэвери нужно внести кое-какие коррективы. Если вы в этом образе обнаружили какие-то положительные черты, то это чистая случайность.

— О мертвых нельзя говорить плохо, — сказал я.

Какое-то время она сидела и смотрела на меня так, словно я ничего не сказал, и ждала, чтобы я продолжил. Потом у нее задрожало горло, и эта дрожь распространилась по всему телу. Руки судорожно сжались, сигарета

сломалась.

Она посмотрела на нее и быстро бросила в пепельницу.

— Его застрелили в ванной комнате. В душевой кабине. И есть основания думать, что это сделала женщина, которая провела с ним ночь. Он как раз перед этим брился. Женщина оставила револьвер на лестнице, а этот платок под подушкой.

Она слегка пошевелилась в кресле. Теперь ее глаза были устремлены в пространство. Лицо было холодным, как у статуи.

— И вы ждете от меня, что я сообщу вам все подробности? — спросила она с горечью.

— Слушайте, мисс Фромсет, я предпочел бы в таких делах быть деликатным и чутким. Я с удовольствием сыграл бы эту сцену так, чтобы женщина вашего склада не почувствовала себя оскорбленной. Но я не могу, этого мне не позволяют ни мои клиенты, ни полиция, ни мои противники. Как бы я ни старался казаться деликатным, — дело все равно кончается тем, что я попадаю носом в дерьмо, а кулаком кому-нибудь в глаз!

Она кивнула, словно и не слышала моих слов.

— Когда его убили? — спросила она, все еще слегка дрожа.

— Полагаю, что сегодня утром. Вскоре после того, как он проснулся. Я уже говорил, он только побрился и собирался принять душ.

— Насколько я его знаю, это было не очень рано. А я здесь уже с восемью тридцати.

— Между прочим, я и не думаю, что это вы его убили.

— Спасибо, это очень любезно. Но ведь это мой платок, не так ли? Хотя и не моими духами надушен. Боюсь, что полиция не очень разбирается в запахе духов. И в некоторых других вещах.

— Верно. Это же относится и к частным детективам. Нравится вам такой тон?

— Боже мой! — сказала она и прижала ко рту тыльную сторону ладони.

— В него выстрелили пять или шесть раз. И все выстрелы кроме двух прошли мимо. Он отступил в душевую кабину. Вероятно, это была довольно мерзкая сцена. Убийца действовал с большой ненавистью. Или, наоборот, слишком обдуманно.

— Его было легко возненавидеть, — сказала она без всякого выражения. — И чертовски легко полюбить. Женщины, и даже вполне порядочные, иногда совершают такие неприятные ошибки.

— Из всего этого я могу заключить: вы когда-то думали, что полюбили его, но вы его теперь не любите и вы его не убивали.

— Да! — Ее тон теперь был сухим и легким, как духи, которыми она душилась. — Я надеюсь, вы оцените мое доверие. — Она рассмеялась коротко и горько. — Мертв, — сказала она, — бедный, эгоистичный, дешевый, скверный, красивый, фальшивый мальчишка! Мертв и холоден. Нет, мистер Марлоу, я его не убивала.

Я подождал, пока она справится с собой. Наконец она спросила спокойно:

— Мистер Кингсли знает об этом?

Я кивнул.

— И полиция, конечно, тоже?

— Еще нет. По крайней мере от меня — нет. Я нашел его тело. Дверь дома была не закрыта. Я вошел и нашел его.

Она взяла свой карандашик и потыкала в носовой платок.

— Мистер Кингсли знает об этом платке?

— Нет. О нем не знает никто, кроме вас и меня. И, конечно, того, кто его туда положил.

— Мило с вашей стороны, — сказала она сухо. — И мило, что вы так думаете.

— В вас есть оттенок высокомерия и достоинства, который мне нравится, — сказал я. — Но не перегибайте палку. Чего можете от меня ожидать? Что я вытащу носовой платок из-под подушки убитого мужчины, понюхаю его и подумаю:

«Так-так! Монограмма мисс Адриенн Фромсет! Мисс Фромсет, видимо, знала Лэвери, и весьма интимно. Скажем, настолько интимно, насколько это допускает мое испорченное воображение. Значит — чрезвычайно интимно. Но эти синтетические дешевые духи — нет, мисс Фромсет никогда не стала бы пользоваться дешевыми духами! Платок лежал у Лэвери под подушкой — нет, мисс Фромсет никогда не станет класть свой платок под подушку мужчине! Стало быть, все это не может иметь никакого отношения к мисс Фромсет! Абсолютно! Это — всего лишь обман зрения!»

— Ах, перестаньте! — сказала она.

Я ухмыльнулся.

— Что вы, собственно, думаете обо мне? — в упор спросила она.

— Я бы вам сказал, но уже поздно, вы заняты!

Ее лицо вспыхнуло. После паузы она спросила:

— У вас хоть есть предположение, кто это сделал?

— Предположения-то есть. И всевозможные версии. Но это все — только версии. Я боюсь, что полиция отнесется к делу проще. В шкафу у

Лэвери висит несколько платьев, принадлежащих миссис Кингсли. И если им известна вся история, включая то, что произошло вчера на озере Маленького фавна, то они не станут долго рассусоливать и сразу схватятся за наручники. Конечно, сперва ее надо найти. Но для них это не очень трудно.

— Кристель Кингсли, — сказала она тихо. — Боже мой, неужели ему придется еще и это пережить!

— Это не обязательно сделала она. Убийство могло быть совершено по мотивам, о которых мы и не знаем. Например, это мог сделать кто-нибудь другой, вроде доктора Элмора.

Она быстро подняла глаза, но потом покачала головой.

— И все-таки это возможно, — настаивал я. — Правда, у нас нет против него никаких улик. Но вчера он что-то слишком нервничал для человека, которому нечего бояться. Хотя, конечно, можно трусить и не будучи ни в чем виновным.

Я встал, похлопал по краю стола и посмотрел на нее сверху вниз. У нее была очень красивая шея.

— А что будет с этим? — Она показала на носовой платок.

— Если бы это был мой платок, я бы постарался поскорее отмыть его от дешевого запаха, — сказал я улыбаясь.

— Но ведь он может что-то означать, разве нет? И даже очень многое!

— Я не думаю, чтобы это было важной уликой. Женщины вечно забывают везде свои носовые платки. Такой человек, как Лэвери, мог собирать их и складывать в ящичек из сандалового дерева. А потом какая-то женщина обнаружила этот склад и взяла себе один платок для пользования. А может быть, он сам ей дал и при этом не преминул похвастаться чужой монограммой. Я считаю его человеком как раз такого типа. Ну, прощайте, мисс Фромсет, большое спасибо за беседу!

Уже собираясь уходить, я спросил:

— Вы случайно не знаете фамилию репортера, от которого Браунвелл получил свою информацию?

Она покачала головой.

— А фамилию родителей миссис Элмор?

— Тоже нет. Но, возможно, сумею для вас узнать. Могу попробовать.

— Как?

— Ну, обычно такие вещи указываются в траурных извещениях, не так ли? А я точно помню, что в какой-то газете Лос-Анджелеса было помещено траурное извещение.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, — сказал я. Я провел

пальцем по ребру стола и посмотрел на нее со стороны. Бледная кожа цвета слоновой кости, темные прекрасные глаза. Волосы ее блестели, как только могут блестеть волосы, и при этом были темными, как ночь.

Я вышел из кабинета. Маленькая блондинка у коммутатора посмотрела на меня с ожиданием, ее красные губки приоткрылись, казалось, она ждет от меня какой-нибудь шутки.

Мне было не до шуток. Я вышел на улицу.

Глава 20

Перед домом Лэвери не было видно полицейских машин, никто не прогуливался по тротуару, а когда я открыл входную дверь, то не почувствовал ни сигарного, ни сигаретного дыма. Солнце больше не светило в окна, а над пустыми рюмками от виски кружилась муха. Я прошел гостиную и прислонился к перилам лестницы, которая вела в нижний этаж. В доме Лэвери ничто не шевелилось. Единственный еле слышный звук доносился из ванной комнаты: спокойное падение воды на плечи мертвого.

Я открыл телефонную книгу, отыскал страницу «Полиция». Набрал номер и ожидая соединения, я вынул из кармана револьвер и положил его на маленький столик рядом с телефонным аппаратом.

Ответил мужской голос:

— Полиция Бэй-Сити.

Я сказал:

— На Элтер-стрит, 623, была стрельба. Здесь живет человек по фамилии Лэвери. Он мертв.

— Шесть — два-три, Элтер-стрит. А вы кто такой?

— Марлоу. Моя фамилия Марлоу.

— Вы находитесь в доме?

— Да.

— Пожалуйста, ни до чего не дотрагивайтесь.

Я положил трубку на рычаг, уселся на диван и принялся ждать. Не очень долго. Издали слышался звук сирены, который становился все громче.

Раздался визг покрышек, звук сирены превратился в металлическое хрюканье и умолк. Покрышки взвизгнули снова, уже перед домом. Услышав шаги на дорожке, я подошел к двери и открыл ее.

Ввалились два полицейских в форме. Это были обычные верзилы, с обычными обветренными загорелыми лицами и недоверчивыми глазами. У одного между фуражкой и правым ухом была воткнута гвоздика. Второй был постарше, с проседью, довольно строгого вида. Они стояли и внимательно меня разглядывали. Потом старший коротко спросил:

— Где оно?

— Внизу, в ванной комнате, за занавеской.

— Энди, останься здесь с ним.

Он быстро прошел через комнату и исчез. Другой посмотрел на меня и сказал:

— Никаких легкомысленных движений, парень!

Я снова уселся на диван. Снизу слышался шум шагов. Полицейский, оставшийся со мной, осматривал комнату. Наконец он обнаружил револьвер, лежавший на телефонном столике. Он бросился к нему, как ястреб.

— Это орудие убийства? — почти закричал он.

— Полагаю, что да. Он пуст.

Он наклонился над револьвером, оскалился и потянулся к своей кобуре.

Его пальцы быстро отстегнули крышку и схватились за рукоятку.

— Что вы полагаете? — пролаял он.

— Полагаю, что это орудие убийства.

— Хорошо! Очень хорошо! — произнес он. — Неплохая шутка!

— Но и не такая уж хорошая, — заметил я скромно.

Он отступил. Глаза были неотрывно устремлены на меня.

— Почему вы его застрелили? — прогремел он.

— Все думаю и думаю, сам не знаю, почему!

— Опять шуточки?! Не нахальничайте!

— Давайте-ка лучше присядем и подождем следственную группу, — сказал я. — До ее приезда я воздержусь от своей защиты.

— Воздержитесь от ваших выражений!

— Я не позволяю себе никаких выражений. Если бы я его застрелил, то не сидел бы здесь. И не стал бы вам звонить. И вы бы не нашли револьвер. Так что не тратьте на это дело столько усилий. Ведь вы пока занимаетесь им не более десяти минут!

Он обиженно посмотрел на меня. Снял фуражку, и гвоздика упала на пол.

Он наклонился, поднял ее, покрутил в пальцах и бросил за каминную решетку.

— Не делайте этого, — предупредил я его. — Могут подумать, что это — улика, и напрасно потратят много времени!

— Ах, подите вы к черту! — Он наклонился через решетку, поднял гвоздику и сунул ее в карман. — Я вижу, у вас на все готов ответ!

Второй полицейский с серьезным видом поднялся по лестнице.

Остановившись посреди комнаты он посмотрел на часы и сделал пометку в своей записной книжке. Потом, немного сдвинув жалюзи, выглянул в окно.

Молодой, который оставался со мной, спросил:

— Можно я теперь посмотрю?

— Ах, брось, Энди. Это дело не для нас. Ты не звонил следственному судье?

— Я думал, это обязанность следственной группы.

— Ладно. Группой командует капитан Уэббер, а он любит все делать сам. — Он посмотрел на меня. — Вас зовут Марлоу?

Я подтвердил.

— У него пасть — на любой вопрос готов ответ! — сказал Энди.

Старший безо всякого интереса взглянул на меня, потом с таким же отсутствующим видом посмотрел на Энди, но в револьвер, который он внезапно увидел на телефонном столике, он уперся отнюдь не с отсутствующим видом.

— Да, это орудие убийства, — сказал Энди. — Я не прикасался.

Второй кивнул.

— Что вы здесь делаете, мистер? Приятель этого? — Он показал большим пальцем вниз.

— Я его вчера видел в первый раз. Я частный детектив из Лос-Анджелеса.

— Так! — Второй пристально уставился на меня. Лицо его выражало величайшее недоверие.

— Черт побери, я смотрю, здесь дело запутанное! — заключил он.

Это была первая разумная мысль, какую он высказал. Я дружески улыбнулся ему.

Старший снова выглянул из окна.

— Смотри-ка, там напротив дом доктора Элмора, Энди! — сказал он.

Энди подошел к окну и тоже выглянул.

— Точно, — подтвердил он, — можно прочесть табличку. — Эй, ты, скажи-ка, этот убитый парень внизу — не тот, который...

— Заткнись! — прервал его старший и опустил жалюзи. Они оба отвернулись от окна и смотрели на меня как деревянные.

На улице послышался шум приближающейся машины. Хлопнула дверца. Шум шагов. Старший полицейский открыл дверь. Вошли двое в штатском. Один из них был мне уже знаком.

Глава 21

Первый из вошедших показался мне слишком мелковатым для полицейского.

Он был средних лет, и лицо у него было узкое и переутомленное. Острый нос был свернут немного набок, словно он когда-то сунулся куда не следовало и получил локтем по носу. Шляпа очень прямо сидела у него на голове, из-под нее виднелись белоснежные волосы. На нем был темно-коричневый костюм. Руки были засунуты в боковые карманы пиджака, только большие пальцы торчали наружу.

За ним вошел Дегамо, здоровенный лейтенант с пепельными волосами, металлическими синими глазами и лицом, изборожденным складками, тот самый, который не выразил особой радости, увидев меня перед домом доктора Элмора.

Оба полицейских в форме посмотрели на вошедших и отдали честь.

— Труп в цокольном этаже, капитан Уэббер, — доложил старший. — Два попадания после нескольких промахов, выглядит так. Мертв уже давно. А этого человека зовут Марлоу. Частный детектив из Лос-Анджелеса. Больше я его ни о чем не спрашивал.

— Хорошо, — сказал капитан Уэббер. Он бросил на меня недоверчивый взгляд и кивнул. — Я капитан Уэббер, — сказал он, — а это лейтенант Дегамо. Мы сначала кинем взгляд на труп.

Он пошел вниз. Дегамо, глядевший на меня так, словно видел впервые, последовал за ним. Старший полицейский из патруля сопровождал их. Энди и я некоторое время внимательно рассматривали друг друга.

Я сказал:

— Там прямо через дорогу дом доктора Элмора, да?

С его лица исчезло всякое выражение. Тут много не узнаешь, это было видно.

— Да. И что?

— Ничего, — сказал я.

Он промолчал. Снизу доносились голоса, слов было не разобрать.

Полицейский наострил уши и спросил уже несколько дружелюбнее:

— Вы слышали о том деле?

— Да... кое-что...

Он засмеялся.

— Тонко они его обделали, — сказал он, — и в тряпочку завернули, и в шкаф положили. На самую верхнюю полку. Куда без лестницы не доберешься!

— Что да, то да! — сказал я. — Хотелось бы только знать, почему?

Полицейский мрачно посмотрел на меня.

— Были на то причины, друг! Не думайте, что без причин! Вы хорошо знали этого Лэвери?

— Нет. Хорошо — нет.

— Вы что, следили за ним?

— Н-да... он имел отношение к одному моему делу, — сказал я. — А вы его знали?

Полицейский по имени Энди покачал головой.

— И понятия не имел. Просто я вспомнил, что тогда эту миссис Элмор нашел в гараже человек, который жил в этом доме.

— Может, Лэвери тогда здесь и не жил? — спросил я.

— А сколько времени он здесь живет? — спросил он в ответ.

— Не знаю.

— Гм, это было примерно года полтора назад, — сказал он задумчиво. — Газеты в Лос-Анджелесе писали об этом?

— Может и писали, знаете, под рубрикой «Новости из провинции», — ответил я, лишь бы что-нибудь сказать.

Он почесал за ухом и прислушался. На лестнице раздались шаги. Энди снова принял безразличный вид, отодвинулся от меня и сел прямо.

Капитан Уэббер поспешил к телефону, набрал номер и что-то сказал.

Потом, отставив трубку в сторону, он посмотрел через плечо.

— Кто на этой неделе дежурный следственный судья, Эл?

— Эд Гарленд, — ответил высокий лейтенант.

— Позвоните Эду Гарленду, — сказал Уэббер в трубку, — пусть сразу приезжает. И фотографа с собой привезет.

Он отодвинул телефон и резко спросил:

— Кто дотрагивался до револьвера?

Я ответил:

— Я.

Он подошел и встал передо мной, покачиваясь с носков на каблуки и выставив вперед свой острый подбородок. Револьвер он аккуратно держал в руке, завернув рукоятку в носовой платок.

— Вам неизвестно, что на месте преступления нельзя дотрагиваться до найденного оружия?

— Конечно, известно, — сказал я. — Только, когда я до него

дотронулся, я еще не знал, что совершено преступление. И не знал, что из него стреляли. Он лежал на лестнице, и я подумал, что его кто-то выронил.

— Звучит весьма правдоподобно, — сказал Уэббер с горечью. — Вам в вашей профессии, как видно, часто приходится иметь дело с такими вещами?

— Простите, с какими вещами?

Он посмотрел на меня и ничего не ответил. Я сказал:

— Хотите, я вам расскажу, как было дело?

Он набросился на меня, как боевой петух.

— А может быть, вы будете только отвечать на мои вопросы?

На это мне было нечего возразить. Уэббер резко повернулся на каблуках и сказал обоим полицейским в форме:

— Вы, ребята, отправляйтесь к своей машине и пришлите мне санитарную карету.

Они поприветствовали и вышли. Дверь закрывалась с трудом, и они выместили на ней свое недовольство. Уэббер дождался, пока они уехали, потом снова обратил ко мне свой мрачный взгляд.

— Покажите ваши документы.

Я протянул ему бумажник, и он ознакомился с его содержимым. Дегамо сидел в кресле, скрестив ноги и уставившись в потолок. Он вытащил из кармана спичку и принялся ее жевать. Уэббер возвратил мне бумажник, и я его спрятал.

— От людей вашей профессии вечно одни неприятности, — сказал он.

— Не обязательно.

Его голос сделался резче. Впрочем, он и раньше говорил достаточно отчетливо.

— Я говорю, вы доставляете нам неприятности, значит, этим хочу сказать, что вы доставляете много неприятностей, понятно? Но позвольте довести до вашего сведения: в Бэй-Сити вы больше не будете никому доставлять неприятностей.

Я ничего не ответил. Он потряс указательным пальцем у меня перед носом.

— Вы приезжаете из большого города, — сказал он, — и думаете, что вы очень ловки, воображаете себя большими умниками. Не беспокойтесь! Мы с вами справимся. У нас маленький город, но мы начеку и держимся заодно. У нас здесь нет политических междоусобиц. Мы не ходим кривыми дорожками, и мы работаем быстро. Насчет нас вы можете не беспокоиться, мистер.

— Я и не беспокоюсь, — сказал я. — Из-за чего мне беспокоиться? Я

лишь пытаюсь вполне приличным способом заработать немного долларов.

— Попрошу вас обойтись без вызывающего тона, — вспыхнул он. — Я этого не люблю.

Дегамо перестал рассматривать потолок, согнул указательный палец и начал изучать ноготь. Потом он сказал тяжелым скучным голосом:

— Послушайте, шеф. Этого парня, внизу, зовут Лэвери. Он мертв. Я его немного знал. Он был бабник.

— При чем здесь это? — пролаял Уэббер, не отводя от меня глаз.

— Все указывает на женщину. Вы же знаете, какого рода делами занимаются эти частные ищейки. Бракоразводными делами. Может быть, он нам окажется полезным, если вы его не будете запугивать.

— Если бы я его собирался запугивать, — заявил Уэббер, — то я бы уже видел результат! Что-то я не вижу ни малейших признаков.

Он подошел к окну и поднял жалюзи. Слепящее солнце ворвалось в комнату, неожиданное после долгих сумерек. Он вернулся, снова побалансировал на каблуках, показал на меня твердым тонким пальцем и сказал:

— Говорите.

— Я работаю для одного бизнесмена из Лос-Анджелеса, который пытается избежать скандала. Поэтому он меня и нанял. Месяц назад от него ушла жена, и, судя по полученной от нее телеграмме, она сбежала с этим Лэвери. Но несколько дней назад мой клиент встретил Лэвери в городе, и тот все начисто отрицал. Клиент, во всяком случае, настолько ему поверил, что стал волноваться. Судя по всему, эта дама довольно легкомысленна. Она могла попасть в плохую компанию и ввязаться в какие-нибудь неприятности. Я приехал, чтобы расспросить Лэвери, но он и в разговоре со мной все отрицал.

Сначала я ему более или менее поверил, но позднее я получил подтверждение, что в тот день, когда она уехала из своего летнего дома в горах, его видели вместе с ней в одном отеле в Сан-Бернардино. С этими сведениями в кармане я вернулся сюда, чтобы поговорить с Лэвери. На мой звонок никто не ответил, дверь была приоткрыта, так что я вошел, осмотрелся, нашел револьвер и стал обыскивать дом. И нашел его труп. Точно в таком положении, как вы его видите.

— Вы не имели никакого права обыскивать дом, — сказал Уэббер холодно.

— Конечно, нет, — признал я. — Но я был не в силах отказаться от такого шанса.

— Фамилия вашего клиента?

— Кингсли. — Я назвал адрес. — Он директор фирмы косметических товаров. Компания «Гиллерлейн».

Уэббер посмотрел на Дегамо. Тот что-то небрежно нацарапал на обороте старого конверта. Уэббер снова повернулся ко мне:

— Что еще?

— Я съездил в летний дом, где должна была находиться эта дама. Это у озера Маленького фавна вблизи от Пума Пойнт, в сорока шести милях от Сан-Бернардино.

Я посмотрел на Дегамо. Он писал медленно. Его рука на секунду замерла и неподвижно повисла в воздухе, потом он снова принялся записывать. Я продолжал:

— Примерно с месяц назад жена сторожа принадлежащего мистеру Кингсли дома поссорилась со своим мужем и ушла от него, — по крайней мере, все так думали. Вчера ее нашли утонувшей в озере.

Уэббер закрыл глаза, продолжая покачиваться на каблуках. Почти ласково он спросил:

— Зачем вы мне это рассказываете? Хотите дать мне понять, что здесь существует какая-то связь?

— Связь существует во времени. И Лэвери тоже бывал там. Другой связи я не вижу, но посчитал, что следует сообщить вам об этом.

Дегамо все еще сидел молча, безучастно глядя перед собой. Его жесткое лицо выглядело, пожалуй, еще резче, чем обычно. Уэббер сказал:

— Эта утонувшая женщина совершила самоубийство?

— Самоубийство это или убийство — не знаю. Она оставила записку. Но мужа ее заподозрили и арестовали. Его зовут Чесс. Билл Чесс, а жену Мюриэль Чесс.

— Подробности меня не интересуют, — резко сказал Уэббер. — Ограничимся тем, что произошло здесь.

— Я не знаю, что произошло здесь, — сказал я и посмотрел на Дегамо. — Я был здесь дважды. Первый раз я говорил с Лэвери, но ничего не добился. Во второй раз я не говорил с ним, и тоже безрезультатно.

Уэббер сказал медленно:

— Я задам вам вопрос и рассчитываю на честный ответ. Вам, конечно, не захочется мне отвечать, но учтите, что обстоятельства для вас сейчас благоприятнее, чем будут потом. Вы же знаете, что я все равно получу ответ. Вопрос следующий. Вы обыскали дом, и, я предполагаю, довольно тщательно. Обнаружили вы что-нибудь, что указывает, что эта миссис Кингсли была здесь?

— Этот вопрос некорректный, — сказал я. — Вы спрашиваете меня не

о фактах, а о моих умозаключениях.

— Я желаю получить ответ, — сказал он мрачно. — Мы не в суде.

— Ответ будет — да. Внизу в шкафу висят женские платья. Одно из них мне описывали, якобы она была в таком в отеле в Сан-Бернардино, когда встретилась там с Лэвери. Правда, описание было весьма приблизительным. Бело-черный костюм, в котором белого больше, чем черного. И соответствующая панама.

Дегамо пощелкивал пальцем по конверту, который держал в руке.

— Я смотрю, вы замечательно служите своему клиенту, — сказал он. — Стало быть, идя по следу этой женщины, вы попали прямо в дом, где было совершено убийство. При этом предполагалось, что она сбежала вместе с ним. Не думаю, чтобы нам долго пришлось искать убийцу, шеф!

Уэббер продолжал смотреть на меня без выражение или почти без выражения, лишь с напряженным вниманием. В ответ на слова Дегамо он кивнул.

Я сказал:

— Лично я не считаю уголовную полицию такой глупой. Платье приобретено в какой-то фирме, и на нем найдется фирменный ярлык. Я просто сэкономил вам час работы, а то и меньше — один телефонный звонок.

— Еще что-нибудь? — спокойно спросил Уэббер.

Прежде чем я успел ответить, перед домом остановилась машина, за ней — вторая. Уэббер пошел открывать дверь. Вошли трое мужчин. Впереди — маленький, с курчавыми волосами, за ним большой, здоровый, как бык, оба с тяжелыми кожаными чемоданами. Последним вошел высокий тощий, в сером костюме с черным галстуком. У него были острые глаза и некрасивое лицо.

Уэббер поманил пальцем курчавого и сказал:

— Внизу, в ванной комнате, Бузони. Мне нужна целая куча отпечатков пальцев со всего дома, особенно женских. Вам потребуется много времени.

— Как-нибудь справлюсь, — проворчал Бузони. Вместе с быкоподобным они пошли вниз по лестнице.

— А для вас у нас имеется труп, Гарленд, — сказал Уэббер третьему. — Мы с вами быстренько спустимся и посмотрим на него. Вы машину заказали?

Некрасивый кивнул. Они с Уэббером спустились вниз, следом за остальными.

Глядя на меня неподвижным взглядом, Дегамо спрятал конверт и карандаш.

Я спросил:

— Я могу рассказать про нашу вчерашнюю беседу, или это был, так сказать, частный разговор?

— Можете говорить о чем хотите, — ответил он. — Это наша обязанность — охранять покой граждан.

— Ну, раз вы это так называете, то я охотно узнал бы побольше о деле Элмора.

Он медленно налился кровью, и его глаза приобрели злобное выражение.

— Вы же говорили, что не знаете доктора Элмора?

— Вчера еще не знал, — ответил я, — ничего не знал о нем. Но с тех пор узнал, что Лэвери знал миссис Элмор, что она совершила самоубийство и что Лэвери по крайней мере подозревали в том, что он шантажировал доктора либо имел возможность его шантажировать. Оба ваших полицейских из патруля тоже весьма заинтересовались тем, что дом Элмора находится как раз напротив. Один из них сказал, что это дело было замято, — в общем, выразился в этом роде.

Дегамо сказал убийственно медленно:

— Я позабочусь о том, чтобы эта собака вылетела со службы. Все, что они умеют, это болтать языком. Проклятые пустоголовые собаки!

— Значит, это мнение ошибочно?

— Какое мнение?

— Мнение, что Элмор сам убил свою жену и при этом оказался достаточно влиятельным, чтобы замять это дело?

Дегамо поднялся, подошел ко мне и медленно наклонился.

— А ну-ка, повторите, — сказал он тихо. Я повторил.

Он ударил меня ладонью по лицу. Голова мотнулась в сторону, щека сразу стала горячей.

— Скажите еще раз.

Я сказал еще раз. Он размахнулся и ударил еще раз.

— Скажите еще раз!

— Нет, — сказал я. — Не всегда бог троицу любит. Лучше на этот раз ударьте мимо. — Я поднял руку и потер лицо.

Он стоял, наклонившись вперед, зубы обнажились, в синих глазах был жесткий звериный блеск.

— Будете знать, как разговаривать с полицейским офицером. Попробуйте-ка еще разок — и вы познакомитесь не с ладонью, а с кулаком!

Я прикусил губу, продолжая растирать лицо.

— Не суйте нос в наши дела, — сказал он. — Не то однажды

проснетесь в кювете и вас будут обнюхивать собаки.

Я продолжал молчать. Он вернулся к креслу и сел, тяжело дыша. Я стоял, потирая лицо, потом стал растирать руку и массировать пальцы. Их так свело судорогой, что я их еле-еле расцепил.

— Я подумаю об этом, — пообещал я. — С двух точек зрения.

Глава 22

Был еще ранний вечер, когда я вернулся в Голливуд, к себе в контору.

Здание уже опустело, в коридорах было тихо. Все двери стояли открытыми, везде работали уборщицы со своими тряпками и пылесосами.

Я отпер свою комнату и поднял письмо, которое, видимо, подсунули под дверь. Не глядя, бросил его на письменный стол. Открыв окно, я свесился наружу, смотрел, как загораются первые световые рекламы, вдыхал теплый, острый воздух.

Потом я снял пиджак и галстук и сел за стол. Из глубины ящика достал бутылку виски и пригласил себя на стаканчик. Не помогло. Выпил второй, с тем же результатом.

Сейчас Уэббер уже, наверное, разговаривает с Кингсли. И теперь или по крайней мере вскоре начнется большая облава на его жену. Полиции это дело кажется ясным как день. Мерзкая связь между двумя довольно противными людьми. Слишком много алкоголя, слишком много интимности. Дело кончается дикой ненавистью, преступными импульсами и, наконец, — убийством.

«Только все это немножко слишком просто», — думал я.

Распечатал письмо. Оно было без марки и гласило:

«Мистер Марлоу. Родителей Флоренс Элмор зовут мистер Эустас Грейсон и миссис Летти Грейсон. В настоящее время они живут по адресу: Розмор Армс, 640, Саут Оксфорд Авеню».

Элегантный почерк, элегантный, как и рука, написавшая это послание.

Отодвинув письмо в сторону, я выпил еще стаканчик. Наконец-то я начал чувствовать себя менее плачевно. Провел пальцем по крышке стола, остался пыльный след. Вытер палец. Руки были тяжелыми, горячими и плохо слушались.

Посмотрел на часы, посмотрел на стену. Посмотрел в никуда.

Потом убрал виски и пошел к умывальнику, чтобы сполоснуть стакан. Вымыл руки и лицо холодной водой. Краснота на левой щеке прошла, осталась небольшая припухлость. Не очень большая, но достаточная, чтобы снова прийти в ярость. Начал причесываться и обратил внимание на седые пряди. Постепенно их становится все больше. Лицо выглядело больным и чужим. Оно мне не понравилось.

Пошел опять к письменному столу и взял послание мисс Фромсет. Разгладил его на столе, понюхал, сложил и сунул в карман пиджака.

Я сидел и молча прислушивался, как за окном затихал вечер. И медленно, совсем медленно пришло успокоение.

Глава 23

При ближайшем рассмотрении Розмор Армс оказался всего лишь кучей красных кирпичных домов, сгрудившихся вокруг огромного двора. В холле стояли обтянутые плюшем банкетки и пальмы в кадках. Канарейка скучала в клетке — большой, как собачья конура, в воздухе висел запах старых пыльных ковров и усталый аромат увядших гардений.

Грейсоны жили на пятом этаже северного крыла. Они сидели вдвоем в комнате, которая отстала от века как минимум на двадцать лет. Ее украшала старомодная мягкая мебель, яйцеобразные медные ручки на дверях, большое настенное зеркало в позолоченной раме, стол с мраморной крышкой, стоявший в оконной нише, и красные плюшевые портьеры по обе стороны окна. Пахло табачным дымом, а на втором плане витали воспоминания об обеде из бараньих котлет с цветной капустой.

Миссис Грейсон была маленького роста и обладала глазами, которые некогда, должно быть, выглядели синими и детскими. Сейчас они выцвели, грустно смотрели сквозь стекла очков и были немного навывкате. У нее были пышные седые волосы. Скрестив распухшие ноги — они еле доставали до пола, миссис Грейсон сидела и штопала носки. На коленях примостилась большая плетеная корзинка.

Грейсон был высокий сутулый человек с желтым лицом и высоко поднятыми плечами. Его брови походили на щетки, а подбородка почти не было. Верхняя часть лица говорила о его профессии. Однако нижняя уже распростилась со всеми делами. Он носил очки с бифокальными линзами и хмуро читал вечернюю газету. Я успел предварительно посмотреть в адресной книге: он был бухгалтером-ревизором, так и выглядел. На пальцах были чернильные пятна, из кармана жилетки торчали четыре карандаша. В седьмой раз прочитав мою визитную карточку, он осмотрел меня с головы до ног и медленно спросил:

— О чем вы желаете говорить с нами, мистер Марлоу?

— Меня интересует человек по фамилии Лэвери. Он живет на той же улице, что и доктор Элмор, прямо напротив него. Ваша дочь была замужем за доктором Элмором. Лэвери — тот человек, который нашел вашу дочь в ночь, когда она... умерла.

Оба наострили уши, как овчарки, когда я сделал паузу перед последним словом. Грейсон посмотрел на жену, она покачала головой.

— Мы неохотно говорим об этом, — сказал Грейсон чопорно. — Это

слишком болезненно для нас.

Я подождал немного и принял такое же мрачное выражение, которое было у них. Потом сказал:

— Это можно понять. Я не хочу задавать вам никаких вопросов. Я лишь хотел бы связаться с человеком, которого вы тогда нанимали, чтобы разобраться в этом деле. Это все. Они опять посмотрели друг на друга. На этот раз миссис Грейсон не качала головой. Грейсон спросил:

— Для чего, если позволите спросить?

— Я думаю, будет лучше, если я подробнее расскажу вам о своем деле.

Я поведал им, для какой цели меня нанял Кингсли, не называя его имени.

Рассказал о вчерашнем столкновении с Дегамо перед домом Элмора. Теперь они слушали внимательно.

Грейсон сказал резко:

— Если я вас правильно понял, вы не были знакомы с доктором Элмором. Вы не пытались к нему приблизиться или как-то его обременить. И, несмотря на это, он вызвал полицейского офицера только потому, что вы остановили машину перед его домом?

— Да, именно так. Я стоял перед его домом около часа. Точнее, моя машина.

— Это весьма странно, — сказал Грейсон.

— Было видно, что доктор явно нервничал, — продолжал я. — Кроме того, Дегамо спросил меня, не подослан ли я «ее людьми», он имел в виду семью вашей дочери. Складывается впечатление, что доктор до сих пор чувствует себя не вполне уверенно. Не правда ли?

— Неуверенно? Как так неуверенно? — при этом вопросе Грейсон старался на меня не смотреть. Он медленно разжигал свою потухшую трубку, приминая табак какой-то металлической штукой, потом снова поднес к трубке огонь.

Я пожал плечами и промолчал. Он быстро взглянул на меня и снова отвел глаза. Миссис Грейсон не решалась поднять взгляд, но ноздри ее трепетали.

— Откуда он узнал, кто вы такой? — вдруг спросил Грейсон.

— Он записал номер моей машины, позвонил в автоклуб, а потом отыскал мою фамилию в телефонной книге. По крайней мере, я бы так поступил на его месте. И судя по его движениям, которые я наблюдал через окно, он именно так и сделал.

— Значит, полиция работает на него, — сказал Грейсон.

— Не обязательно. Но если она тогда допустила ошибку, то теперь,

естественно, не хочет, чтобы это выплыло наружу.

— Ошибку? — он резко рассмеялся.

— Ну, ладно, — сказал я. — Эта тема для вас болезненна, но немного свежего воздуха ей не повредит. Ведь вы всегда считали, что Элмор убил вашу дочь? И поэтому пригласили частного сыщика.

Миссис Грейсон бросила на меня быстрый взгляд, потом снова склонила голову и стала скручивать заштопанные носки. Грейсон молчал. Я спросил:

— У вас были какие-нибудь доказательства или вы просто не доверяли ему, потому что он был вам несимпатичен?

— Доказательства были, — сказал Грейсон с горечью. И внезапно продолжал ясным голосом, словно наконец решился. — Доказательства должны были существовать. Так нам сказали. По крайней мере, одна улика. Но конкретно мы о ней так и не узнали. Об этом позаботилась полиция.

— Мне говорили, что полиция арестовала нанятого вами сыщика и засадила его в тюрьму по обвинению в вождении автомобиля в состоянии опьянения.

— Вам сказали правильно.

— Он так и не сообщил вам, на какую улику был намерен опираться?

— Нет.

— Это мне не нравится, — сказал я. — Выглядит так, будто этот парень был в нерешительности: сообщить ли добытые сведения вам или воспользоваться ими, чтобы шантажировать доктора.

Грейсон опять посмотрел на жену. Она спокойно сказала:

— Такого впечатления мистер Талли на меня не производил. Он был тихий, скромный человек. Но, конечно, никогда нельзя знать.

Я сказал:

— Итак, его звали Талли. Это первое, что я хотел у вас узнать.

— А второе? — спросил Грейсон.

— Как мне найти этого Талли? И в чем заключается внутренняя причина ваших подозрений? У вас уже давно должны были созреть подозрения, иначе вы этого Талли не пригласили бы. Если он вам заранее не сказал, что располагает надежной уликой.

Улыбка Грейсона была тонкой и немного искусственной. Он взял себя за маленький подбородок и потер его длинными желтыми пальцами.

— Морфий, — сказала миссис Грейсон.

— Вот именно! — тотчас же сказал Грейсон, словно одно это слово было зеленым светом, отворившим шлюз, хотя ему это было очень неприятно. — Элмор был и без сомнения остается специалистом по

морфию.

— Что вы понимаете под выражением «специалист по морфию», мистер Грейсон?

— Я имею в виду врача, чья практика в основном распространяется на людей, находящихся на грани нервного потрясения из-за алкоголя и распутства. Людей, которые уже давно принимают наркотики и снотворное. Наступает момент, когда добросовестный врач отказывается их дальше лечить вне специальной больницы или санатория. Но не такие, как Элмор. Они продолжают снабжать пациентов наркотиками до тех пор, пока из них можно выкачивать деньги. До тех пор, пока пациент остается в живых и окончательно не теряет рассудок. Даже если при этом он превращается в безнадежного наркомана или алкоголика. Доходная практика, — сказал он с ударением, — однако не вполне безопасная для врача.

— Несомненно, — сказал я, — но приносящая большие деньги. Вы не знакомы с человеком по фамилии Конди?

— Нет. Хотя и знаем, кто он такой. Флоренс подозревала, что Элмор получал наркотики от него.

— Вполне возможно. Вероятно, он не хотел выписывать слишком много рецептов. А Лэвери вы знали?

— Никогда его не видели, но знаем и о нем.

— Вам никогда не приходило в голову, что Лэвери, возможно, шантажировал доктора Элмора?

Эта мысль была для них новой. Грейсон провел рукой по голове, потом по лицу. Затем покачал головой.

— Нет. Каким образом?

— Он первый обнаружил тело вашей дочери. Что бы там ни удалось обнаружить этому Талли, Лэвери тоже мог это заметить.

— А разве Лэвери такой человек?

— Не знаю. Во всяком случае, у него нет никакого официального источника доходов, ни службы, ни дела. И при этом он живет на широкую ногу — особенно, что касается женщин.

— Ваша точка зрения понятна, — кивнул Грейсон. — И такие дела могут проворачиваться втихую. — Он улыбнулся сухо. — В моей профессии мне приходилось наталкиваться на такие случаи. Займы без обеспечения, вложения капитала без малейшей надежды на прибыль, притом сделанные людьми, абсолютно не имеющими права вкладывать деньги без какой-либо перспективы. Просроченные долги, которые давно должны быть взысканы и не взыскиваются. Да, подобные дела устраиваются легко.

Я посмотрел на миссис Грейсон. Ее руки двигались безостановочно. По-моему, она уже заштопала дюжину пар. Должно быть, костлявые ноги Грейсона были настоящим бедствием для носков.

— Что же случилось с Талли? Обвинение против него было, конечно, состряпано?

— Я в этом уверен. Его жена утверждала, что ему подсунули в баре напиток с каким-то одурманивающим средством. А полицейская машина уже ждала на противоположной стороне улицы. Просто ждали, когда он сядет за руль, — и тут же задержали его. Она утверждала также, что его даже толком не обследовали.

— Ну, это немногого стоит.

— Я нахожу ужасной мысль, что полиция может быть бесчестной, — сказал Грейсон. — Но ведь такие вещи фактически случаются, это каждый знает!

Я пояснил:

— Не исключено, что они действительно впали в заблуждение относительно причины смерти вашей дочери, а потом не хотели допустить, чтобы Талли их разоблачил и выставил на посмешище. Это означало бы потерю службы для нескольких виновных полицейских. А если они были уверены, что он задумал шантаж, то могли позволить себе и неразборчивость в средствах. Где сейчас Талли? Ведь квинтэссенция всего этого дела заключается в следующем: если у него была улика, то она существует и сейчас, либо он знает, где ее искать.

— Мы не знаем, где он, — ответил Грейсон. — Его тогда приговорили к шести месяцам тюрьмы, но этот срок давно истек.

— А как обстоит дело с его женой?

Он посмотрел на миссис Грейсон. Она сказала:

— 1618, Уэстмор-стрит, Бэй-Сити. Эустас и я послали ей немного денег. Она очень нуждалась.

Я записал адрес, откинулся в кресле и сказал:

— Лэвери найден сегодня утром убитым в своей ванной комнате.

Прилежные руки миссис Грейсон замерли на краю корзинки. Грейсон сидел с открытым ртом, держа трубку в руке. Он тихо откашлялся, как делают в присутствии мертвых. Медленно, совсем медленно он сунул свою старую черную трубку в рот.

— Конечно, это означало бы... строить слишком смелые предположения... — начал он, но эта незаконченная фраза так и повисла в воздухе. Он послал ей вдогонку бледный клуб дыма. — Но искать в этом связь с доктором Элмором...

— Это предположение не кажется мне слишком смелым, — сказал я, — больше того, такое объяснение очень бы меня устроило. Об этом говорит и расположение домов. Полиция думает, что Лэвери убила жена моего клиента. Если им удастся ее поймать, то это для них — дело решенное. Однако если Элмор как-то связан с этим убийством, то это означает, что придется вернуться к смерти вашей дочери. Поэтому я и пытаюсь узнать как можно больше.

Грейсон сказал:

— Человек, который однажды совершил убийство, наверняка сохраняет лишь двадцать пять процентов естественных сдерживающих факторов, когда речь идет уже о втором убийстве. — Он говорил так, словно давно занимался этими проблемами.

— Возможно, — согласился я. — Но каковы могли быть мотивы первого убийства?

— Флоренс была неводержанной и легкомысленной, — сказал он грустно. — Невоздержанная, трудная девушка. Она была экстравагантна и расточительна, находила себе все время новых, весьма сомнительных друзей, говорила слишком много и слишком громко, а поступала по большей части глупо. Такая жена могла быть весьма опасной для Элберта Элмора. Но я не думаю, что это могло быть главной причиной, не правда ли, Летти?

Он посмотрел на жену, но она не ответила на его взгляд. Она тыкала крючком в клубок шерсти и молчала. Грейсон вздохнул и продолжал:

— У нас были основания предполагать, что Элмор находился в интимной связи со своей медсестрой, и что Флоренс угрожала ему публичным скандалом. А этим он не мог рисковать, не так ли? Потому что один скандал, неважно какой, быстро приводит к другому.

— Как же он мог ее убить? — спросил я.

— Разумеется, с помощью морфия. Морфий у него всегда был и он широко им пользовался. В применении морфия он специалист. А когда она находилась в состоянии глубокого беспамятства, он перенес ее в гараж, положил под машину и запустил мотор. Никакого вскрытия не было, чтобы вы знали. Иначе сразу бы всплыло, что она в эту ночь получила инъекцию морфия.

Я кивнул. Мистер Грейсон удовлетворенно откинулся и погладил себя по голове. Как видно, у него все было давно и тщательно обдуманно.

Я разглядывал их обоих. Престарелая семейная пара, с виду спокойно сидящая в своей старомодной квартире, на самом деле горела глубокой ненавистью спустя полтора года после происшедшего. Они были бы рады,

если бы оказалось, что Лэвери застрелил Элмор. Они были бы счастливы. Это наполнило бы их иссохшие души глубокой радостью.

После паузы я сказал:

— Вы верите в это, потому что хотите, чтобы это было правдой. И все-таки вполне возможно, что она совершила самоубийство, а все ложные маневры были предприняты лишь для того, чтобы покрыть игорный клуб Конди и избежать официального вызова Элмора в суд.

— Абсурд, — резко сказал Грейсон. — Он ее безусловно убил. Она лежала в постели и спала.

— Вы не можете этого знать. Может быть, она сама приняла снотворное, но оно подействовало ненадолго. Она могла проснуться среди ночи, посмотреться в зеркало, а в таких случаях на нас из зеркала смотрит сам черт. Такие вещи случаются.

— Полагаю, мы уделили вам достаточно времени, — сказал Грейсон.

Я встал и поблагодарил их обоих. У двери я спросил:

— Вам не довелось ничего больше слышать после того как Талли был арестован?

— Довелось. Я говорил с районным прокурором, — ворчливо ответил Грейсон. — Без всякого результата. Он не видел никаких оснований для возобновления следствия. Наркотики его не интересовали. Но игорный дом Конди был через месяц закрыт. Возможно, это явилось результатом моего обращения к нему.

— Ну, скорее всего это сделала полиция Бэй-Сити, чтобы продемонстрировать видимость деятельности, которая на самом деле никому не могла повредить. Уверен, что игорный дом Конди тотчас же открылся в другом месте. В том же оформлении.

Я снова повернулся к двери, на этот раз Грейсон поднялся с кресла и последовал за мной. Его желтое лицо немного покраснело.

— Я не хотел быть невежливым, — сказал он. — Конечно, это нехорошо, что Летти и я постоянно продолжаем об этом думать, и с такой горечью.

— Вы проявили по отношению ко мне много терпения, — сказал я. — Был в этом деле замешан еще кто-нибудь, чье имя не было нами произнесено?

Он отрицательно покачал головой и посмотрел на жену. Ее руки неподвижно держали очередной носок, надетый на деревянный грибок, голова была слегка наклонена. Казалось, она к чему-то прислушивается, но не к нашему разговору.

— Насколько я понял, в ту ночь медсестра доктора Элмора уложила

вашу дочь в постель. Это была та же женщина, с которой у него была связь?

Миссис Грейсон резко сказала:

— Постойте. Мы сами никогда не видели ее. У нее было какое-то красивое имя. Подождите минутку... я сейчас вспомню.

Мы ждали.

— Милдред, а фамилию забыла, — сказала она, поджав губы.

Я глубоко вздохнул.

— Может быть, Милдред Хэвиленд, миссис Грейсон?

Она облегченно улыбнулась и кивнула:

— Конечно. Милдред Хэвиленд. Ты помнишь, Эустас?

Он не помнил. У него было выражение лица, как у лошади, которая попала в чужое стойло. Он открыл мне дверь.

— А какое это имеет отношение к делу?

— Вы сказали, Талли был тихий и скромный? — продолжал сверлить я. — Его никак нельзя было спутать с громкоголосым верзилой?

— О, нет! Безусловно, нет! — сказала миссис Грейсон. — Мистер Талли ниже среднего роста, средних лет, с каштановыми волосами и очень спокойным голосом. Он всегда выглядит немного... да, немного озабоченным. Я имею в виду не только его неприятности, но вообще, всегда.

— Для этого у него было множество причин, — сказал я.

Грейсон протянул мне свою костлявую руку. Ощущение было такое, словно я пожал вешалку для полотенец.

— Если вам удастся пригвоздить негодяя, — сказал он, и его губы судорожно сжались вокруг мундштука трубки, — тогда можете прийти и подать счет. Мы заплатим. Я имею в виду, конечно, Элмора.

Я ответил, что понял, кого он имеет в виду. А о счете не может быть и речи.

Я прошел через тихую лестничную клетку. Лифт тоже был обит внутри красным плюшем. В нем держался какой-то застарелый запах, словно три вдовы совместно пили там чай.

Глава 24

Дом на Уэстмор-стрит оказался маленьким дощатым строением, примостившимся позади большого здания. На домике не было номера, зато на основном здании висела освещаемая лампочкой эмалевая табличка: 1618. Вдоль боковой стены в глубь двора вела узкая дорожка. На маленькой террасе стоял один единственный стул. Я нажал кнопку звонка.

Звонок зазвонил тут же, за дверью. В двери было небольшое забранное проволоочной сеткой оконце, свет в доме не горел. Из темноты заплаканный женский голос спросил:

— Чего надо?

Я сказал в темноту:

— Мистер Талли дома?

Голос ответил резко:

— Кто его спрашивает?

— Друг.

Женщина в темном доме издала тихий звук, который, видимо, должен был изображать смехок. Может быть, она просто откашлялась?

— Допустим, — сказала она. — И сколько это будет стоить?

— На этот раз нисколько, миссис Талли, — ответил я. — Я предполагаю, вы — миссис Талли?

— Ах, оставили бы вы меня в покое! — произнес тот же голос. — Мистера Талли здесь нет. И не было. И не будет!

Я прижался носом к оконцу и попытался заглянуть внутрь. Неясно виднелась какая-то мебель. В той стороне, откуда доносился голос, угадывалась кушетка, на которой лежала женщина. Казалось, она лежала на спине и смотрела в потолок. И не шевелилась.

— Я больна, — сказал голос. — У меня было много горя. Уходите, оставьте меня в покое.

Я сказал:

— Ваш адрес мне сообщили Грейсоны, я сейчас прямо от них.

Возникла небольшая пауза. Потом послышался вздох.

— Никогда о таких не слышала.

Я прислонился к дверному косяку и оглянулся на дорожку, которая вела на улицу. Напротив, у обочины, стояла машина с незажженными фарами. Впрочем, вдоль квартала стояло еще несколько машин. Я сказал:

— Нет, вы о них слышали. Я работаю по поручению Грейсонов,

миссис Талли. Они все еще не оправились от горя. А как вы, миссис Талли? Вы не хотите вернуться к прежней жизни?

— Покоя я хочу! — закричала она.

— Мне нужна всего лишь справка, — сказал я, — и я ее получу. Мирным путем, если удастся. А придется — так менее мирным.

Голос снова зазвучал плаксиво:

— Опять полицейский?

— Вы прекрасно понимаете, что я — не полицейский, миссис Талли.

Грейсоны не доверились бы никакому полицейскому. Позвоните им и убедитесь.

— Не знаю я никаких Грейсонов, а если бы и знала... все равно, у меня нет телефона. Убирайтесь, полицейский. Я больна, уже целый месяц больна.

— Моя фамилия Марлоу, — сказал я. — Филип Марлоу. Я частный детектив из Лос-Анджелеса. Я говорил с Грейсонами. Мне многое известно, но я хочу поговорить с вашим мужем.

Женщина истерически захохотала.

— Вам многое известно! Слышала я это выражение. Господи, те же самые слова! Вам многое известно! Джорджу Талли тоже было многое известно... когда-то.

— Он может снова найти свой шанс, — сказал я. — Если только пойдет с правильной карты.

— Ах, вот вы на что рассчитываете! — воскликнула она. — Нет уж, лучше вычеркните его из своего списка.

Я прислонился к косяку и потер подбородок. На улице кто-то зажег сильный карманный фонарь. Зачем — не было видно.

Светлое пятно ее лица над кушеткой пошевелилось и исчезло. Лишь были неясно видны волосы. Женщина повернулась лицом к стене.

— Я устала, — сказала она, и голос ее звучал теперь совсем глухо. — Я бесконечно устала. Оставьте, молодой человек. Будьте так добры — уходите!

— Может быть, вам пригодилось бы немного денег?

— Вы что, не чувствуете сигарного дыма?

Я принюхался, запаха сигар я не почувствовал.

— Нет.

— Они были здесь. Ваши дружки из полиции. Приходили два часа назад. Господи боже мой, я сыта этим по горло! Уходите же наконец!

— Что вы хотите этим сказать...

Она резко повернулась на кушетке, и я снова увидел светлое пятно ее

лица.

— Что я хочу сказать? Я вас не знаю. И знать не хочу! Мне нечего вам сказать. И ничего не сказала бы, даже если было бы что. Я здесь живу, молодой человек, если это можно назвать жизнью. Во всяком случае, живу как могу. Я ничего не хочу, лишь немножко мира и покоя. А теперь ступайте и оставьте меня!

— Пожалуйста, откройте мне дверь, — сказал я. — Нам надо поговорить. Я убежден, что смогу вам доказать...

Внезапно она вскочила с кушетки, и ее босые ноги зашлепали по полу. В ее голосе была еле сдерживаемая ярость.

— Если вы немедленно не уберетесь, я позову на помощь! Я буду кричать!

Убирайтесь! Немедленно!

— Хорошо, хорошо, — быстро ответил я. — Я подсуну вам под дверь мою визитную карточку, чтобы вы не забыли мою фамилию. Может быть, вы передумаете.

Я вытащил из кармана карточку и сунул ее в щель под дверь.

— Доброй вам ночи, миссис Талли.

Ответа не последовало. Ее глаза, смотревшие на меня из темноты, были матовыми, лишенными блеска. Я спустился с терраски и по дорожке вышел на улицу.

На противоположной стороне, у машины, стоявшей с погашенными фарами, тихо заурчал мотор. Ну и что? Моторы работают у тысячи машин на тысячах улиц, что же в этом особенного?

Глава 25

Эта улица, Уэстмор-стрит, находилась в богом забытой части города и вела с севера на юг. Я поехал на север. На следующем углу я пересек старые трамвайные рельсы и оказался на автомобильном кладбище. За деревянными решетками лежали трупы бесчисленных старых автомобилей. Они громоздились кучами, словно на поле боя. Штабели проржавевших деталей казались в лунном свете какими-то диковинными строениями. Оставленные между ними проходы были широкими, как улицы.

Внезапно в зеркале над приборным щитком вынырнули светящиеся фары. Они становились все больше и больше. Нажав на газ, я одновременно отпер перчаточный ящик на приборном щитке и достал свой револьвер 38-го калибра.

Положил его рядом на сиденье.

За кладбищем находился кирпичный завод. Высокая дымовая труба резко выделялась на фоне темных груд кирпича и мрачных деревянных строений.

Пустота: ни движения, ни людей, ни огонька.

Машина приближалась. Тихое завывание сирены, словно ее еле тронули, прорезало ночь. Звук раскатился по пустырю справа, по двору кирпичного завода слева. Я еще сильнее нажал на газ, но бесполезно. Они двигались быстрее. Улицу осветил яркий свет красного прожектора: приказ остановиться.

Полицейская машина поравнялась со мной и попыталась преградить мне путь. Я, уклоняясь, резко повернул свой «крайслер» и круто развернулся: какой-нибудь дюйм — и у меня ничего бы не получилось. Я выровнял машину и помчался в противоположном направлении со всей скоростью, на какую она была способна. За собой я слышал визг тормозов, звук переключаемых скоростей, яростное завывание мотора. Свет от красного прожектора, словно гигантская метла, прошелся по двору кирпичного завода.

Бессмысленно. Они опять быстро догоняли меня. Я не видел выхода. Мне лишь хотелось скорей оказаться среди жилых домов, среди людей, которые, может быть, выйдут, может быть, потом вспомнят...

Делать было нечего. Полицейский автомобиль прижался сбоку к моему «крайслеру», и грубый голос прокричал:

— Стой — или будем стрелять!

Я подъехал к обочине и остановился. Убрав револьвер на место, я запер ящик. Полицейская машина покачивалась на рессорах рядом с моим левым передним крылом. Из нее выскочил толстый человек в полицейской форме.

— Вы что, никогда сирены не слышали? Вон из машины!

Я вылез и стал рядом со своим «крайслером» в свете луны. У толстого в руке был револьвер.

— Ваши водительские права! — пролаял он голосом жестким, как сталь.

Я молча вытащил права и протянул ему. Второй полицейский вылез из-за руля, подошел ко мне с другой стороны и взял их. Включив карманный фонарь, он просмотрел документы.

— Так, фамилия Марлоу, — сказал он. — Черт побери, этот тип — частный сыщик. Можешь себе представить, Конни?

Конни сказал:

— И больше ничего? Ну тогда это не понадобится. — Он сунул револьвер в кобуру и застегнул ее. — Я с ним и так справлюсь. Без оружия.

Второй осклабился:

— Еще бы! Мчится со скоростью пятьдесят пять миль, да еще пьян! Ничего удивительного!

Второй наклонился ко мне, все еще издевательски ухмыляясь, и вежливо произнес:

— Вы позволите, мистер частный детектив?

Он принялся.

— Гм, — сказал он. — Вроде не пахнет, это надо признать.

— Довольно прохладно для летней ночи. Угостите парня хорошим глоточком, лейтенант Добс.

— Идея недурна, — сказал Добс. Он пошел к своей машине и вытащил полулитровую бутылку. Поднял ее. Жидкости в ней было на треть. — Это всего лишь легкий коктейль, — сказал он, протянув мне бутылку. — Выпейте! За свое собственное здоровье!

— А если я откажусь?

— Только не говорите так, — ухмыльнулся Конни. — Иначе мы можем подумать, что вы предпочитаете пару пинков в живот!

Я взял бутылку, отвинтил пробку и понюхал. Пахло виски. Чистым виски.

— Не можете же вы до бесконечности повторять один и тот же трюк! — сказал я.

На Конни это не произвело никакого впечатления.

— Сейчас ровно восемь часов двадцать семь минут. Запомните, лейтенант Добс.

Добс пошел к своей машине и наклонился внутрь, чтобы сделать запись в рапорте. Я поднял бутылку и сказал Конни:

— Вы настаиваете, чтобы я выпил?

— Нет. Все-таки пару пинков я дал бы вам еще охотнее.

Я поднес бутылку ко рту, крепко сжал горло и наполнил рот крепкой жидкостью. В этот момент Конни сделал выпад и сильно ударил меня кулаком в живот. Я выплюнул виски и скорчился. Меня вырвало. Бутылка упала на мостовую.

Я наклонился, чтобы поднять ее, и прямо перед глазами увидел жирное колено Конни. Я отскочил в сторону, выпрямился и со всей силы, всем своим весом ударил его в лицо. Он схватился рукой за нос и взвыл. Другая рука метнулась к кобуре. Добс отшвырнул меня в сторону, схватил Конни за руку и отвел ее вниз. Резиновая дубинка ударила меня по левому колену. Нога сразу онемела, я с размаху сел на мостовую, скрипя зубами и выплевывая виски.

Конни отнял ладонь от лица. Она была полна крови.

— Иисус, — жалобно прохрипел он. — Кровь! Моя кровь! — Он издал дикий рев и попытался ударить меня ногой в лицо.

Мне удалось отклониться лишь настолько, чтобы удар пришелся в плечо. Но и этого было достаточно. Добс втиснулся между нами и сказал:

— Хватит, парень. Что надо — сделано. Лучше не будем пересаливать.

Конни, спотыкаясь, отступил на три шага, сел на подножку своей машины и закрыл лицо ладонью. Другой рукой он достал носовой платок и принялся бережно обтирать нос.

Добс сказал:

— Не заводись. Мы свое выполнили. Точно по программе. — Он слегка похлопывал себя резиновой дубинкой по бедру. Конни поднялся с подножки и неверными шагами двинулся вперед. Добс уперся ему в грудь ладонью. Конни попытался отстранить руку лейтенанта.

— Я хочу видеть его кровь! — рычал он. — Грязная собака! Его кровь!

Добс резко произнес:

— Ничего не поделаешь. Успокойся. Дело сделано.

Конни повернулся и тяжеловесно направился к полицейской машине. Он прислонился к ней, что-то бормоча в свой носовой платок. Добс сказал мне:

— А ну-ка, вставай, дружок!

Я поднялся, потирая колено. Внутри него какой-то нерв

неистовствовал, как взбесившаяся обезьяна.

— В машину! — приказал Добс. Я сел в полицейский автомобиль. Добс сказал своему партнеру:

— Ты поведешь вторую машину.

— Будь я проклят, если не оборву ей все крылья, — прогудел тот.

Добс поднял бутылку из-под виски, бросил ее через забор и уселся рядом со мной. Он нажал на стартер.

— Это пойдет за ваш счет, дружок, — сказал он. — Не надо было вам его бить.

— А почему бы и нет?

— Он хороший парень. Только немного резкий.

— Шутки у него неважные. Совсем скверные шутки.

— Не скажите этого при нем, — посоветовал Добс трогаясь. — А то наступите на его любимую мозоль.

Конни громко захлопнул дверь «крайслера», завел мотор и воткнул рычаг скорости с такой яростью, словно задался целью его сломать. Добс ловко развернулся, и мы поехали опять в северном направлении, мимо кирпичного завода.

— Наша новая тюрьма вам понравится! — сказал он.

— А какое обвинение вы мне собираетесь предъявить?

Он минуту подумал, продолжая править машиной осторожно, даже почти элегантно. Одновременно он наблюдал в зеркало за Конни, следовавшим за нами в «крайслере».

— Превышение скорости, — сказал он, — отказ остановиться. И прежде всего 10.

«10» на языке полицейских означает «тяжелое опьянение».

— А может быть, лучше так: удар кулаком в живот, ногой в плечо, принуждение под угрозой избиения к питью виски, угроза оружием и удар резиновой дубинкой безоружного человека?

— Бросьте вы болтать, — сказал он с досадой. — Думаете, я не мог бы найти себе занятия поприятнее?

— Я считал, что этот город когда-то очистили от дерьма и что приличный человек может показаться на улице без пулезащитного жилета.

— Очистить-то его очистили, но, видно, недостаточно тщательно. Иначе здесь не кишело бы охотниками за грязными долларами.

— Такие слова могут вам стоить нашивок, — заметил я. Он засмеялся.

— Черт бы побрал их всех!

Для него это происшествие казалось исчерпанным. Оно ничего для него не значило. Было будничным и естественным. Он даже не испытывал

ни малейших угрызений совести.

Глава 26

Камера была новая, с иголки. Серая краска стальных стен и двери еще сохранила первозданную свежесть, лишь в двух-трех местах виднелись следы от выплюнутой табачной жвачки. Лампа была вделана в потолок и прикрыта массивным колпаком из армированного стекла. Вдоль одной стены стояла двухэтажная койка. Наверху, завернувшись в темно-серое одеяло, храпел какой-то человек. Поскольку мой сокамерник улегся спать так рано, от него не исходил запах виски или джина и, помимо всего прочего, он избрал себе верхнее место, было ясно, что это завсегдатай.

Я уселся на нижнюю постель. Они ощупали меня в поисках оружия, но карманов не выворачивали. Я достал сигарету и стал массировать распухшее колено. Боль распространилась до лодыжки. Виски, которым пропиталась верхняя часть пиджака, издавал отвратительный запах. Я подтянул вверх ткань и вдувал в нее дым от сигареты. Но дым, не задерживаясь, поднимался к светлому четырехугольнику из стекла на потолке. В тюрьме было очень тихо. Где-то, очень далеко, визгливо кричала женщина, но это было, по-видимому, в другом крыле здания. Здесь же было тихо, как в церкви.

Женщина кричала изо всех сил. Это был тонкий, высокий, какой-то ненатуральный звук, похожий на вой койотов в лунную ночь. Через некоторое время она замолчала.

Я выкурил две сигареты и бросил окурки в стоявший в углу унитаз. Сосед надо мной продолжал храпеть. Лицо его было накрыто. Был виден только клоч влажных жирных волос, выглядывавших из-под края одеяла. Он лежал на животе и спал непробудным сном. Этот человек явно был крепкой породы.

Я сидел на койке с жестким тонким матрасом на стальных пружинах. На ней лежали два аккуратно сложенных одеяла. Неплохая тюрьма, действительно. Она располагалась на двенадцатом этаже нового здания ратуши. Милая ратуша, действительно. И милый городок, этот Бэй-Сити. Ведь живут же в нем люди, которые находят жизнь прелестной. Если бы я здесь жил, я бы, вероятно, придерживался того же мнения. Я смотрел бы на красивую синюю бухту, скалы, яхт-клуб, на тихие улицы со спокойными старыми погруженными в мечты домами, под тенистыми деревьями, и новыми домами с зелеными газонами и проволочными изгородями. Я знал одну девушку, которая жила на Двадцать пятой улице.

Милая улица. Милая девушка. Я любил такой Бэй-Сити.

Эта девушка безусловно не задумывалась о кварталах бедноты, где в развалюхах-казармах жили негры и мексиканцы. И о портовых пивных, сгрудившихся на плоском берегу, к югу от скал, о провонявших потом танцульках, о лавочках, где курили марихуану, о жуликоватых лисьих мордах, спрятавшихся за развернутыми газетами в слишком тихих холлах гостиниц, о карманниках и сутенерах, о пьяных матросах и спекулянтах, о сводницах и проститутках.

Я подошел к двери камеры. В коридоре никого не было. Коридор был сумрачен и молчалив. Жизнь здесь не была ключом.

Посмотрел на часы. Девять пятьдесят четыре. Время идти домой, надевать домашние туфли и садиться за шахматы. Время для стакана славного прохладного напитка и долгой уютной трубки. Время положить ноги на стул, сидеть тихо и ни о чем не думать. Время, позевывая, полистать журнал. Время быть человеком — отцом семейства, хозяином своего дома, у которого нет никакого другого дела, кроме наслаждения ночным воздухом, кроме отдыха перед завтрашним трудовым днем.

Служащий в серо-синей тюремной форме шел вдоль камер, посматривая на номера. Он остановился перед моей камерой, отпер дверь и посмотрел на меня с тем жестким выражением, которое они здесь обязаны сохранять на лице всегда, всегда и всегда: «Я из полиции, дружок, Я парень крепкий. Смотри-ка, браток, а то мы тебя так отделаем, что забудешь, мужчина ты или баба. А ну-ка, выкладывай, браток, выкладывай всю правду, выкладывай, выкладывай, не забывай, что мы парни крепкие. Мы из полиции, а с такими бродягами, как ты, мы делаем, что захотим».

— Выходи, — сказал он.

Я вышел из камеры, он снова запер дверь и пальцем показал, куда идти дальше. Мы подошли к высокой стальной решетке, он отпер ее и опять запер за нами. Ключи весело позвякивали на большом стальном кольце. Спустя некоторое время мы прошли через стальную дверь, которая снаружи была выкрашена, как деревянная, а изнутри напоминала люк на военном корабле.

Дегамо стоял у шкафа и разговаривал с сержантом-писарем. Он повернулся ко мне и спросил:

— Ну, как дела?

— Хороши.

— Нравится вам наша новая тюрьма?

— Ваша тюрьма мне очень нравится.

— С вами хочет поговорить капитан Уэббер.

— Очень рад.

— Я вижу, у вас теперь нет других слов, кроме похвал.

— В настоящий момент нет, — подтвердил я, — здесь нет.

— Вы хромаете, бедняжка? Неужели споткнулись?

— Да, — сказал я. — Споткнулся о резиновую дубинку. Она подпрыгнула и укусила меня в левое колено.

— Какая жалость! — произнес Дегамо без всякого выражения. — Получите у писаря ваши вещи.

— Мои вещи при мне. У меня ничего не отбирали.

— Да? Это хорошо, — сказал он.

— Да, это хорошо, — подтвердил я. Писарь поднял голову, внимательно посмотрел на нас обоих и сказал:

— Надо было бы вам видеть Конни, его миниатюрный носик. Производит незабываемое впечатление. Он у него размазан по всему лицу, как сироп по вафле.

Дегамо спросил с отсутствующим видом:

— А что случилось? Он ввязался в драку?

— Не могу сказать, — ответил писарь. — Может быть, это та же самая дубинка подпрыгнула и укусила его.

— Для сержанта вы разговариваете чертовски много, — сказал Дегамо.

— Сержанты-писари всегда разговаривают слишком много, — ответил тот. — Видимо, по этой причине они и не дослуживаются до лейтенанта из следственного отдела!

— Видите, как мы здесь живем! — сказал Дегамо с иронией. — Как большая, счастливая, любящая семья!

— С сияющими улыбками на лицах, распростертыми объятиями и резиновыми дубинками в каждой руке.

Дегамо резко отвернулся. Мы вышли в коридор.

Глава 27

Капитан Уэббер высунул свой острый загнутый нос из-за конторки, увидел меня и сказал:

— Садитесь.

Я сел на жесткий стул с подлокотниками и примостил свою левую ногу так, чтобы она не касалась твердого края сиденья. Это была большая чистая угловая комната. Дегамо в углу скрестил ноги, задумчиво потирал запястье и смотрел в окно. Уэббер продолжал:

— Вы сами вызвали неприятности, и вы их получили. Вы ехали со скоростью пятьдесят пять миль в час, в черте города, вы не подчинились приказу остановиться, хотя слышали звук сирены и видели красный стоп-сигнал. Когда вас остановили, вы позволили себе оскорбить полицейского и ударили его в лицо.

Я ничего не ответил. Уэббер взял спичку, сломал ее пополам и бросил через плечо.

— Или, может быть, вы скажете, что они, по обыкновению, лгут? — спросил он.

— Я не читал рапорта, — сказал я. — Может быть, я и ехал со скоростью 55 миль в черте города. Полицейская машина ждала перед домом, который я посетил. Когда я тронулся, она последовала за мной. Я сначала еще не знал, что это полицейская машина. Я не видел причин, почему меня надо преследовать, поэтому мне все это не понравилось. Вот я и постарался прибавить скорости. Но я лишь хотел добраться до освещенной части города.

Дегамо обратил взгляд на меня. Уэббер нетерпеливо прикусил губу.

— Ну, а после того, как вы поняли, что это полицейская машина, вы развернулись посреди квартала и снова пытались удрать. Правильно?

— Правильно, — ответил я. — Но дайте мне возможность говорить свободно, если хотите, чтобы я все объяснил.

— Свобода слова мне не мешает, — сказал Уэббер. — У меня слабость к свободе слова.

Я заявил:

— Эти полицейские, которые меня поймали, поджидали меня перед домом, где живет жена Джорджа Талли. Они зашли к ней раньше, чем я. Джордж Талли был здесь, в Бэй-Сити, частным детективом. Я хотел с ним поговорить. Дегамо знает, о чем я хотел с ним говорить.

Дегамо вытащил из кармана спичку и начал спокойно ее жевать. Он кивнул без всякого выражения. Уэббер и не посмотрел на него.

Я сказал:

— Вы дурак, Дегамо. Что вы ни задумаете — все глупо, да и выполняете задуманное по-дурацки. Когда вы вчера потребовали у меня ответа перед домом Элмора, вы сходу начали грубить, хотя для грубости не было никаких оснований. Вы возбудили мое любопытство, хотя до этого у меня не было никакого интереса к Элмору. Вы даже проговорились о том, как мне удовлетворить свое любопытство, если дело покажется мне важным. Если вы хотели уберечь своих друзей, то вам надо было держать язык за зубами и ждать, не предприму ли я сам чего-нибудь. А сам бы я никогда ничего не стал предпринимать. Именно так вы могли бы избежать того, что теперь дело пошло полным ходом.

Уэббер проворчал:

— Черт возьми, что здесь общего с вашим поведением в двенадцатом квартале Уэстмор-стрит?

— Это связано с делом Элмора. Джордж Талли расследовал дело Элмора, пока его не засадили за решетку по обвинению в управлении машиной в состоянии опьянения!

— Дело Элмора вел не я, и оно меня не касается, — накинулся на меня Уэббер. — И я не знаю, кто первый всадил нож в грудь Юлия Цезаря. Не уклоняйтесь от темы, черт вас побери!

— А я и не уклоняюсь. Дегамо в курсе дела Элмора, только он не любит, чтобы об этом говорили. Даже ваши парни из патруля — и те в курсе дела. Конни и Добс не имели других причин меня преследовать, кроме одной: я посетил жену человека, который расследовал дело Элмора! Когда они за мной погнались, у меня скорость была меньше двадцати пяти миль. Я попытался удрать, потому что с полным основанием предвидел, что они начнут меня избивать за то, что я там появился. И эту уверенность мне внушил Дегамо.

Уэббер быстро посмотрел на Дегамо. Синие глаза Дегамо безучастно разглядывали противоположную стену, Я продолжал:

— Я не ударял Конни по носу, пока он не вынудил меня угрозами пить виски и не ударил меня кулаком в живот, так что я облил весь пиджак. Не может быть, чтобы вы впервые слышали об этом трюке, капитан Уэббер!

Уэббер сломал вторую спичку. Откинувшись в кресле, он рассматривал свою узкую ладонь. Потом опять посмотрел на Дегамо:

— Что вы можете на это сказать?

— Черт возьми, — ответил Дегамо. — Эта ищейка попала на пару

идиотов. Они глупо с ним пошутили — вот и все. А если он шуток не понимает...

— Значит, это вы послали Конни и Добса?

— Ну... я, — сказал Дегамо. — Я не знаю, к чему мы придем, если будем пускать к себе в город разных ищеек и позволять им ворошить старое дерьмо, лишь бы получить возможность выжать из пары старых идиотов приличный гонорар. Таких парней надо учить, и как следует!

— Значит, для вас это так выглядит? — спросил Уэббер.

— Вот именно, так и выглядит.

— Я размышляю, в чем нуждаются такие люди, как вы, — сказал Уэббер. — В данный момент, я полагаю, вы больше всего нуждаетесь в свежем воздухе. Будьте добры, лейтенант Дегамо, отправляйтесь-ка прогуляться.

Лейтенант медленно открыл рот.

— Вы имеете в виду... чтобы я закрыл дверь с той стороны?

Уэббер внезапно быстро наклонился, его острый подбородок был похож сейчас на нос крейсера.

— Будьте так любезны!

Дегамо медленно встал, на его скулах появились красные пятна. Он положил на стол плашмя свою большую ладонь и посмотрел на Уэббера. Некоторое время царило тягостное молчание. Потом он сказал:

— Ладно, капитан. Но вы ставите не на ту карту!

Уэббер не ответил. Он подождал, пока за Дегамо закрылась дверь, потом сказал:

— Вы полагаете, что сумеете связать дело Элмора полуторогодовой давности с убийством Лэвери? Или вы просто пытаетесь увести нас в сторону, хотя сами уверены в виновности жены Кингсли?

— Это дело было связано с Лэвери еще до того, как его пристрелили. Но, может быть, и не очень крепко, да и плохим узлом. Но при всех условиях связано настолько, что мне было над чем задуматься.

— Я несколько основательнее занялся этим делом, чем вы полагаете, сказал Уэббер холодно. — Хотя лично я не имею никакого отношения к делу о смерти миссис Элмор. Тогда я еще не был начальником следственного отдела. Если вы вчера утром и не были еще знакомы с Элмором, то за это время, должно быть, немало о нем узнали.

Я подробно рассказал ему все, что слышал, как от мисс Фромсет, так и от Грейсонов.

— Итак, по вашей теории получается, что Лэвери шантажировал доктора? — спросил он, когда я закончил. — И что это как-то связано с его

убийством?

— Это не теория. Это не более как версия. Но с моей стороны было бы упущением пройти мимо такой версии. Отношения между Элмором и Лэвери могли зайти далеко и стать опасными, а могли быть просто соседскими и весьма поверхностными. Я же не знаю, может быть, они вообще ни разу ни говорили друг с другом. Но если в деле Элмора все чисто, то почему он так остро настроен против всякого, кто проявляет к нему интерес? Может быть, арест Талли, когда он расследовал это дело, — чистая случайность. Может быть, случайность, что Лэвери застрелили до того, как мне удалось поговорить с ним вторично. Но то, что двое ваших людей сегодня охраняли дом Талли, готовые задержать меня, если я там появлюсь, — это уже не случайность!

— Это я признаю, — сказал Уэббер. — И не считаю этот вопрос исчерпанным.

Желаете предъявить обвинение?

— Жизнь слишком коротка, чтобы имело смысл предъявлять обвинения полиции.

— Тогда забудем об этом, — сказал он, — и приобщим к нашему жизненному опыту. Поскольку, как я установил, вас даже не зарегистрировали в тюремной книге, вы можете в любой момент ехать домой. И будь я на вашем месте, я бы предоставил капитану Уэбберу заниматься делом об убийстве Лэвери, а также связью между этим убийством в делом Элмора.

— Тогда, может быть, и связью между этим убийством и некой женщиной по имени Мюриэль Чесс, которую выудили из озера Маленького фавна?

Он высоко поднял брови.

— Что вы хотите этим сказать?

— Лишь то, что вы, возможно, слышали о ней под другим именем. Если предположить, что вы ее знаете, то тогда под именем Милдред Хэвиленд, медсестры доктора Элмора. Это Милдред в известную вам ночь уложила в постель миссис Элмор, а позднее — ту нашли мертвой в гараже. И если в этой внезапной смерти было что-то нечисто, то медсестра должна была бы знать об этом. А потом ее либо подкупили, либо припугнули, и она уехала из города.

Уэббер взял две спички и сломал их. Его маленькие серьезные глаза были неотрывно устремлены на мое лицо. Он ничего не сказал.

— И это тот пункт, — продолжал я, — где мы действительно сталкиваемся с причинной связью, единственной, которую я во всей

картине вижу четко. Милдред Хэвиленд встретила в Риверсайте в одном кафе человека по имени Билл Чесс. У нее были веские причины выйти за него замуж и поселиться в горах, у озера Маленького фавна. Однако это озеро — владение человека, чья жена имела интимные отношения с Лэвери, который, со своей стороны, нашел труп Флоренс Элмор. Одно это уже можно назвать совпадением, причем не случайным. Может быть, оно и случайное, но в этом есть зацепка. А все остальное лишь отсюда исходит.

Уэббер встал и подошел к холодильнику. Он дважды заполнил бумажный стаканчик водой и выпил обе порции. Потом задумчиво смял стаканчик в руке, скрутил из него шарик и бросил в металлическую корзинку для мусора. Подошел к окну и посмотрел на бухту. В порту горели огни... Он медленно вернулся, сел за стол и провел рукой по лицу. Было ясно, что он принимает какое-то решение. Он медленно произнес:

— И все-таки я не могу понять, какой смысл связывать все это со старой историей полуторагодичной давности.

— Что ж, я согласен, — сказал я. — Большое спасибо, что вы уделите мне столько времени. — Я встал, собираясь уйти.

— Подождите минутку, — сказал Уэббер. — Если уж мы вынуждены в связи с этим вернуться к делу Элмора, то давайте вытащим его на белый свет и внимательно рассмотрим.

— Самое время это сделать, — ответил я и снова уселся.

Глава 28

Уэббер спросил:

— Чего вы хотели добиться от Талли, когда сегодня вечером направились в его дом?

— Он нашел какой-то след, касавшийся смерти Флоренс Элмор. Ее родители наняли его, чтобы он расследовал это дело, но он так никому и не сообщил, в чем заключалась найденная им улика.

— И вы думали, что он расскажет вам? — с иронией спросил Уэббер.

— Во всяком случае я хотел сделать попытку.

— А может быть, вы заинтересовались этим только потому, что Дегамо грубо вел себя с вами и вы надеялись с ним рассчитаться?

— Возможно, это тоже сыграло известную роль.

— Этот Талли — жалкий маленький шантажист, — сказал Уэббер презрительно. — И не только в данной истории. Чтобы от него избавиться, был хорош любой способ. Но я вам скажу, чем он располагал: у него была туфля, которую он украл с ноги мертвой миссис Элмор.

— Туфля?

Он слегка улыбнулся.

— Да, туфля, бальная туфля. Ее позднее нашли у него в доме, где он ее спрятал. Зеленая бальная туфелька, с каблуком, украшенным несколькими маленькими камушками. Изготовлена одним сапожником из Голливуда, который делает туфли для театральных постановок и так далее. Теперь вы можете спросить, что же в этой туфле было важного?

— Что же в этой туфле было важного, капитан?

— У нее было две пары таких туфель, совершенно одинаковых, заказанных одновременно. Это — не редкость, так часто делают. На случай, если одна раньше сносится, либо какой-нибудь невежа наступит своей даме на ногу. — Он сделал паузу и рассмеялся. — Но эта, вторая пара, так никогда и не была в носке.

— Мне кажется, что я догадываюсь, в чем было дело, — сказал я.

Уэббер откинулся и побарабанил пальцами по подлокотнику.

Он ждал.

— Дорога от боковой двери дома до гаража — бетонная, — сказал я. — Бетон шероховатый. Представим себе, что она этот путь не прошла, а ее пронесли. И предположим, тот, кто ее нес, надел ей наскоро пару туфель... может быть, он случайно взял одну неношеную!

— Ну и что?

— Дальше. Предположим, Талли это заметил. Тогда он снял неношенную туфлю и увидел в этом доказательство, что Флоренс Элмор была убита!

Уэббер кивнул.

— Это было бы уликой, если бы он оставил туфлю на ноге и полиция это обнаружила бы. Но то, что он взял туфлю себе, только и доказывает, что этот Талли — вонючая крыса.

— А пробу на окись углерода делали?

Уэббер положил руки на крышку стола и разглядывал их.

— Да, — сказал он. — И, разумеется, окись углерода нашли в легких. Так что полицейский офицер этим и ограничился. Не было никаких признаков насильственных действий! Он был убежден, что доктор Элмор не убивал свою жену. Может быть, это и было ошибкой. Я придерживаюсь той точки зрения, что расследование было проведено чересчур поверхностно.

— А кому было поручено расследование?

— Я думаю, вы и сами знаете ответ на этот вопрос.

— А когда прибыла полиция, никто не обратил внимания на отсутствие одной туфельки?

— Когда прибыла полиция, обе туфельки были на месте. Вы не должны забывать, что доктор Элмор тем временем вернулся домой, так как Лэвери его разыскал по телефону. Причем сделал это раньше, чем вызвал полицию. Все, что нам известно о недостающей туфле, рассказал Талли. А он мог украсть неношенную туфлю и из дома. Дверь-то оставалась открытой! Прислуга спала. Это вполне на него похоже. Он парень ловкий. Правда, он мог не знать расположения комнат в доме и так далее.

Мы смотрели друг на друга и думали.

— С другой стороны, возможно, — произнес капитан медленно, — что эта медсестра была сообщницей Талли и они вместе разработали план, как шантажировать доктора. Это не исключено. Есть даже некоторые соображения, которые говорят об этом.

Неожиданно он спросил:

— А какие у вас основания утверждать, что утонувшая в озере женщина и есть эта медсестра?

— Оснований два, причем каждое по отдельности не бесспорно, но вместе взятые они весят довольно много. Какой-то грубый парень, который выглядел и вел себя, как Дегамо, появился пару недель назад в Пума Пойнт и показывал всем фотографию Милдред Хэвиленд. Она была весьма

похожа на Мюриэль Чесс. Волосы и форма бровей были другими, но сходство все-таки было. Ему никто не оказал помощи. Назвался он Де Сото и сказал, что из полиции. Когда об этом рассказали Мюриэль Чесс, она явно испугалась. Если этим Де Сото в действительности был Дегамо, то это легко доказать. Вторая причина следующая. В пакете с сахарной пудрой в хижине Билла Чесса нашлась тщательно спрятанная золотая ножная цепочка. На ней висело сердечко, а на его обратной стороне было выгравировано: «Милдред от Эла, 28 июня 1938 г. С любовью».

— Есть и другие Элы, — сказал Уэббер. — И другие Милдред.

— Ну, в это вы и сами не верите, капитан! Он наклонился вперед, выставив перед собой указательный палец.

— А что вы думаете по этому поводу, Марлоу?

— Я хотел бы найти доказательства, что Криса Лэвери убила не миссис Кингсли. Что смерть. Лэвери находится в связи с делом Флоренс Элмор. И с Милдред Хэвиленд. А возможно, и с самим доктором Элмором. Я бы хотел доказать, что миссис Кингсли исчезла со сцены только потому, что на нее кто-то нагнал страху. Что она, возможно, знала об убийстве, а возможно и нет, но сама никого не убивала. Если мне удастся это доказать, я заработаю пятьсот долларов. Нет ничего противозаконного, если я по крайней мере сделаю такую попытку.

— Безусловно, нет, — кивнул он. — Здесь все в порядке. Мы пока не нашли миссис Кингсли, — прошло слишком мало времени. Но я не стану вам помогать в попытках обвинить одного из моих подчиненных.

— Я слышал, что вы называли Дегамо «Эл». Но вообще-то я думал про Элмора. Ведь его зовут Элберт. Уэббер рассматривал свой большой палец.

— Но он никогда не был на ней женат, — заметил он спокойно. — Дегамо же, напротив, был женат на Милдред Хэвиленд. Если бы вы знали, как она с ним обошлась! Многое, что теперь кажется в нем скверным, есть результат этого брака.

Я сидел молча. После некоторой паузы сказал:

— Теперь я начинаю видеть вещи, о существовании которых не имел понятия. Так что же она была за жена?

— Красивая, ловкая, очень хитрая и злая. Она умела обращаться с мужчинами. Она доводила их до того, что они были готовы ей подметки лизать.

Дегамо и сегодня оторвал бы вам голову, если бы вы посмели сказать о ней дурное слово. Она развелась с ним, но для него этим ничего не кончилось.

— Он знает, что она умерла?

Уэббер помедлил, прежде чем ответить.

— Из его слов этого заключить нельзя. Но если это та же женщина, то как он может не знать?

— Он же ее там не нашел, когда искал. По крайней мере, насколько мне известно.

— Если вы думаете, что Дегамо ее искал, чтобы причинить ей зло, то вы попали пальцем в небо! — сказал Уэббер.

— Собственно, этого я и не думал, — признал я. — Но такое стало бы возможным при условии, если бы Дегамо хорошо знал эту местность. Потому что тот, кто убил Мюриэль Чесс, должен был прекрасно ориентироваться в тех местах...

— Ладно, можете ехать, — сказал он. — Я бы предпочел, чтобы вы обо всем этом молчали.

Я кивнул, но ничего не пообещал. Когда я выходил из комнаты, он смотрел мне вслед.

«Крайслер» стоял у бокового входа, ключ торчал в замке зажигания, крылья не были повреждены. Конни не решился привести свою угрозу в исполнение. Я поехал назад в Голливуд и поднялся к себе в квартиру. Было поздно, почти полночь.

Холл, выкрашенный в два цвета — зеленый и слоновой кости, — был пустым и спокойным. Стояла тишина, только где-то звонил телефон. Он звонил настойчиво, звонок становился тем громче, чем ближе я подходил к своей двери. Я отпер дверь — это был мой телефон.

Я прошел в темноте через комнату и поднял трубку. Звонил Деррис Кингсли.

Его голос казался сдавленным и утомленным.

— Господи, куда вы делись? — накинулся он на меня. — Я уже несколько часов пытаюсь вас найти.

— Ладно. Вот я здесь. Что горит?

— Я получил известие о Кристель.

Я крепко обхватил трубку, стараясь не дышать.

— Дальше! — сказал я.

— Я нахожусь вблизи от вас. Могу быть у вас через пять-шесть минут. Приготовьтесь к отъезду.

Он замолчал.

Я продолжал сжимать трубку в руке. Потом медленно положил ее и посмотрел на руку. Пальцы свело, словно я все еще держал ее.

Глава 29

Раздался тихий, полуночный стук в дверь. Я открыл. Кингсли в своем кремовом спортивном костюме показался мне большим, как лошадь. У него на шее под поднятым воротником был платок в желто-зеленую клетку.

Красновато-коричневая спортивная шляпа была низко надвинута на лоб, из-под полей смотрели глаза, похожие на глаза больного зверя.

С ним была мисс Фромсет. На ней были светлые фланелевые брюки, сандалии и темно-зеленый жакет. Она была без шляпы, ее волосы блестели. Серьги в ее ушах имитировали маленькие цветы гардении, по два цветка в каждом ухе. И запах сандала, «Королевы духов», вошел: вместе с нею.

Я закрыл дверь, указал на кресло и сказал:

— Я думаю, глоток виски не повредит?

Мисс Фромсет уселась, положила ногу на ногу и оглянулась в поисках сигарет. Найдя их, медленными и ленивыми движениями прикурила и немного мрачно улыбнулась в потолок. Кингсли стоял посреди комнаты, покусывая нижнюю губу. Я пошел на кухню, приготовил коктейли и предложил их гостям. Со своим стаканом я уселся в углу, около шахматного столика. Кингсли спросил:

— Где вы были и что с вашей ногой?

— Резиновая дубинка одного полицейского, — ответил я. — Маленький сувенир на память о полиции Бэй-Сити. Там это входит в комплекс местного гостеприимства. Где я был? В тюрьме, за езду в состоянии опьянения. И если я правильно истолковываю ваше выражение лица, мне предстоит вскоре снова там оказаться.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — фыркнул он. — Не имею ни малейшего понятия. Вы выбрали неподходящее время для шуток.

— Как вам будет угодно, — сказал я. — Итак, что вы о ней слышали? Где она?

Он сел, не выпуская из рук стакана, и достал из кармана пиджака конверт, длинный узкий конверт.

— Вы должны поехать к ней и передать ей это, — сказал он. — Пятьсот долларов. Она требовала больше, но это все, что мне удалось в этот час достать. Еще слава богу, что мне в клубе согласились оплатить чек. Ей надо немедленно уезжать из города.

Я спросил:

— Из какого города?

— Из Бэй-Сити или еще откуда-то. Я не знаю. Вы встретитесь с нею в кафе, которое называется «Павлиний погребок», на Восьмой улице.

Я посмотрел на мисс Фромсет, она все еще разглядывала потолок. Словно они приехали сюда просто лишь бы покататься на машине.

Кингсли положил конверт на шахматный столик. Я заглянул внутрь. Там лежали деньги. По крайней мере, хоть это было правдой. Я оставил его на полированной крышке столика, инкрустированной коричневыми и желтыми квадратами, и спросил:

— Но вы ведь говорили, что она может получать свои деньги сама, в любой момент? В любом отеле ей охотно разменяют чек. Или, может быть, на ее банковский счет наложен арест?

— Только не говорите так, — тяжелоვნно сказал Кингсли. — Она находится в трудном положении. В каком — я и сам не знаю. Может быть, на нее уже объявлен розыск... Вы не знаете?

Я не знал. У меня не было времени, чтобы слушать полицейские радиопередачи. Я и без того слишком много общался с полицией.

Кингсли продолжал:

— Ну, может быть, она сейчас не решается выписать чек. Раньше это действительно было просто. А теперь — нет. — Он поднял глаза и посмотрел на меня самым невыразительным взглядом, какой только можно себе представить.

— Ладно. Не будем искать причин там, где их, возможно, вообще нет, сказал я. — Значит, она в Бэй-Сити. Вы говорили с ней?

— Нет. С ней говорила мисс Фромсет. Она позвонила в контору. Как раз в тот момент, когда меня посетил этот капитан Уэббер. Естественно, мисс Фромсет постаралась побыстрее закончить разговор. Она попросила сказать номер телефона, по которому я смог бы позднее позвонить. Но Кристель отказалась назвать номер телефона.

Я посмотрел на мисс Фромсет. Наконец она медленно оторвалась от разглядывания потолка и теперь смотрела на мой пробор. В ее глазах ничего нельзя было прочесть. Они были как закрытые гардины.

Кингсли продолжал:

— Я не хотел с ней говорить. Она тоже не хотела со мной говорить. Я не хотел ее видеть. Я думаю, нет сомнений, что это она застрелила Лэвери.

Уэббер, по-видимому, совершенно в этом уверен.

— Это ничего не означает, — возразил я. — Что он говорит и что думает — далеко не одно и то же. Итак, она позвонила вторично. Когда?

— Было уже около половины седьмого, — сказал Кингсли. — Мы сидели в конторе и ждали ее звонка, — он повернулся к девушке. —

Рассказывайте дальше вы...

— Я сняла трубку в кабинете мистера Кингсли. Мистер Кингсли сидел рядом, но в разговоре не участвовал. Она потребовала, чтобы ей принесли денег в этот «Павлиний погребок», и спросила, кто это сделает.

— У нее был испуганный голос?

— Ничуть! Она была абсолютно спокойна и холодна, я бы сказала, холодна как лед. Она все тщательно продумала. Она была готова к тому, что деньги привезет кто-то, ей не знакомый. Казалось, она была заранее уверена, что Деррис... что мистер Кингсли сам не поедет.

— Можете спокойно говорить Деррис, — заметил я. — Я догадываюсь, кого вы имеете в виду.

Она легко улыбнулась.

— Итак, она будет заходить в этот «Павлиний погребок», через каждые пятнадцать минут после полного часа. В пятнадцать минут девятого, десятого и так далее... Я... я предложила, чтобы поехали вы. Я вас точно ей описала. И вы должны надеть шейный платок Дерриса, его я тоже описала. В кабинете в шкафу было несколько вещей, платок мне сразу бросился в глаза. Его не перепутаешь. Да, не перепутаешь. Несомненно. Яичница с петрушкой. Все равно что явиться в винный погребок с красно-бело-зеленым мельничным колесом под мышкой.

— Надо сказать, что для запуганной девушки вы рассуждаете вполне здраво, — заметил я.

— Я полагаю, что момент для шуток выбран неудачно, — резко вмешался Кингсли.

— Вы уже говорили что-то в этом духе, — возразил я. — Я нахожу, что вы чертовски наивны, предполагая, что я пойду в этот погребок, чтобы отнести деньги лицу, которое, как мне известно, разыскивается полицией.

Его лицо подергивалось.

— Согласен, это определенный перебор, — сказал он. — А вы сами что думаете?

— Если об этом станет известно, мы все трое окажемся сообщниками. Для супруга разыскиваемой женщины и его секретарши найдутся смягчающие обстоятельства. Но то, что уготовано мне, никак не назовешь увеселительной прогулкой!

— Я намерен это компенсировать, насколько в моих силах, — сказал он. — А если она невиновна, как вы утверждаете, то мы не окажемся сообщниками.

— Хорошо, предположим, — возразил я. — Если бы я был убежден в ее виновности, то я бы вообще не стал с вами на эту тему разговаривать.

Кроме того, имеется дополнительная возможность. Если я приду к убеждению, что убийство совершено ею, то всегда смогу передать ее полиции.

— Едва ли она станет вам признаваться. Я взял конверт и спрятал его в карман.

Скажет все, если захочет получить деньги. — Я посмотрел на часы. — Если я поеду сейчас же, то успею к пятнадцати минутам второго. В такой час встреча будет особенно уютной.

— Она выкрасила волосы в темный цвет, — сказала мисс Фромсет. — Вы должны об этом знать.

— Вряд ли это поможет мне поверить, что она — несчастная жертва случая. — Я опорожнил свой стакан и встал. Кингсли тоже допил одним глотком, поднялся, снял с шеи платок и протянул его мне.

— Чем это вы заслужили немилость полиции? — спросил он.

— Тем, что попытался реализовать сведения, которые мне любезно сообщила мисс Фромсет. Я разыскивал человека по фамилии Талли, который расследовал дело о смерти Флоренс Элмор. Это и привело к небольшому конфликту. Полиция наблюдала за его домом. Талли был частным детективом, работавшим по заданию Грейсонов.

Глядя на высокую черноволосую девушку, я добавил:

— Вы, вероятно, в состоянии объяснить ему всю ситуацию. В данную минуту не это самое важное. У меня нет на это времени. Вы подождете меня здесь?

— Нет, — покачал головой Кингсли. — Мы поедem ко мне домой и там будем ожидать вашего звонка.

Мисс Фромсет встала и зевнула.

— Нет, я очень устала, Деррис. Я поеду и лягу спать.

— Вы поедете со мной, — сказал он резко. — Вы должны помочь мне, иначе я окончательно сойду с ума.

— Где вы живете, мисс Фромсет? — спросил я.

— На площади Сансет, Бристон Тауэр. Квартира 716. А что? — Она смотрела на меня задумчиво.

— Может случиться, что мне потребуется это знать.

Выражение лица Кингсли было мрачным, а глаза его по-прежнему сохраняли взгляд больного зверя. Я повязал на шею его платок и зашел на кухню, чтобы погасить свет. Когда я вернулся, они оба стояли у двери. Кингсли обнял ее за плечи. У нее действительно был очень усталый вид.

— Ну что же, будем надеяться, — начал он, но не закончил, сделал быстрый шаг ко мне и протянул руку:

— Вы отличный парень, Марлоу. Спасибо.

Я посмотрел на него с недоумением. Они вышли.

Подождав, пока не поднялся лифт и они не вошли в него, я спустился по лестнице в гараж, чтобы снова разбудить мой бедный «крайслер».

Глава 30

«Павлиний погребок» находился в узком доме, рядом с магазином сувениров, в витрине которого поблескивали в свете уличных фонарей маленькие хрустальные зверюшки. Передняя стена погребка была облицована глазурованным кирпичом, в центре был изображен пестрый павлин.

Я вошел в бар и уселся в маленькой нише. Свет был желтым, как янтарь, кожа кресел — красная, столики, стоявшие в нишах, имели крышки из полированного металла. За одним столом сидело четверо солдат, они пили пиво, и глаза их уже порядочно остекленели. Несмотря на пиво, они явно скучали.

Напротив них расположилась небольшая компания из двух дам и двух потрепанных кавалеров, вели они себя шумно, и это был единственный источник шума в погребе. Не было видно никого, кто бы походил на Кристель Кингсли, какой я ее себе представлял. Морщинистый официант положил передо мной салфетку с изображением павлина и поставил коктейль. Потягивая его маленькими глотками, я поглядывал на янтарно-желтый циферблат настенных часов. Пятнадцать минут второго минуло. Один из мужчин, сидевших с дамами, внезапно встал и вышел, второй кавалер спросил:

— Ты зачем его так обругала?

Пронзительный голос ответил:

— Обругала? Вот это мне нравится! Он неприлично себя ведет, парень!

Мужчина ответил скучающим тоном:

— Ну, это еще не причина, чтобы ругаться!

Один из солдат внезапно рассмеялся, потом своей загорелой рукой стер смех с лица и снова утопил взгляд в пивной кружке. Я потихоньку потирал колено. Оно было горячим и распухшим, но, по крайней мере, онемелость прошла.

Вошел продавец газет — маленький бледный мексиканский мальчик с большими черными глазами. Проходя вдоль ниш, он пытался сбыть пару вечерних газет до того как бармен выставит его за дверь. Я купил газету и посмотрел, нет ли в ней интересной уголовной хроники. Ничего такого не было.

Я сложил газету и вдруг увидел стройную темноволосую женщину в

длинных черных брюках, желтой блузе и сером пальто, появившуюся неизвестно откуда и проходившую мимо моей ниши, не глядя в мою сторону. Я попытался сообразить, то ли мне знакомо это лицо, то ли мне просто приелся этот стандартный тип чрезмерно стройных, терпких красоток, которых я уже видел тысячами. Она вышла на улицу. Пару минут спустя опять появился мексиканец-газетчик, бросил осторожный взгляд на бармена и направился прямо к моей нише.

— Вас, мистер, — прошептал он, и его большие черные глаза многозначительно заблестели. Он приглашающе махнул рукой и протопал к выходу. Я допил коктейль и пошел за ним. Женщина стояла перед витриной и разглядывала сувениры. Когда я появился, она скосила глаза в мою сторону. Я подошел к ней.

Она еще раз осмотрела меня. Лицо у нее было бледным и усталым, волосы темными. Не поворачивая головы, она заговорила, обращаясь к витрине.

— Пожалуйста, дайте деньги. — Стекло слегка запотело от ее дыхания.

— Сначала я должен убедиться, кто вы.

— Вы же знаете, кто я, — сказала она тихо. — Сколько вы принесли?

— Пятьсот.

— Этого мало. Быстрее давайте их сюда! Я жду вас уже целую вечность.

— Где я могу с вами поговорить?

— Нам не о чем говорить. Вы отдаете мне деньги и идете своей дорогой.

— Не так-то это просто. То, что я сейчас делаю, сопряжено с большим риском. Я желаю в виде компенсации по меньшей мере знать, что происходит и как мне надо держаться.

— Черт бы вас побрал! — сказала она в бешенстве. — Почему он не приехал сам? Я не желаю ни с кем говорить, я хочу лишь как можно скорее уехать отсюда.

— Вы же не захотели, чтобы он приезжал. Даже говорить с ним по телефону не пожелали.

— Это верно, — ответила она быстро и откинула голову.

— Но со мной вам придется поговорить, — сказал я. — Я не так удобен в общении, как он. Вы поговорите либо со мной, либо с полицией. У вас нет выхода. — Я частный детектив и должен сам заботиться о собственной безопасности.

— Смотрите-ка, вот, оказывается, каковы частные детективы! — Ее

голос был тихим и ироничным.

— Ваш муж поступил так, как считал лучше. Ему было не просто найти правильное решение.

— Так о чем вы хотите со мной поговорить?

— О вас самой и о том, что вы сделали, и где были, и что собираетесь делать. Это и тому подобное. Мелочи — но для меня важные.

Она подышала на стекло и подождала, пока растаял маленький запотевший кружок.

— Я думаю, для вас было бы гораздо лучше, — сказала она тем же холодным голосом, — просто отдать деньги и предоставить мне самой справляться с моими заботами.

— Нет.

Она снова бросила на меня быстрый взгляд. Потом нетерпеливо пожала плечами в своем сером пальто.

— Ну что ж, если вы предпочитаете так... Я живу в «Гренаде», это в паре кварталов отсюда по Восьмой улице, номер 618. Дайте мне десять минут. Будет лучше, если я войду одна.

— У меня машина.

— Нет, лучше я пойду сама. — Она повернулась, дошла до угла, пересекла бульвар и исчезла за шеренгой деревьев. Я уселся в машину и подождал десять минут.

«Гренада» оказалась отвратительным серым зданием на перекрестке.

Стеклянная дверь выходила прямо на тротуар. Я завернул за угол и увидел светящийся матовый шар с надписью «Гараж». Пологий спуск вел в пропитанный резиновым запахом подвал, где рядами стояли машины. Из застекленной конторки появился худощавый негр и посмотрел на «крайслер».

— Сколько стоит оставить его ненадолго? Мне нужно в гостиницу.

Он осклабился:

— Уже довольно поздно, мистер. И пыль надо протереть. Все вместе — один доллар.

— Это — по прейскуранту?

— Все вместе один доллар, — упрямо повторил он.

Я вылез. Он дал мне номерок, я дал ему доллар. Не дожидаясь вопроса, он сказал, что лифт находится позади конторки, рядом с мужским туалетом.

Я поднялся на шестой этаж и огляделся. Было тихо, из открытого в конце коридора окна веял морской воздух. Внутри отель казался вполне приличным.

Конечно, пара доступных девушек найдется во всяком отеле. Этим и объяснялся доллар для негра. Видать, этот парень — отличный знаток людей!

Я стоял перед дверью номера 618. Помедлив несколько секунд, тихо постучал.

Глава 31

Она все еще была в пальто и стояла рядом с дверью. Я прошел мимо нее в квадратную комнату с широкой кроватью у стены и минимумом прочей мебели.

Маленькая лампа на подоконнике бросала приглушенный свет. Окно было открыто.

Женщина сказала:

— Итак, садитесь и говорите. — Она заперла дверь и села в уродливое кресло-качалку в противоположном углу комнаты. Я уселся на диван.

Справа от меня находился открытый дверной проем, завешенный зеленой портьерой. По-видимому, он скрывал вход в ванную комнату.

Скрестив руки на груди, женщина откинула голову на спинку качалки. Ее глаза из-под длинных накрашенных ресниц изучали меня. Брови были тонкими, выгнутыми и такими же темными, как волосы. Спокойное замкнутое лицо. Полное таинственности. Оно не выглядело как лицо человека, способного выставлять свои чувства напоказ.

— У меня было совсем другое представление о вас, — сказал я. — По описанию Кингсли.

Ее губы слегка скривились. Она не ответила.

— И по описанию Лэвери, — продолжал я. — Это доказывает, что разные люди говорят на разных языках.

— Для подобных разговоров у меня нет времени, — перебила она. — Что вы хотите знать?

— Он нанял меня, чтобы вас найти. Я старался это сделать. Предполагаю, вам это известно?

— Да, от его секретарши. Она сказала по телефону, что ваша фамилия Марлоу, и описала мне шейный платок.

Я снял платок, свернул его и засунул в карман. Потом сказал:

— Я узнал кое-что о местах ваших остановок. Не очень много. Мне известно, что вы оставили машину в отеле в Сан-Бернардино и встретились там с Лэвери. Я знаю, что вы послали телеграмму из Эль-Пасо. А что вы делали потом?

— Мне ничего от вас не нужно, кроме денег, которые мне послал Кингсли.

Не вижу оснований, почему вас должны интересовать мои дела и пути.

— Не буду спорить с вами по этому поводу, — сказал я. — Вопрос

лишь в одном: нужны вам деньги или нет?

— Ну, хорошо. Мы поехали с Лэвери в Эль-Пасо, — начала она усталым голосом. — Тогда я собиралась выйти за него замуж. Поэтому и послала телеграмму. Вы читали телеграмму?

— Да.

— Ну а потом я изменила свои намерения. Попросила Лэвери уехать домой и оставить меня одну. Он устроил мне сцену.

— И уехал один?

— Да. Почему бы нет?

— И что вы делали потом?

— Отправилась в Санта-Барбару и несколько дней провела там. Немного больше недели. Потом в Пасадене. То же самое. Потом в Голливуде. Потом приехала сюда, это все.

— И все это время вы были в одиночестве?

Она немного помедлила, потом сказала:

— Да.

— Без Лэвери? Все время без него?

— После того, как он уехал.

— И какова была ваша цель?

— Что значит, какова цель?

— Зачем вы ездили по этим городам, не давая о себе вестей. Разве вы не знали, что ваш муж в большой тревоге?

— Ах, не говорите о моем муже, — сказала она холодно. — Признаюсь, я не очень ломала над этим голову. Ведь он думал, что я в Мексике. А цель у меня была одна: мне нужно было подумать. Моя жизнь превратилась в безнадежную путаницу. Мне надо было побыть где-нибудь одной и попробовать привести свои мысли в порядок.

— Но вы же до этого провели целый месяц в доме на озере Маленького фавна? Что же вы там не попытались добиться того же порядка?

Она смотрела на свои туфли, потом взглянула на меня и серьезно кивнула.

Волосы упали ей на щеки. Она подняла руку, откинула волосы и потеряла висок.

— Я подумала, что мне нужно уехать в новое, незнакомое место, — сказала она. — Не обязательно интересное. Лишь такое, где меня никто не знает. Никаких контактов. Место, где я смогу быть одна.

— Ну и как далеко вы продвинулись?

— Не очень далеко. Но к Деррису Кингсли я не вернусь. А он хочет,

чтобы я вернулась?

— Не знаю. А зачем вы приехали сюда? В город, где живет Лэвери!

Она прикусила косточку пальца и посмотрела на меня.

— Я хотела снова его увидеть. Я не могу выкинуть его из головы. Я не люблю его, нет. И все-таки, на особый лад я его, пожалуй, люблю. Но не думаю, чтобы вышла за него замуж. Разве это не сумасшествие?

— Это не сумасшествие. И в этом есть смысл. Но уехать из дома и жить в жалких гостиницах — в этом нет смысла. Ведь вы уже много лет не жили с Кингсли, вели свою собственную жизнь, я правильно понял?

— Но я должна была побыть одна, чтобы все до конца осмыслить, — сказала она с отчаянием и снова укусила себя за палец, на этот раз сильно. — Пожалуйста, отдайте мне деньги и уходите!

— Разумеется. Сейчас. Не было ли какой-нибудь причины, почему вы уехали с озера Маленького фавна именно в тот момент? Например, чего-либо связанного с Мюриэль Чесс?

Она посмотрела изумленно. Но так смотреть умеет каждый.

— Боже мой, о чем вы говорите? Эта глупая маленькая мещанка? Что у меня могло быть с ней общего?

— Я подумал, может быть вы с ней поссорились, из-за Билла?

— Билла? Билла Чесса? — Она выглядела еще более изумленной. Слишком изумленной.

— Билл утверждал, что вы его домогались!

Она откинула голову и расхохоталась. Это был какой-то жестяной, ненатуральный смех.

— Боже избави, этот грязный пьяница! — Внезапно ее лицо стало серьезным. — Что случилось? Что означает ваша таинственность?

— Может быть, он и грязный пьяница, — сказал я. — Но полиция считает его к тому же и убийцей. Убийцей своей жены. Ее нашли в озере. Утонула месяц назад!

Она облизнула губы, склонила голову набок и уставилась на меня.

Воцарилось долгое молчание. Влажное дыхание Тихого океана вливалось в комнату.

— Это меня не удивляет, — сказала она наконец. — Значит, этим кончилось!

Они часто ужасно ссорились. Вы думаете, что это как-то связано с моим отъездом?

— Это не исключено.

— Я не имею к этому никакого отношения, — сказала она серьезно, покачивая головой. — Все было именно так, как я вам рассказываю. И не

иначе.

— Мюриэль мертва, — сказал я. — Утонула в озере. Похоже, вас это мало волнует, а?

— Я эту женщину почти не знала, — ответила она, пожимая плечами. — Она жила очень замкнуто. И в конце концов...

— Вам известно, что она когда-то работала медсестрой у доктора Элмора?

Теперь вид у нее был совсем ошеломленный.

— Я никогда не ходила на прием к доктору Элмору. Пару раз была в гостях у Элморов, очень давно. Я... о чем вы, собственно, говорите?

— Мюриэль Чесс на самом деле звали Милдред Хэвиленд, она была медсестрой доктора Элмора.

— Странное совпадение, — сказала она задумчиво. — Я вспоминаю, Билл встретил ее в Риверсайде. Не знаю, при каких обстоятельствах и откуда она взялась. У доктора Элмора, говорите? Но какое это имеет значение?

— Никакого, — сказал я. — Я думаю, это просто совпадение. Такие вещи случаются. Ну, теперь вы видите, что мне надо было с вами поговорить. Мюриэль нашли в озере, вы уехали, и Мюриэль оказалась Милдред Хэвиленд, которая некогда была связана с доктором Элмором. Так же, как и Лэвери, хотя на иной лад. А Лэвери живет напротив доктора Элмора, через улицу. У вас не было впечатления, что Лэвери раньше знал Мюриэль?

Она задумалась, закусив верхнюю губу.

— Он видел ее, когда приезжал к нам на озеро, — сказала она наконец, но, судя по его виду, я бы не подумала, что он знал ее раньше.

— Он так и должен был себя вести, если учесть, что он был за человек.

— Я не думаю, чтобы Крис имел какое-то отношение к доктору Элмору, возразила она. — Вот жену доктора он знал, но с самим доктором вряд ли был знаком. Тем более, откуда ему было знать медсестру доктора?

— Ну, что ж, боюсь, что все эти сведения мало помогут мне, — сказал я. — Но вы хоть видите, что мне было необходимо поговорить с вами? Пожалуй, я теперь могу отдать вам деньги.

Я достал из кармана конверт, подошел к ней и положил ей на колени. Она не дотронулась до него. Я снова сел.

— Вы играете эту роль неподобно, — улыбнулся я. — Такая выбитая из привычной колеи женщина с легким оттенком горечи и отрешенности. Как все-таки заблуждаются люди в оценке вашего характера! Они считают

вас маленькой дурочкой, лишенной самообладания и способности трезво мыслить.

Однако они действительно заблуждаются...

Уставившись на меня широко раскрытыми глазами, она ничего не говорила.

Потом уголки ее губ приподнялись в лукавой улыбке. Она взяла конверт, похлопала им по колену и положила на стол рядом с собой. Все это время она не отводила от меня взгляд.

— Вы прекрасно сыграли и роль миссис Фальбрук. Сейчас, оглядываясь назад, я нахожу, что вы слегка переиграли. Но в тот момент я поверил абсолютно. Эта красная шляпка, которая на блондинке могла бы показаться даже красивой, на этих же темных волосах выглядела кричаще безвкусной, эта косметика, нанесенная неумелой и неуклюжей рукой, эти мелкобуржуазные истерические интонации. А когда вы протянули мне револьвер, я был готов, можно сказать, влип как мальчишка!

Она рассмеялась и спрятала руки в карманах пальто. Ее каблуки легко постукивали по полу.

— Но почему вы вернулись? Для чего вам понадобился этот отчаянный поступок? При свете дня, в такой час, когда вас могли увидеть?

— Значит, вы считаете, что я убила Криса Лэвери? — спросила она спокойно.

— Я не считаю. Я это знаю.

— Почему я вернулась? Вам действительно хочется это узнать?

— Ну, вообще-то это не так уж важно, — уклонился я от ответа.

Она снова засмеялась. Это был холодный, резкий смех.

— У него находились все мои деньги. Он дочиста выпотрошил мой кошелек. Даже серебро забрал. Поэтому я и вернулась. В этом не было ничего опасного. Я знаю, как он жил. Даже надежнее было еще раз вернуться. Например, чтобы убрать в дом молоко и газеты, оставленные разносчиками на крыльце. В таких ситуациях большинство людей теряет голову. Только не я. Сама не знаю, почему. Если не теряешь голову, то чувствуешь себя гораздо увереннее.

— Понимаю. Вы, конечно, застрелили его накануне ночью. Мне сразу следовало это понять, хотя это не бросается в глаза. Он был выбрит, ведь некоторые молодые люди с жесткой растительностью на лице, ожидая даму на ночь, вторично бреются перед свиданием. Верно?

— Мне приходилось об этом слышать, — ответила она почти весело. — Итак, что же вы собираетесь предпринять?

— Вы самая хладнокровная бестия, какую мне приходилось видеть.

Что я буду делать? Передам вас полиции — что же еще? Мне это только доставит удовольствие!

— В этом я не сомневаюсь. — Она говорила теперь быстро, слова почти обгоняли друг друга. — Вас удивило, что я отдала вам пустой револьвер. А почему бы нет? У меня в кармане был второй. Точно такой же!

Ее правая рука появилась из кармана.

Я улыбался. Возможно, это была не самая веселая улыбка в мире, но все же улыбка.

— Вот такие сцены мне всегда казались фальшивыми, — сказал я. — Детектив разоблачает убийцу. Убийца достает револьвер и целится в детектива. Убийца рассказывает детективу всю историю своего преступления, собираясь после этого его убить. Так растрачивается впустую ценное время, даже если дело и кончается выстрелом. Но убийца никогда не делает этого выстрела. Всегда случается что-нибудь, что мешает ему исполнить задуманное. Даже боги не любят таких сцен. Они что-нибудь предпринимают, — и вся сцена идет насмарку.

— Но на этот раз, — сказала она нежным голосом, встала и подошла ко мне поближе, — на этот раз мы сделаем немножко по-другому. Например, я не стану ничего вам рассказывать, не произойдет, также ничего непредвиденного, и я убью вас.

— Тем более не вижу, что могло бы мне в этой сцене понравиться.

— Во всяком случае, вы не трусите! — Она медленно облизала губы, придвигаясь поближе. Ее шаги по ковру были неслышными.

— Нет, я не трушу, — солгал я. — Сейчас поздняя ночь, окно открыто. Выстрел наделал бы слишком много шуму. До выхода из гостиницы далеко, до него еще надо добраться! Кроме того, стрельба — не самая сильная ваша сторона. Можете с первого раза промазать. Ведь стреляя в Лэвери, вы промахнулись трижды!

— Встаньте! — приказала она. Я встал. — Я буду стрелять с такого близкого расстояния, что не промахнусь. — Она прижала дуло к моей груди. — Вот, видите? Ведь так я не промахнусь, а? Теперь стойте тихо. Поднимите руки вверх и не двигайтесь. Если вы хоть мизинцем шевельнете, я немедленно спущу курок.

Я поднял руки и посмотрел вниз на револьвер. Мне казалось, что мой язык распух, но я еще мог им ворочать.

Левой рукой она ощупала меня и не нашла оружия. Она опустила руку и прикусила губы. Револьвер вдавливался мне в грудь.

— Теперь вам надо повернуться, — сказала она вежливо, как портной

на примерке.

— Во всем, что вы делаете, есть какая-то фальшивая нота, — услышал я свой голос. — Вы обращаетесь с оружием как жалкий дилетант. Во-первых, стоите слишком близко ко мне, и, во-вторых, — мне противно это говорить, такой банальной шуткой это выглядит, — но ваш револьвер стоит на предохранителе! Как же это вы не заметили?

Она поверила и попыталась сделать две вещи одновременно: отступила на шаг и переместила большой палец, чтобы проверить положение предохранителя.

При этом она не отводила глаз от моего лица. Это были два очень простых действия, и для обоих требовалась одна секунда. Но мои слова ее рассердили.

Она рассердилась, что я соображаю быстрее ее. Эта секунда замешательства выбила ее из колеи. Она издала тихое восклицание, и в тот же момент я резко опустил руку и рванул ее голову к себе. В то мгновение, когда ее лицо уткнулось мне в грудь, я со всей силы ударил ее по правому запястью. Ребром ладони в то место, где начинается большой палец. Револьвер полетел на пол.

Она хотела повернуть голову, может быть, закричать. Потом она попыталась ударить меня ногой и при этом потеряла равновесие. Я поймал ее за запястье, завел ей руки за спину и начал поворачивать. Она была сильной, но я оказался сильнее. Тогда она откинулась назад и всей тяжестью повисла у меня на руке, которой я охватил ее шею. Одной рукой я не мог ее удержать. Она начала соскальзывать вниз. Мне пришлось наклоняться вслед за ней.

Внезапно я услышал позади себя какой-то шум, похожий на тихие шаги, учащенное дыхание. Или, может быть, скрипнул пол, я не знаю. Потом я услышал звук, какой производят передвигаемые кольца гардин, но я не был в этом уверен и у меня не было времени об этом подумать. Слева от меня появилась какая-то фигура. Мне не было видно ничего, кроме ног. Ног мужчины высокого роста.

Вот и все, что я успел заметить. Взрыв пламени и темнота. Я больше ничего не почувствовал, не понял, что падаю на пол. Пламя и темнота, и непосредственно перед темнотой — острое чувство тошноты.

Глава 32

Пахло джином. Не так, как бывает после пары глотков, сделанных зимним утром, чтобы легче было встать с постели. Нет, пахло так, словно весь Тихий океан состоит из джина, а я только что нырнул в него с лодки. Джин был в моих волосах и бровях, на подбородке, и под подбородком, и на рубашке, боже мой, и издавал запах, как жаба, заспиртованная в банке.

На подоконнике, рядом с приподнятой оконной рамой, виднелась лампа. В комнате стоял потрепанный зеленый диван. Около него была дверь, прикрытая портьерой. Никогда нельзя сидеть спиной к зеленым портьерам. Это всегда плохо кончается. Всегда что-нибудь происходит. Кому я говорил подобные слова? Женщине с револьвером в руке. Женщине с ясным лицом и темными волосами, которые, собственно говоря, были светлыми...

Где же она, эта женщина?

Я оглянулся. Она была еще здесь. Лежала на кровати. На ней была пара бежевых чулок, больше ничего. Волосы были всклокочены. На шее темные пятна.

Рот открыт, из него вывалился распухший язык. Глаза вылезли из орбит, белки уже больше не были белыми.

На ее обнаженном теле ярко выделялись четыре царапины. Глубокие сумасшедшие царапины, от четырех сумасшедших ногтей.

На диване валялась скомканная одежда, главным образом, ее одежда. Мой пиджак тоже был там. Я взял его и надел. Под рукой что-то зашуршало. Это был продолговатый конверт с деньгами. Я положил его в карман. Пятьсот долларов.

Надеюсь, полностью.

Я двигался осторожно, словно шел по тонкому льду. Наклонился, чтобы потереть колено. При этом я раздумывал, что причиняет мне большую боль: колено или голова, когда я нагибаюсь.

В коридоре слышались тяжелые шаги. Были слышны невнятные голоса. Шаги остановились. В дверь постучали, кулаком.

Я стоял и улыбался в сторону двери, крепко стиснув зубы. Я лишь ждал, чтобы кто-нибудь отворил дверь. Снаружи дергали за ручку, но дверь не открывалась. Стук возобновился, опять слышались голоса. Я раздумывал, долго ли это может продолжаться. Пока не появится портье с ключами. Не очень долго.

Я подошел к зеленой портъере и отодвинул ее. Маленький коридор вел в ванную комнату. Я вошел в нее и зажег свет. Две раковины, через край ванны перекинут сложенный коврик, над ванной — окно с матовыми стеклами.

Я запер дверь и встал на край ванны. Сорвав с вешалки полотенце, я открыл обе половинки окна, подтянулся на подоконник и свесился наружу.

Соседнее окно было рядом, я мог дотянуться до него и открыть. Но оно было заперто. Вытянув вперед ногу, я ударил каблуком по стеклу. Раздался шум, который, должно быть, был слышен во всем городе. Обернув руку полотенцем, я просунул ее сквозь раму и открыл задвижку. Внизу по улице проехала машина, но никто меня не окликнул.

Открыв обе створки, я перелез на подоконник второго окна.

Глава 33

Войдя в темную комнату, я принялся наощупь искать дверь. Прислушался.

Через окно, выходившее на северную сторону, падал полосатый свет луны, освещая двуспальную кровать, застеленную и пустую. Воздух в обеих комнатах был затхлым. Я провел пальцем по крышке стола. Она была покрыта тонким слоем пыли, как бывает даже в самых чистых комнатах, если они долго стоят запертыми.

Понюхал графин, в нем было шотландское виски. Налил себе. Голова болела еще сильно, но другие боли ослабли. Я зажег свет в спальне и заглянул в стенной шкаф. В нем находились мужские костюмы, сшитые на заказ. Их было несметное количество. На этикетке, пришитой внутри кармана пиджака, значилась фамилия владельца: Х. Г. Тальбот. Я подошел к комоду, обследовал его и нашел мягкую голубую рубашку, которая была немного маловата для меня.

Отнес ее в ванную комнату, снял свою рубашку, вымыл лицо и грудь, основательно протер волосы мокрым полотенцем и надел голубую рубашку.

Глубоко запустил руку в банку с загустевшей помадой для волос, потом воспользовался расческой и щеткой для волос мистера Тальбота и причесался.

Теперь от меня уже меньше пахло джином, если вообще пахло.

Запонка на воротнике не хотела застегиваться, и я положил ее обратно в стеклянную банку. Нашел синий крепдешиновый галстук и повязал его; надев пиджак, я критически осмотрел себя в зеркале. Пожалуй, для ночного времени я выглядел вполне аккуратно, даже по сравнению с такими педантичным господином, как мистер Тальбот, насколько можно было судить по состоянию его гардероба. Я от всей души надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть нанести мистеру Тальботу визит благодарности, и все-таки выглядел слишком аккуратным и слишком чистым. Я слегка взъерошил волосы, немного сдвинул в сторону галстук, еще раз подошел к графину с виски и сделал все, что мог, чтобы не выглядеть слишком трезвым. Я закурил одну из сигарет мистера Тальбота и пожелали мистеру и миссис Тальбот, где бы они ни находились, провести более приятный вечер, чем тот, который достался на мою долю. Потом я прошел через гостиную к двери, выходившей в коридор, открыл ее и,

покуривая, прислонился к косяку. Я и мечтать боялся, что дело выгорит. Но сидеть в комнате и ждать, пока они обнаружат мой след от окна к окну, было еще менее разумно.

Невдалеке от меня, в коридоре, послышался кашель. Я высунул голову в коридор, и мы друг друга увидели. Он быстро подошел ко мне. Это был невысокий парень в аккуратно отутюженной полицейской форме. У него были рыжие волосы и красноватые карие глаза.

Я зевнул и небрежно спросил:

— Что здесь происходит, сержант?

Он смотрел на меня задумчиво.

— Небольшое происшествие по соседству. Вы что-нибудь слышали?

— Кажется, слышал стук. Я только недавно пришел домой.

— Довольно поздно, — заметил он.

— Дело вкуса, — ответил я. — Происшествие по соседству? Что же?

— Одна дама... — вы ее знаете?

— Кажется, видел.

— Н-да, — заметил он. — Посмотрели бы вы на нее сейчас... — Он приложил руку к горлу, сделал стеклянные глаза и издал неприятный булькающий звук. — Вот так. Вы что, ничего не слышали?

— Ничего особенного, кроме стука.

— Так. Ваша фамилия?

— Тальбот. — Одну минуту, мистер Тальбот. Подождите здесь!

Он прошел по коридору и заглянул в открытую дверь, из которой в коридор падала полоска света.

— Хелло, лейтенант, — сказал он. — Тут человек из соседнего номера.

Появился рослый человек. Он стоял, уставившись на меня. Огромный верзила с пепельно-серыми волосами и синими-синими глазами. Дегамо. Этого только не доставало!

— Вот господин, который живет рядом, — доложил маленький службист. — Его фамилия Тальбот.

Дегамо смотрел на меня. Ничто в его холодном взгляде не выдавало, что он встречался со мной раньше. Он спокойно подошел, положил свою огромную лапищу мне на грудь и втолкнул меня назад в комнату. Войдя вслед за мной, он сказал через плечо:

— Зайди, Шорти, и закрой дверь. Маленький вошел и запер дверь.

— Лихой парень, — сказал Дегамо протяжно. — Держи его на мушке, Шорти!

Шорти рывком вытащил свой револьвер, 38-го калибра. Он облизнул губы.

— Ну и ну! — произнес он тихо и присвистнул. — Ну и ну! Как вы только догадались, лейтенант?

— О чем догадался? — спросил Дегамо, впиваясь в меня взглядом. — А ты о чем думал, приятель? Тебе что, нужно прочесть в газете, чтобы удостовериться, что она убита?

— Ну и ну! — снова сказал Шорти. — Проклятый сексуальный убийца! Срывает с девушки одежду и душит ее голыми руками! Лейтенант, как это вы только догадались?!

Дегамо не ответил. Он стоял, слегка покачиваясь на каблуках. Его лицо было твердым, как гранит.

— Вот он, убийца, это же ясно, как день, — внезапно сказал Шорти. — Вы только понюхайте, как здесь пахнет, лейтенант! Комнату давно не проветривали. Смотрите, вот пыль на столе. И часы стоят. Он пробрался сюда через окно в ванной... можно я взгляну, лейтенант?

Он выбежал в ванную. Дегамо стоял недвижимо, как деревянный. Шорти вернулся.

— Правильно, через окно ванной комнаты. В ванне под окном лежат осколки стекла. И воняет джином. Вы помните, в соседнем номере тоже пахло джином, когда мы вошли. Вот его рубашка. Воняет так, словно ее выстирали в джине!

Он поднял мою рубашку. Запах джина тотчас же распространился по всей комнате. Дегамо посмотрел на рубашку равнодушно, потом подошел, распахнул на мне пиджак и посмотрел на рубашку.

— Все ясно! — сказал Шорти. — Он украл рубашку из комода того человека, который здесь живет! Видите, как он сделал.

— Н-да... — Дегамо наконец опустил руку, которой упирался мне в грудь.

Они говорили обо мне, как о каком-то неживом предмете.

— Обыщите его, Шорти.

Шорти обошел меня со спины и ощупал мою одежду в поисках оружия.

— Ничего нет, — сказал он.

— Веди его к заднему выходу из гостиницы, — приказал Дегамо. — Один ноль в нашу пользу. Ведь мы раскрыли дело до приезда Уэббера. Этот осел и моль в коробке от ботинок не поймает!

— Но это ведь не входит в ваши функции, лейтенант, — произнес Шорти с сомнением в голосе. — Вроде бы сегодня говорили, что вас отстранили от работы. Или что-то в этом роде.

— Ну и что это меняет, если я даже временно отстранен? — спросил

Дегамо.

— Но я-то могу на этом потерять свои нашивки, — заявил Шорти, Дегамо не спускал с него тяжелого взгляда. Малыш покраснел, его живые карие глазки смотрели испуганно.

— Ну ладно, Шорти. Пойди и вызови Рида, он сегодня дежурный. Маленький полицейский облизнул губы.

— Приказывайте, лейтенант. Я согласен. В конце концов я мог и не знать, что вы отстранены!

— Мы его вместе доставим, вдвоем, — сказал Дегамо.

— Да, лейтенант, конечно!

Дегамо положил ладонь на нижнюю часть лица.

— Убийца, — сказал он спокойно. — Сексуальный убийца, разрази меня гром! — он улыбался, при этом двигались лишь уголки его широкого жесткого рта.

Глава 34

Мы вышли из комнаты и пошли вдоль коридора, мимо номера 618. Из открытой двери падал свет. У двери стояли двое мужчин в штатском и курили, держа сигареты в кулаке, будто в коридоре дул сильный ветер. Из номера доносился шум спорящих голосов.

Мы завернули за угол, прошли мимо лифта. Дегамо открыл дверь запасного выхода, и мы начали спускаться по гулким ступеням. Внизу, у двери, выходящей в холл первого этажа, Дегамо остановился, держа руку на ручке двери, и прислушался. Потом посмотрел на меня через плечо.

— Вы здесь с машиной? — спросил он.

— Она в гараже, в подвале.

— Великолепно!

Мы спустились еще ниже в подвал. Тощий негр вышел из своей конторки, и я отдал ему номерок. Он искоса посмотрел на форму Шорти, но ничего не сказав, молча указал на мой «крайслер».

Дегамо сел за руль. Я уселся рядом, Шорти — сзади. Мы выехали на улицу.

Воздух был свеж. В нескольких кварталах от нас показалась большая машина с двойными красными прожекторами, она шла нам навстречу. Дегамо сплюнул через окно и развернул машину в противоположном направлении.

— Это, конечно, Уэббер, — сказал он. — Немножко опоздал к панихиде!

Проскочили у него прямо под носом, Шорти!

— Мне... это не очень нравится, лейтенант. Честно. Совсем не нравится!

— Смирно, малыш! Вот так и добиваются повышения!

— Не надо мне повышения, — сказал Шорти. — И не надо такого риска.

Уверенность покидала его, как воздух из проткнутого воздушного шарика.

Дегамо на большой скорости проехал кварталов десять, потом сбавил скорость. Шорти сказал неуверенно:

— Я не собираюсь вам указывать, лейтенант. Но мы едем что-то не в ту сторону!

— Точно, сын мой! — сказал Дегамо. Он снизил скорость и свернул на

пригородную улицу с симпатичными чистыми домиками, стоявшими в симпатичных чистых садиках. В центре квартала он притормозил и подъехал к тротуару.

Закинув руку за сиденье, он повернулся к Шорти.

— Ты веришь, что этот парень ее убил, Шорти?

— Да, лейтенант, — сказал Шорти сдавленным голосом.

— У тебя есть карманный фонарь?

— Нет.

Я сказал:

— В кармашке левой двери есть фонарь.

Шорти нашел фонарь, загорелся узкий белый луч. Дегамо сказал:

— Погляди-ка на затылок этого парня!

Я слышал дыхание малыша за своей спиной. Он ощупал мой затылок и коснулся шишки. Я невольно застонал. Свет погас, снова тьма улицы вползла в машину. Шорти произнес:

— Выглядит так, словно он получил сильный удар сзади по голове, лейтенант. Я что-то ничего не пойму.

— Такой же кровоподтек есть и у девушки, — сообщил Дегамо. — Он менее заметен, но он есть. Он ударил ее по затылку и оглушил, потом снял с нее одежду и изнасиловал, прежде чем убить. Поэтому царапины так кровоточили. И все было сделано без шума. В этом номере не было телефона. Кто же сообщил об убийстве, Шорти?

— А я откуда знаю, черт побери? Какой-то мужчина позвонил и сказал, что в гостинице «Гренада» в 618 номере убита женщина. Мы как раз искали фотографа, когда вы пришли. Телефонист сказал, что голос был низкий, по-видимому, намеренно искаженный. Фамилии своей мужчина не назвал.

— Ну хорошо, — сказал Дегамо. — Если бы ты совершил убийство, как бы ты поступил?

— Я бы смылся, — сказал Шорти. — Почему нет? Эй, вы! — вдруг заорал он на меня. — Почему вы не убежали?

Я не ответил. Дегамо произнес тихо:

— Ты бы не полез через окно ванной, на высоте шести этажей, в ванную соседнего номера, в котором, может быть, спят люди? Ты не стал бы выдавать себя за жильца соседнего номера и не стал бы звонить в полицию, а? Ты воспользовался бы выигрышем во времени и не стал бы понапрасну рисковать, а, Шорти?

— Думаю, что нет, — ответил Шорти осторожно. — Думаю, что я не стал бы звонить. Но сексуальные преступники делают порой странные

вещи, лейтенант. Они ненормальные люди, факт. А у этого парня, наверное, был сообщник, а потом тот его оглушил, чтобы все свалить на него одного.

— Только не говори, что ты сам это придумал, — ухмыльнулся Дегамо. — Мы здесь сидим и ломаем себе головы, а человек, который знает ответы на все вопросы, сидит рядом и молчит! — Он повернул голову ко мне. — Что вы там делали?

— Не могу вспомнить, — сказал я. — Удар по голове отбил у меня всю память.

— Мы вам поможем вспомнить, — сказал Дегамо. — Мы отвезем вас в горы, недалеко отсюда, там вы сможете без помехи полюбоваться звездами и спокойно восстановить все в памяти. Вы очень скоро все вспомните.

— Вы не должны так говорить, лейтенант! — вмешался Шорти. — Почему бы нам не вернуться в ратушу и не сыграть эту игру по всем правилам?

— К черту правила! — заявил Дегамо. — Мне нравится этот парень. Я хочу иметь с ним спокойный, долгий разговор. Надо только быть с ним поласковой. А то он очень застенчив!

— В таких делах я не участвую, — заявил Шорти.

— Нет? А чего же ты хочешь, Шорти?

— Я хочу вернуться в ратушу.

— Любителей прогулок нельзя удерживать, малыш. Пройдешься пешком?

Шорти помолчал, потом сказал:

— Согласен. Охотно пройдуся. — Он открыл дверцу машины и вышел. — Я думаю, вы понимаете, что я подам обо всем этом рапорт, лейтенант.

— Хорошо, сын мой, — сказал Дегамо. — Скажи Уэбберу, что я о нем справлялся. В следующий раз, когда он будет устраивать званый вечер, пусть не забудет поставить прибор и для меня.

— Я не понимаю ваших намеков, — сказал маленький полицейский. Он захлопнул дверцу машины. Дегамо дал газ и уже в конце квартала достиг скорости в сорок миль. Еще через квартал — в пятьдесят. На бульваре он поехал помедленней и повернул на восток. Он больше не превышал разрешенной скорости. Нам встретилась пара машин, но в остальном царило холодное молчание раннего утра. Вскоре мы выехали за черту города.

— Ну, что ж, приступайте к вашей исповеди, — заговорил Дегамо. — Возможно, она на что-нибудь сгодится.

Машина преодолела долгий подъем, потом снова покатилась вниз. Здесь бульвар превращался в подобие парка. Мы проезжали мимо госпиталя ветеранов.

Большие тройные канделябры перед входом из-за утреннего тумана были окружены светящимися венчиками. Я заговорил:

— Сегодня вечером ко мне в квартиру пришел Кингсли и сказал, что его жена звонила по телефону. Она просила срочно прислать ей денег. Кингсли поручил мне отвезти конверт, а также помочь ей, если она находится в затруднительном положении. Правда, мой собственный план действий был немного иным. Кингсли сообщил ей, как она сможет меня узнать. Я должен был появиться в «Павлиньем погребке» на Восьмой авеню, угол Аргуэлло-стрит, через пятнадцать минут после полного часа.

Дегамо медленно сказал:

— И вы решили воспользоваться случаем и допросить ее, а? — Он немного поднял руки, но потом снова опустил их на баранку.

— Я поехал туда. Это было через несколько часов после ее звонка. Меня предупредили, что она выкрасила волосы в темный цвет. Она прошла мимо меня в баре, но я ее не узнал. Ведь я никогда раньше ее не видел. Правда, мне показывали фотографию, но даже хорошая фотография может исказить сходство. Она послала в погребок мексиканского мальчишку, чтобы он меня вызвал на улицу. Она желала получить деньги и отказывалась от всяких разговоров. Мне же было необходимо узнать подробности ее истории. Наконец, она увидела, что без разговора не обойтись, сказала, что живет в «Гренаде» и попросила прийти через десять минут.

Дегамо сказал:

— Достаточно времени, чтобы подготовить какой-нибудь трюк.

— Трюк действительно был подготовлен, но я не уверен, что с ее участием. Ведь она не хотела со мной говорить и не собиралась приглашать меня к себе. Она согласилась только тогда, когда поняла, что иначе не получит от меня денег. Впрочем, возможно, что всю эту сцену она нарочно разыграла, чтобы я ничего не заподозрил. Актриса она была первоклассная. С этим мне уже пришлось столкнуться раньше. Так или иначе, я пошел к ней, и мы поговорили. Вначале она плела разные небылицы, но когда мы заговорили о Лэвери, о его смерти, тут уже разговор пошел всерьез. Я сказал ей, что собираюсь выдать ее полиции.

Мы миновали деревню, лежавшую почти в полной темноте. Лишь на дальнем краю светилось несколько окон.

— Тогда она вытащила револьвер. Я думаю, она на самом деле

собиралась им воспользоваться, но подошла слишком близко ко мне. Мне удалось ее схватить. Револьвер упал на пол. Пока мы с ней боролись, появился кто-то из-за зеленой портьеры и оглушил меня. Когда я очнулся, убийство уже произошло.

— Вам удалось увидеть этого человека? — спросил Дегамо.

— Нет. Я видел краем глаза, что был мужчина, причем крупный мужчина. А потом я нашел на диване, под ее и своей одеждой, вот это. — Я вытащил из кармана желто-зеленую косынку Кингсли и разгладил ее на коленях. — Вчера вечером, за пару часов до случившегося, я видел этот платок на шее у Кингсли.

Дегамо посмотрел на платок. Он взял его и поднес к освещенному приборному щитку.

— Эту штуку не спутаешь, — сказал он. — Прямо-таки бросается в глаза. Кингсли, говорите? Так-так! Черт бы меня побрал! Что же случилось потом?

— Потом постучали в дверь. Голова у меня была тяжелая, я плохо соображал, да и все тело было скованным. Вся одежда была залита джином. Ботинки и пиджак с меня сняли. В общем, я выглядел и вонял так, что был весьма похож на человека, способного раздеть женщину и задушить ее. Поэтому я вылез через окно ванной, перебрался в чужой номер и немного привел себя в порядок. Остальное вам известно.

— Почему же вы попросту не легли в кровать в этой чужой комнате и не притворились спящим? — спросил Дегамо.

— А что толку? Думаю, что даже полицейский из Бэй-Сити способен был бы быстро обнаружить мой след. Мой единственный шанс заключался в том, чтобы успеть уйти, прежде чем обнаружат этот след. Если бы там не оказалось человека, который меня знает, возможно, мне и удалось бы выбраться из «Гренады».

— Не думаю, — сказал Дегамо. — Но я могу понять, что такая попытка по крайней мере не ухудшила ваше положение. И какой же мотив убийства вы предполагаете?

— Я думаю, что ее убил Кингсли. Мотив определить нетрудно. Она его много лет обманывала, доставляла неприятность за неприятностью, поставила под удар его положение в фирме и, наконец, совершила убийство. Кроме того, у нее был капитал, а Кингсли мечтает жениться на другой женщине. Может быть, он боялся, что покойница вконец растратит свои деньги и окончательно его осрамит. А если она попадется и будет осуждена, то до ее денег ему и вовсе не добраться. Чтобы от нее избавиться, ему бы пришлось требовать развода. Он боялся

скандала. Любое из этих соображений — достаточный мотив для убийства. А тут еще представился благоприятный случай сделать меня козлом отпущения. Может из этого ничего бы и не вышло, но это спутало бы карты и дало бы ему выигрыш во времени. Если бы убийцы не надеялись, что им удастся остаться непойманными, господи, тогда было бы мало убийств!

— Тем не менее, — сказал Дегамо, — убийство мог совершить и кто-то другой, не имевший никакого отношения к этому делу. Даже если, предположим, Кингсли и приезжал, чтобы ее увидеть, это все равно мог совершить кто-нибудь другой. Да и Лэвери мог убить кто-нибудь другой.

— Ну, если вам так больше нравится думать...

— Мне это совсем не нравится. Ни так, ни иначе. Но если мне удастся раскрыть это дело, то я буду опять чист. А не раскрою — вылечу из полиции, и мне придется уезжать из города. Вы ведь говорили, что я дурак? Ну что ж, пусть я дурак! Где живет Кингсли? Кое-что я все-таки умею, а именно развязывать людям языки.

— Карлсон Драйв, 965, в Беверли Хиллс. Примерно через пять миль надо повернуть на север. Это — где-то на левой стороне. Я там не был.

Он протянул мне желто-зеленый платок:

— Спрячьте. Пусть остается у вас, пока мы его не сунем под нос вашему Кингсли!

Глава 35

Мы остановились перед белым двухэтажным домом. Яркий свет луны лежал на стенах, как слой свежей краски. Окна первого этажа были до половины забраны коваными чугунными решетками. Коротко подстриженный газон подступал к самой входной двери. Света в окнах не было.

Дегамо вышел из машины и стал искать въезд в гараж. Он нашел его и скрылся за углом дома. Я услышал, как открылась дверь гаража, потом грохот, с которым она снова закрылась. Показавшись из-за угла дома, он отрицательно покачал головой и прошел по газону к входной двери. Нажав большим пальцем на кнопку звонка, он другой рукой достал из кармана сигарету и, отвернувшись от двери, прикурил. Свет спички осветил глубокие складки на его лице. Спустя некоторое время верхняя, застекленная часть двери осветилась. Дверь медленно и как бы нехотя открылась. Дегамо показал свой полицейский жетон и вошел.

Он оставался внутри не дольше пяти минут. За окнами, то за одним, то за другим, загорался и гаснул свет. Наконец Дегамо вышел. Когда он направился к машине, свет погас и в верхней части двери. В доме опять стало темно, как и раньше.

Дегамо стоял около машины, курил и поглядывал на изгиб улицы.

— В гараже стоит только маленькая машина, — сказал он. — Повар говорит, что она принадлежит Кингсли, а его нет. Прислуга утверждает, что с утра его не видела. Я осмотрел все комнаты. Пожалуй, это правда. Под вечер приезжал Уэббер вместе со специалистом по отпечаткам пальцев. Порошок, которым для этого пользуются, повсюду в спальне. Уэбберу нужны отпечатки пальцев, чтобы сравнить их с найденными в доме Лэвери. Неизвестно, удалось ли ему что-нибудь обнаружить. Где же может быть Кингсли?

— Мало ли где, — сказал я. — В пути, в гостинице, в турецкой бане, может быть, он там успокаивает свою нервную систему. Но я бы начал с его подружки. Ее фамилия Фромсет, она живет на площади Сансет.

— Чем она занимается? — спросил Дегамо, садясь за руль.

— Она командует его конторой, а в свободное время командует им самим. Но это не обычная конторская курочка. Она умна, и у нее есть свой стиль.

— Судя по положению дел, ей понадобится и то, и другое, — сказал

Дегамо.

Мы опять повернули в восточном направлении. Через двадцать минут мы уже были на месте.

На седьмом этаже было тихо и прохладно. Коридор, казалось, был длиной в милю. Наконец мы оказались перед дверью, на которой позолоченные цифры образовывали номер 716. Рядом с дверью виднелась кнопка звонка из слоновой кости. Дегамо позвонил. Дверь тотчас же открылась.

На мисс Фромсет был стеганый халатик поверх пижамы. Ноги — в меховых туфлях на высоких каблуках. Темные волосы гладко зачесаны назад. По всей видимости, она только что стерла с лица крем и попудрилась.

Мы прошли мимо нее в небольшую комнату с двумя красивыми овальными зеркалами и темной старинной мебелью, обитой синим шелком. Это отнюдь не было похоже на меблированные комнаты. Она уселась на низенькую банкетку и спокойно ждала, пока кто-нибудь из нас заговорит. Я взял слово:

— Это лейтенант Дегамо из полиции Бэй-Сити. Мы ищем Кингсли. Дома его нет. Мы подумали, может быть, вы нам подскажете, где его найти.

Она ответила, не глядя на меня:

— Это очень срочно?

— Да. Кое-что произошло.

— Что же?

Дегамо грубо произнес:

— Мы только хотим знать, где Кингсли, девушка. Нечего устраивать спектакль!

Мисс Фромсет смотрела на него без всякого выражения. Потом она обернулась ко мне и спросила:

— Может быть вы все-таки скажете, мистер Марлоу?

— Я отвез деньги в «Павлиний погребок». Встретился с ней, как было условлено. Потом пошли вместе с нею в гостиницу, в ее номер, чтобы поговорить. Пока я там находился, появился какой-то мужчина, прятаясь за портьерой, и оглушил меня. Я его не видел. Когда я пришел в себя, она была убита.

— Убита?

— Да, — сказал я. — Убита.

Она на секунду прикрыла глаза, уголки губ опустились. Потом пожала плечами, быстро встала и подошла к небольшому мраморному столику. Взяв сигарету из серебряного ящичка, прикурила и продолжала стоять,

глядя на столик. Спичка в ее руке догорела, и она бросила ее в пепельницу. Потом обернулась к нам, прислонившись спиной к столику.

— Вероятно, я должна была бы поплакать, — сказала она, — но я не испытываю вообще никаких чувств. Дегамо сказал:

— В настоящий момент нас не интересуют ваши чувства, мисс. Мы только хотим знать, где Кингсли. Можете нам это сказать? Можете и не говорить. Во всех случаях кончайте ломать комедию. Ну, решайтесь!

— Этот лейтенант принадлежит к полиции Бэй-Сити? — спросила она у меня спокойно.

Я кивнул. Она медленно повернулась к нему и с достоинством произнесла:

— В таком случае, вы не имеете никакого права разговаривать в моей квартире таким тоном!

Дегамо посмотрел на нее мрачно. Потом осклабился, прошел в другой конец комнаты, уселся в глубокое кресло и вытянул ноги.

— Ну, ладно, — сказал он мне и махнул рукой. — Тогда говорите с ней сами. Мне ничего не стоило бы вызвать коллег из полиции Лос-Анджелеса, но пока я им все буду объяснять, пройдет неделя!

— Мисс Фромсет, — сказал я. — Если вы знаете, где находится мистер Кингсли или куда он собирался, то пожалуйста, скажите нам. Вы же понимаете, что его необходимо найти.

— Зачем?

Дегамо закинул голову и захохотал.

— Малышка недурна! — сказал он. — Может быть, она считает, что от него нужно скрывать, что его половина отправилась на тот свет?

— Она гораздо умнее, чем вы думаете, — ответил я. Он перестал смеяться и прикусил большой палец, беззастенчиво разглядывая ее с головы до ног.

Мисс Фромсет спросила:

— Только для того, чтобы известить его о происшедшем?

Я вынул из кармана желто-зеленый шейный платок и показал его ей.

— Эта вещь была найдена в комнате, где произошло убийство. Я думаю, вам знаком этот платок?

Она посмотрела сначала на платок, потом на меня. При этом на ее лице ничего не отразилось. Она медленно сказала:

— Вы требуете от меня слишком многого, мистер Марлоу. Особенно если учесть, что как детектив вы проявили себя не блестяще.

— Я требую этого, — ответил я, — и надеюсь получить ответ. А блестящий я или не блестящий, не вам судить.

— Браво, браво! — сказал Дегамо. — Из вас двоих получилась бы отличная упряжка. Вам бы на пару в цирке выступать. Не хватает только акробатов. Но в данный момент...

Она перебила его, словно и не слышала его слов.

— Как она была убита?

— Она была задушена. Раздета, изнасилована, исцарапана и задушена.

— Такого Деррис не мог бы сделать, — сказала она спокойно.

Дегамо почмокал губами.

— Никто не знает, на что способен человек при некоторых обстоятельствах, девушка. Кто-кто, а уж полиция об этом знает!

Все еще не глядя в его сторону, она спросила равнодушно:

— Итак, вы хотите знать, куда мы отправились, выйдя от вас, проводил ли он меня домой и так далее?

— Верно, — сказал я. — Это часть того, что мы хотим знать.

— Он не отвозил меня домой, — продолжала она неторопливо. — Я взяла такси на Голливудском бульваре, минут через пять после того, как мы от вас вышли. И с тех пор я его не видела. Я думала, что он поехал домой.

Дегамо сказал:

— Обычно такие мышки изо всех сил стараются обеспечить своему любимому алиби. Но, оказывается, бывает и по-другому, не так ли?

Мисс Фромсет обращалась ко мне одному:

— Он хотел отвезти меня домой, но это был бы большой крюк, а мы оба до смерти устали. Я говорю вам это так откровенно, потому что знаю, что это все равно не имеет никакого значения. Если бы я считала это важным, то молчала бы.

— Значит, время у него было, — сказал я.

Она покачала головой:

— Я не знаю. И не знаю также, сколько для этого потребовалось бы времени. Прежде всего, откуда он мог знать, где она живет? Я ему не говорила, а он с нею не разговаривал. Мне же она не сказала. — Ее темные глаза настойчиво и вопрошающе искали мой взгляд. — Вы это хотели знать?

Я сложил платок и опять спрятал его в карман.

— Мы должны знать, где он находится.

— А я не могу вам этого сказать, потому что понятия не имею. — Глаза ее следили за тем, как я убирал платок. — Вы сказали, что вас оглушили. Значит, вы были без сознания?

— Да, меня оглушил кто-то, прятавшийся за портьерой. Я попался в ловушку. Она направила на меня револьвер, и я был занят тем, что старался

отнять его. Теперь больше нет сомнений в том, что это она убила Лэвери.

Внезапно Дегамо поднялся.

— Вы тут играете интересную сцену с прекрасной Дамой, — сказал он, — но так мы ни на шаг не продвинемся. Пойдемте, мы уезжаем.

— Подождите минутку, я еще не кончил. Предположим, мисс Фромсет, что у Кингсли есть что-то на совести, что-то очень важное. Вид у него сегодня вечером был именно такой. Предположим, что он знал обо всем гораздо больше, чем нам казалось — или чем мне казалось. Тогда он должен был бы отправиться куда-то, где нашел бы абсолютный покой и мог бы спокойно обдумать, как поступать. Я так представляю себе его характер. Я прав?

Я молчал и ждал ответа, боковым зрением фиксируя растущее нетерпение Дегамо. Секунду спустя девушка сказала:

— Он не стал бы убегать и не стал бы прятаться. Просто потому, что ему не от чего убегать или прятаться. Но в одном вы правы: ему могло понадобиться время для того, чтобы подумать, время и покой.

— В незнакомом городе, может быть, в какой-нибудь гостинице, — сказал я и подумал о женщине, которая искала покоя в «Гренаде», — и нашла его.

Я огляделся в поисках телефона.

— Телефон в спальне, — сказала мисс Фромсет, тотчас поняв, что мне требуется.

Я прошел к двери спальни. Дегамо шел за мной. Спальня была выдержана в цвете слоновой кости. Широкая кровать без спинки стояла в центре, подушка еще хранила след от головы. На стеклянном подзеркальнике поблескивали разные косметические принадлежности. Через открытую дверь виднелась ванная комната, облицованная зеленым кафелем. Телефон стоял на ночном столике, рядом с кроватью. Я присел на край кровати, снял трубку и вызвал междугороднюю. Когда мне ответили, я попросил срочно соединить с шерифом Пума Пойнт Джимом Патроном. Потом я повесил трубку и закурил. Дегамо стоял, широко расставив ноги, и мрачно смотрел на меня.

— Ну что? — проворчал он.

— Ждать и чай гонять, — сказал я.

— Здесь кто, собственно, распоряжается?

— В вашем вопросе заключен ответ: я. Если только вы не собираетесь передать расследование полиции Лос-Анджелеса.

Он зажег спичку, чиркнув ее о ноготь большого пальца, смотрел, как она горела, а потом попытался задуть ее, держа на расстоянии вытянутой

руки. Но пламя лишь изогнулось. Он бросил спичку, достал вторую и принялся ее жевать.

Зазвонил телефон.

— Вы вызывали Пума Пойнт?

Из трубки послышался заспанный голос:

— Паттон слушает.

— Говорит Марлоу из Лос-Анджелеса. Вы меня помните?

— Ну ясно, мой мальчик! Я еще толком не проснулся.

— Сделайте мне одолжение, — сказал я. — Хотя я и не имею права вас об этом просить. Пожалуйста, поезжайте или сейчас же пошлите кого-нибудь — сейчас же — на озеро Маленького фавна и выясните, там ли находится Кингсли. Может быть, возле дома стоит его машина, либо в доме горит свет. И последите, чтобы он там оставался. Чтобы не уехал! Позвоните, как только выясните. Тогда я сразу приеду. Можете вы это сделать?

Паттон сказал:

— У меня нет оснований его задерживать, если он захочет уехать.

— Со мной приедет полицейский офицер из Бэй-Сити, которому нужно допросить Кингсли по поводу одного убийства. Не того убийства у вас, а другого.

Трубка настороженно молчала. Потом Паттон сказал:

— Мой мальчик, это не какие-нибудь глупые шутки, а?

— Нет. Позвоните по телефону Тунбридж 27-22.

— Потребуется не меньше получаса, — сказал он.

Я повесил трубку. Теперь Дегамо улыбался.

— Может, малышка подала вам какой-то знак, которого я не заметил? — спросил он.

Я встал с кровати.

— Нет. Просто я пытаюсь представить себе его поведение. Кингсли не является хладнокровным убийцей. Может, когда-то в нем и был огонь, но он давно погас. Я предполагаю, что он захотел забраться в самое тихое и отдаленное место, какое знал, только чтобы побыть наедине с самим собой.

Может быть, через несколько часов он сам явится с повинной. Но в ваших интересах задержать его до того, как он явится сам.

— Только бы он не пустил себе пулю в висок, — холодно произнес Дегамо. — От такого, как он, всего можно ожидать.

— Этому вы не сможете помешать, пока не заполучите его в руки.

— Это верно.

Мы вернулись в гостиную. Из двери кухни показалась голова мисс

Фромсет.

Она сказала, что собирается приготовить кофе, и не захотим ли мы присоединиться. Потом мы сидели вдвоем и пили кофе с видом людей, которые только что проводили на вокзал своих друзей.

Звонок Паттона последовал через двадцать пять минут:

— В доме Кингсли горит свет, его машина стоит перед дверью.

Глава 36

Мы позавтракали и заправили машину в «Альгамбре». Потом по 70-му шоссе выехали из города. Я вел машину. Дегамо, нахохлившись, сидел в своем углу.

Ярко-зеленые прямые шеренги апельсиновых деревьев мелькали мимо, как спицы старинных колес. Прислушиваясь к шуршанию шин по асфальту, я чувствовал себя усталым и выдохшимся, — слишком мало сна досталось на мою долю и слишком много волнений.

Держа в углу рта изжеванную спичку, Дегамо иронически фыркнул:

— Уэббер меня распек вчера вечером. Сказал, что у него с вами был длинный разговор. И рассказал, о чем.

Я промолчал. Он посмотрел на меня и опять отвел глаза. Потом показал на пронесившийся ландшафт:

— В этой проклятой пустыне я и задаром жить бы не стал. Воздух уже по утрам какой-то отработанный!

— Вот мы сейчас доберемся до озера, а там поедем по самым красивым местам в мире!

Мы проехали городок и свернули к северу. Дегамо иронически поглядывал по сторонам. Немного погодя он сказал:

— Чтобы вы знали, женщина, которая утонула в озере, раньше была моей женой. Я, наверное, был не в своем уме, когда об этом узнал. До сих пор в глазах темно. Если эта собака, этот Чесс только попадет мне в руки...

— Вы и так немало дел натворили, — сказал я, — тем, что покрыли ее, когда она убила миссис Элмор.

Я сидел неподвижно и смотрел вперед через ветровое стекло. И в то же время ясно ощущал, что он повернул голову и ледяным взглядом смотрит на меня. Я только не знал, какое сейчас у него выражение на лице. Спустя некоторое время он снова обрел дар речи. Слова пробивались сквозь плотно стиснутые зубы, они звучали, как скрип ржавого железа.

— Вы что, с ума сошли, идиот?

— Нет, — сказал я. — Не больше, чем вы. Вы знали точно, так точно, как только можно было знать, что Флоренс Элмор не встала с кровати и не пошла в гараж. Вы знали, что ее туда отнесли. Вы знали, что именно по этой причине Талли украл одну ее туфлю. Новую туфлю, подошва которой никогда не ступала на бетон. Вы знали, что Элмор сделал своей жене в игорном доме Конди инъекцию морфия, не слишком большую дозу, такую,

как было нужно. В этих делах он разбирается не хуже, чем вы в задержании каких-нибудь бродяг, не имеющих денег на оплату места в ночлежке. Вы знали, что Элмор не убил свою жену этой инъекцией. Если бы он действительно решил убить ее, то морфий — это последнее средство, к которому он бы прибегнул. Вы знали также, что это сделал кто-то другой, а Элмор потом отнес ее в гараж и положил под машину, практически еще живую, еще достаточно живую, чтобы надышаться окисью углерода, но, с медицинской точки зрения, уже мертвую, как если бы она уже перестала дышать. Все это вы знали, Дегамо. Дегамо спросил тихим голосом:

— Дружок, как это вам удалось так долго прожить на свете?

— Удалось, — ответил я, — потому что я залетаю не во все ловушки и, кроме того, не испытываю страха перед профессиональными убийцами. Только мерзавец мог сделать то, что сделал доктор Элмор, только мерзавец, живущий в постоянном смертельном страхе. Потому что у него на совести делишки, которые боятся дневного света. С технической точки зрения, он может быть также виновен в убийстве. Я полагаю, что этот вопрос еще неясен. По крайней мере, ему было бы чертовски трудно доказать, что ее оглушение и отравление уже исключали возможность спасения. Но если задать вопрос: кто же практически убил Флоренс Элмор, то вы сами точно знаете — это сделала Милдред.

Дегамо засмеялся. Это был какой-то зазубренный, отвратительный смех, лишенный не только веселости, но и вообще всякого смысла.

Дорога шла в гору. Было довольно прохладно, но Дегамо потел. Он не мог снять пиджак, потому что под мышкой у него была кобура с револьвером. Я сказал:

— Милдред Хэвиленд находилась в связи с доктором Элмором, и его жена знала об этом. Она пригрозила мужу. Я узнал об этом от ее родителей. Милдред Хэвиленд разбиралась в морфии, знала где его взять и сколько его потребуется. Она оставалась одна с Флоренс Элмор после того как уложила ее в постель. У нее была самая благоприятная возможность наполнить шприц четырьмя или пятью граммами и сделать этой женщине, находившейся без сознания, укол в то же самое место, куда перед этим сделал инъекцию Элмор. Женщина должна была умереть, возможно, еще до возвращения доктора Элмора. Потом пусть он сам выпутывается, как сможет. Никому и в голову не пришло бы, что женщину убил кто-то другой, все считали бы, что его инъекция была смертельной. Понять правду мог бы только тот, кто знал все обстоятельства и взаимоотношения. Например, вы, Дегамо. Вы должны были быть еще большим дураком, чем я вас считаю, если бы вы ничего не знали! Вы взяли свою жену под защиту, потому что

вы все еще ее любили. Вы так ее запугали, что она убежала из города, убежала от вас, от опасности разоблачения, но вы все покрыли, вы защитили ее. Пусть убийство остается убийством! Вот до чего довела вас Милдред Хэвиленд! Почему вы ездили в горы и искали ее?

— А откуда я мог знать, где ее искать? — спросил он резко. — Вам, наверное, не составит труда ответить на этот вопрос?

— Ни малейшего, — сказал я. — Она была по горло сыта Биллом Чессом, с его постоянным пьянством и приступами бешенства. Но для того чтобы уехать, ей нужны были деньги. Она чувствовала себя теперь в безопасности. К тому же у нее в руках было средство, которое, она была уверена, подействует на доктора Элмора. Она написала ему и потребовала денег. Он послал вас, чтобы вы с ней поговорили. Она не сообщила Элмору своего нового имени и своего адреса. Деньги он должен был послать до востребования в Пума Пойнт, на имя Милдред Хэвиленд. Ей оставалось только получить их на почтамте. Но она их не получила. А в вашем распоряжении не было ничего, кроме старой фотографии и ваших плохих манер, а с этим вам там ничего не удалось добиться.

Дегамо резко спросил:

— Кто вам сказал, что она пыталась шантажировать Элмора?

— Никто. Мне не хватало звена в цепи. Если бы Лэвери или миссис Кингсли знали, кто скрывается под именем Мюриэль Чесс, и выдали бы ее, то и вы нашли бы ее. Но вы не знали ее нового имени. Поэтому выдать ее убежище мог только один человек, а именно, она сама. Отсюда я заключил, что она писала доктору Элмору.

— Ну ладно, — сказал он. — Оставим эту тему. Она теперь потеряла всякое значение. А если я и сел в лужу, то это мое дело. Повторись такие же обстоятельства, — я бы сделал то же самое.

— Ладно, — сказал я. — Я и не собираюсь никому приставлять пистолет к груди, в том числе и вам. Я рассказываю вам это главным образом для того, чтобы вы не вздумали обвинить Кингсли в убийстве, которого он не совершал. Достаточно, если он совершил и одно из них.

— И поэтому вы мне все это рассказали?

— Вот именно.

— А я думаю, что по другой причине — из ненависти ко мне!

— Я перестал вас ненавидеть, — сказал я. — Я отходчив. Я способен глубоко ненавидеть кого-нибудь, но не долго.

Мы ехали по открытой песчаной местности, вдоль склона предгорий. Вскоре показался Сан-Бернардино. На этот раз я проехал городок не останавливаясь.

Глава 37

Когда мы добрались до Крестлина, лежащего на высоте пяти тысяч футов, утренняя прохлада еще не отступила. Мы остановились и выпили пива. Когда мы снова сели в машину, Дегамо достал из-под пиджака револьвер и внимательно осмотрел его. Это был «Смит и Вессон» 38-го калибра, злое оружие с отдачей, как у 45-го калибра, но с гораздо большей пробивной силой.

— Он вам не понадобится, — сказал я. — Кингсли — мужчина рослый и сильный, но он не станет оказывать сопротивления.

Он спрятал оружие и хмыкнул. Больше мы не разговаривали. Нам не о чем было разговаривать. Мы проезжали повороты, миновали крутые пропасти, огражденные стенками из тесаных камней, а кое-где — тяжелыми цепями. Машина карабкалась вверх через рослый дубняк, пока мы не добрались до такой высоты, где дубы уже не росли, зато росли высоченные сосны. Наконец мы доехали до дамбы в конце озера Пума.

Я остановился, часовой закинул винтовку за плечо и подошел к машине.

— Пожалуйста, перед въездом на дамбу закройте окна в машине!

Я стал закрывать заднее окно со своей стороны. Дегамо поднял свой полицейский значок.

— Не валяй дурака, парень! Я из полиции.

Часовой посмотрел на него холодно и безразлично.

— Пожалуйста, закройте все окна, — сказал он тем же тоном, что и прежде.

— Ты что, спятил? — сказал Дегамо. — Окончательно спятил! Эй ты, олух, пропусти нас сейчас же!

— Это приказ! — сказал часовой. На его скулах заходили желваки. Маленькие глазки уставились на Дегамо. — А приказы отдаю не я. Закрывать окна!

— А если я не подчиняюсь всяким глупым приказам? — упрямылся Дегамо.

— Лучше подчинитесь. А то я ни за что не отвечаю, — сказал часовой и рукой в перчатке похлопал по ложу винтовки.

Дегамо отвернулся и закрыл окна со своей стороны. Мы въехали на дамбу.

В середине ее стоял второй часовой, на другом конце — третий.

Видимо, первый подал им какой-то сигнал. Они смотрели на нас строго и очень внимательно, без малейшего дружелюбия.

Я проехал мимо нагромождения скал, мимо луга с короткой и жесткой травой, на котором паслись коровы. Потом появились те же пестрые косынки, что и вчера, и тот же самый легкий бриз, ясное синее небо, золотое солнце, тот же запах сосновой хвои, та же прохладная мягкость горного солнца. Но вчера... казалось, это было сто лет назад... события кристаллизовались во времени, как муха в янтаре.

Мы свернули на дорогу к озеру Маленького фавна, которая петляла мимо огромных скал и узких булькающих водопадов. Шлагбаум перед владением Кингсли был открыт. На дороге, носом к озеру, которого еще не было видно, стояла машина Паттона. В ней никого не было. Карточка на ветровом стекле гласила по-прежнему: «Избиратели, внимание! Оставьте Джима Паттона в должности шерифа! Для другой работы он слишком стар!»

Рядом с автомобилем Паттона стояла обращенная в противоположную сторону маленькая старая двухместная машина. В ней виднелась шляпа охотника за львами. Я остановил «крайслер» и вылез. Из маленькой машины появился Энди и молча подошел к нам.

Я сказал:

— Это лейтенант Дегамо из полиции Бэй-Сити.

Энди ответил:

— Джим там, на спуске. Он вас ждет. Он еще не завтракал.

После этого он опять сел в свою машину, а мы поехали дальше. Дорога круто спускалась к озеру. Дом Кингсли на противоположной стороне озера казался безжизненным.

— Вот это озеро, — сказал я.

Дегамо молча смотрел на воду. Потом мрачно пожал плечами.

— До этой собаки я еще доберусь, — вот все, что он произнес.

Из-за скалы вышел Паттон. На нем были все та же старая фетровая шляпа, брюки цвета хаки и рубашка, плотно застегнутая у жирной шеи. На груди — все та же звезда с вмятиной посередине. Он жевал, и подбородок его медленно двигался.

— Очень рад видеть вас снова, — сказал он, но при этом глядел не на меня, а на Дегамо.

Он протянул руку и пожал жесткую ладонь Дегамо.

— Когда я вас в последний раз видел, лейтенант, у вас была другая фамилия. Это называется псевдоним, не так ли? Думаю, что плохо вас принял тогда. Не вполне корректно. Извините. Я, конечно, узнал женщину

на фото, которое вы мне показывали.

Дегамо кивнул, но ничего не ответил.

— Возможно, если бы я вел себя иначе, не случилось бы несчастья, сказал Паттон. — Может быть, была бы спасена человеческая жизнь. Поэтому у меня нечиста совесть, но я не принадлежу к людям, которые не умеют примиряться со случившимся. Давайте сядем и вы мне скажете, чем я могу вам помочь.

Дегамо сказал:

— В Бэй-Сити была убита жена Кингсли. Сегодня ночью. Поэтому мне надо с ним поговорить.

— Значит ли это, что вы его подозреваете? — спросил Паттон.

— Еще бы! — ухмыльнулся Дегамо.

Паттон потер шею и посмотрел через озеро.

— Он еще не выходил из дома. Наверное, спит. Рано утром я обошел дом.

Играло радио, и еще были слышны звуки, как будто мужчина развлекается с бутылкой и рюмкой. Я постарался держаться подальше. Правильно?

— Пойдемте туда, — сказал Дегамо.

— У вас есть с собой оружие, лейтенант?

Дегамо похлопал себя по левому боку. Паттон посмотрел на меня. Я покачал головой. Я был без оружия.

— У Кингсли тоже может быть оружие, — сказал Паттон. — Знаете, я против стрельбы в моем районе, лейтенант. Это мне повредило бы, всякие перестрелки и так далее. У нас таких вещей не любят. А вы мне кажетесь человеком, который довольно легко хватается за револьвер!

— Да, я медлю недолго, — сказал Дегамо, — если вы это имеете в виду. Но в данном случае мне важнее, чтобы этот парень заговорил.

Паттон посмотрел на Дегамо, затем на меня, потом снова на Дегамо и сплюнул длинную струю табачной жвачки.

— Я недостаточно знаю об этом деле, чтобы идти на сближение с ним, сказал он настойчиво и упрямо.

Что ж, мы уселись и рассказали ему всю историю. Он слушал молча, не моргнув глазом. В заключение сказал, обращаясь ко мне:

— У вас оригинальная манера работать на своих клиентов, как мне кажется. Лично моя точка зрения такая: вы здорово ошибаетесь, ребята. Мы, конечно, туда ходим и внесем ясность в дело. Я пойду вперед, если в ваших речах есть доля истины, а у Кингсли есть оружие и он достаточно отчаянный парень для такой глупости. У меня живот большой — будет

хорошая мишень!

Мы отправились в путь вокруг озера. Когда мы дошли до маленькой пристани, я спросил:

— Состоялось уже вскрытие, шериф?

Паттон кивнул:

— Она действительно утонула. В медицинском заключении указана эта причина смерти. Не зарезана и не застрелена. Череп цел. На теле есть следы ударов, но их слишком много, чтобы из этого можно было делать какие-то выводы. А исследовать такой труп — малоаппетитное занятие.

Дегамо был бледен, лицо у него было злым.

— Ох, не должен был я этого говорить, лейтенант, — ласково произнес Паттон. — Знаете, профессиональная привычка. Я ведь слышал, что вы довольно близко знали эту даму.

— Оставим разговоры, — сказал Дегамо. — Займемся тем, ради чего мы приехали.

Мы прошли по берегу к дому Кингсли и поднялись по широким ступеням.

Паттон быстро подошел к входной двери. Он потрогал ручку, дверь оказалась не заперта. Он помедлил, держась за ручку. Потом распахнул дверь, и мы вошли в комнату.

Деррис Кингсли сидел в глубоком кресле у потухшего камина. Глаза его были закрыты. Рядом с ним на столе стояли пустой стакан и почти пустая бутылка из-под виски. На тарелке горой громоздились окурки. Сверху лежали две смятые пачки от сигарет. Все окна в комнате были закрыты. Уже теперь здесь было жарко и душно. На Кингсли был надет свитер, лицо у него было красным и тяжелым.

Он храпел. Его руки свисали по бокам кресла, пальцы касались пола.

Паттон подошел к нему. Остановившись в метре, он не меньше минуты смотрел на него, прежде чем заговорить.

— Мистер Кингсли, — сказал он спокойно и четко, — нам надо кое-что обсудить с вами.

Глава 38

Кингсли вздрогнул и открыл глаза. Не поворачивая головы, он переводил взгляд с одного на другого. Сначала на Паттона, потом на Дегамо, наконец, на меня. Глаза у него были тяжелыми, но взгляд острым. Он медленно выпрямился в кресле и потер лицо обеими руками.

— Заснул, — сказал он, — задремал пару часов назад. Я был пьян, как хорек. Выпил больше чем следует. — Руки его опять упали.

Паттон сказал:

— Это лейтенант Дегамо из полиции Бэй-Сити. Ему нужно поговорить с вами.

Кингсли бегло взглянул на Дегамо, потом обратил взгляд ко мне.

— Значит, вы ее выдали полиции? — спросил он.

— Я бы сделал это, но не успел.

Кингсли задумался над моим ответом и посмотрел на Дегамо. Паттон оставил дверь открытой. Он поднял коричневые жалюзи и растворил окна. Потом уселся в кресло рядом с окном и сложил руки на животе. Дегамо стоял и мрачно смотрел на Кингсли сверху вниз.

— Ваша жена умерла, Кингсли, — жестко произнес он. — Если это для вас новость.

Кингсли уставился на него и облизнул губы.

— Он воспринимает эту новость довольно спокойно, а? — сказал Дегамо. — Покажите ему платок, Марлоу!

Я вынул желто-зеленый платок и подержал его на весу. Дегамо показал на него пальцем:

— Ваш?

Кингсли кивнул и опять облизнул губы.

— С вашей стороны было легкомысленным оставлять его там, — сказал Дегамо. Он шумно дышал. Его нос побелел, резче выступили глубокие складки, спускавшиеся к уголкам рта.

Кингсли спросил очень спокойно:

— Где оставлять? — Он почти не смотрел на платок. На меня вообще не смотрел.

— В номере гостиницы «Гренада» на Восьмой улице Бэй-Сити. В номере 618. Это для вас новость?

Теперь Кингсли очень медленно поднял глаза и посмотрел на меня.

— Она там жила? — спросил он тихо.

Я кивнул.

— Она не хотела меня туда приглашать. Но я отказался отдать деньги, пока она не скажет правду. Она созналась, что убила Лэвери. Вытащила револьвер и собиралась сделать со мной то же самое. Появился кто-то, прятavшийся за портьерой, и ударил меня сзади по голове. Я его не видел. Когда я пришел в себя, она была мертва.

Потом я рассказал, как она была убита и как выглядела, что произошло потом и как я был задержан.

Он слушал, ни один мускул на его лице не дрогнул. Когда я кончил, он сделал жест в сторону платка:

— А при чем здесь платок?

— Лейтенант рассматривает его как доказательство, что вы были человеком, который прятался за портьерой.

Кингсли подумал. По-видимому, он еще не улавливал связи между событиями. Он глубже уселся в кресле и положил голову на спинку.

— Рассказывайте дальше, — сказал он наконец. — Как видно, вы знаете, о чем говорите, я — нет.

— Прекрасно, — сказал Дегамо, — теперь поиграем в дурачка. Вы сами увидите, как далеко вам удастся таким образом добраться. Начните с доказательства вашего алиби с того момента, когда вы ночью высадили свою милку перед ее домом.

Кингсли спокойно сказал:

— Если вы имеете в виду мисс Фромсет, то я не отвозил ее домой. Она взяла такси. Я тоже хотел ехать домой, но передумал. И поехал сюда. Решил, что ночной воздух и здешняя тишина помогут мне с этим справиться.

— Ах, не может быть, — издевательски протянул Дегамо. — С чем справиться, позвольте вас спросить?

— Справиться с моими заботами.

— Черт возьми, — сказал Дегамо, — а такая мелочь, как убийство собственной жены, — это для вас небольшая забота, не так ли?

— Мой мальчик, таких вещей вы не должны говорить, — вставил Паттон со своего места. — Так не полагается. Таких вещей не говорят. Вы пока не предъявили никаких доказательств.

— Нет? — резко повернулся к нему Дегамо. — А этот платок, толстяк? Это не доказательство?

— Это даже не звено в цепи, по крайней мере, насколько мне известно, ответил Паттон миролюбиво. — Кроме того, я вовсе не толстый, а солидный.

Дегамо сердито отвернулся от него. Он снова показал пальцем на Кингсли:

— Ну-ка, скажите еще, что вы вообще не были в Бэй-Сити! — произнес он грубо.

— Нет. Я там не был. Зачем мне было туда ездить? Марлоу взялся сам все уладить. И я вообще не понимаю, почему вы придаете такое значение платку. Его же носил Марлоу.

Дегамо как к полу прирос, он был бледен от ярости. Он очень медленно повернулся ко мне, взгляд у него был тяжелым.

— Я еще пока не все понимаю, — сказал он. — Честно, не понимаю. Не могу поверить, что здесь кто-то меня за нос водит. Например, вы. Или нет?

Я сказал:

— Я же ничего не говорил вам про платок, кроме того, что он лежал в том номере гостиницы и что накануне вечером видел его на шее у Кингсли. Большого вы не хотели и знать. Конечно, я мог бы добавить, что позднее я сам повязал его на шею, чтобы женщина, с которой я должен был встретиться, смогла меня узнать.

Дегамо отошел от Кингсли и прислонился к стене у камина. Большим и указательным пальцами левой руки он оттянул свою нижнюю губу. Правая рука вяло свисала, пальцы были слегка согнуты.

Я продолжал:

— Я же говорил вам, что раньше видел миссис Кингсли только на фотографии. А тут требовалось, чтобы один из нас другого узнал. Этот платок достаточно заметен, чтобы исключить всякое недоразумение. Фактически оказалось, что я ее уже один раз видел, хотя когда повез ей деньги, я еще этого не знал. Но я все равно не сразу ее узнал, — обернулся я к Кингсли. — Миссис Фальбрук в доме у Лэвери!

— Вы же, кажется, говорили, что эта миссис Фальбрук — его домовладелица?

— Это она тогда утверждала. Она выдала себя за домовладелицу. И я поверил. А почему я должен был не верить?

Дегамо откашлялся. Вид у него был озабоченный. Я рассказал ему про миссис Фальбрук, ее красную шляпку, истерическое поведение и пустой револьвер, который она держала в руке и отдала мне. Когда я закончил, он осторожно сказал:

— Я не припоминаю, чтобы вы рассказали об этом Уэбберу.

— Нет, я не рассказывал ему. Я не хотел говорить, что уже за три часа до этого был в доме. Что я сначала повидал Кингсли и все ему рассказал, а

уже потом известил полицию.

— Полиция останется вам за это вечно благодарна, — сказал Дегамо с холодной усмешкой. — Иисус, я оказался доверчив, как дитя! Сколько вы платите своему частному детективу, мистер Кингсли, за то, чтобы он замазывал следы преступлений?

— Его обычный гонорар, — сказал Кингсли безразличным тоном. — Кроме того, я обещал ему премию в пятьсот долларов, если он докажет, что моя жена не убивала Лэвери.

— Жаль, жаль, что он не сможет заработать эти пять сотен, — с издевкой произнес Дегамо.

— Не представляйтесь глупцом, — сказал я. — Я их уже заработал.

В комнате воцарилось глубокое молчание. Предгрозовое молчание, от которого ждешь, что оно разразится взрывом. Но ничего не происходило.

Молчание сохранялось, оно тяжело и прочно висело в воздухе, стояло, как стена. Кингсли слегка пошевелился в своем кресле. Спустя некоторое время он кивнул.

У Паттона было не более живое выражение лица, чем у куска дерева. Он спокойно наблюдал за Дегамо. На Кингсли он вообще не смотрел. Дегамо уставился на мою переносицу, но не так, будто я находился в той же комнате, а скорее, словно он смотрел вдаль, как смотрят на гору по другую сторону долины.

Прошла целая вечность. Дегамо спокойно произнес:

— Не понимаю, в чем дело. Я вообще ничего не знаю о жене Кингсли. Никогда ее раньше не видел — до вчерашней ночи.

Он опустил глаза и посмотрел на меня недобрым взглядом. Он совершенно точно знал, что я собираюсь сказать. И я все-таки это сказал:

— Вчера вечером вы тоже не ее видели. Потому что она умерла уже больше месяца тому назад. Потому что женщина, которую вы видели мертвой в гостинице «Гренада», звалась Милдред Хэвиленд, а Милдред Хэвиленд стала Мюриэль Чесс. И поскольку миссис Кингсли была мертва уже за месяц до убийства Лэвери, получается, что она не могла его убить.

Кингсли обхватил обеими руками подлокотники своего кресла, но не издал ни одного звука.

Глава 39

Снова воцарилась давящая тишина. Ее прервал Паттон, медленно произнесший:

— Ничего не скажешь, смелое утверждение, не так ли? Вы не думаете, что Билли Чесс узнал бы утопленницу?

— После месяца пребывания в воде? — сказал я. — В платье своей жены, с ее украшениями? С мокрыми белокурыми волосами и неузнаваемо распухшим лицом? А почему он должен был усомниться? Она оставила записку, позволяющую предполагать самоубийство. Она исчезла. Они поссорились, и ее машина и чемодан исчезли вместе с нею. Жена отсутствовала целый месяц. Он ничего о ней не слышал. Он не имел ни малейшего понятия, куда она делась. А потом всплывает это мертвое тело, в платье Мюриэль, с ожерельем Мюриэль, блондинка, примерно ее роста. Конечно, должны были иметься и различия. Если бы кто-нибудь заподозрил обман, эти различия могли быть устранены. Кристель Кингсли была жива, она убежала с Лэвери. Она оставила машину в Сан-Бернардино, послала своему мужу телеграмму из Эль-Пасо. Насколько было известно, она была жива и здорова. Билл Чесс вообще о ней не думал. Он и в мыслях ее не держал. Почему бы и нет?

Паттон сказал:

— Об этом я и сам должен был подумать. Но если бы и подумал, то все равно сразу бы отбросил эту мысль. Уж больно все это кажется притянутым за уши.

— Если судить поверхностно, то да, — сказал я. — Но только поверхностно.

Предположим, труп не был бы обнаружен еще год, а возможно вообще никогда, разве что спустили бы воду из озера. Мюриэль Чесс уехала. Никто не тратит время на ее поиски. И мы никогда бы о ней больше не услышали. Вот миссис Кингсли — другое дело. У нее были деньги и связи, и муж, который начал беспокоиться. Ее бы искали, да и действительно начали искать. Правда, не сразу, а лишь после того, как произошло что-то, вызвавшее подозрения.

Допустим, ее нашли бы, если бы вздумали осушить озеро. Но после того, как было установлено, что она была в Сан-Бернардино, а оттуда поехала по железной дороге на восток, — не было никаких оснований спускать озеро.

Наконец, даже если бы это произошло и нашли труп, то можно утверждать с уверенностью, что он не мог быть опознан, Билл Чесс арестован по подозрению в убийстве своей жены. С моей точки зрения, его вполне могли осудить, и тем самым дело «женщины в озере» было бы закончено.

Кристель Кингсли пропала без вести, осталась неразрешенная и неразрешимая загадка. Со временем стали бы думать, что с ней что-то случилось и что ее больше нет в живых. Но что с ней на самом деле произошло, когда и как — этого не знал бы никто. Если бы не был убит Лэвери, то мы не сидели бы здесь и не говорили об этом. Лэвери — ключ ко всей истории. Он был в отеле в Сан-Бернардино в ту ночь, когда Кристель, по-видимому, оттуда уехала. Он встретил там женщину, которая приехала в машине Кристель и была одета в ее платье. Конечно, он узнал эту женщину. Но мог ничего и не заподозрить. Ему могло быть незнакомо это платье, а машину он мог и не видеть, так как она стояла в гараже гостиницы. Он мог просто считать, что встретился с Мюриэль Чесс. А об остальном Мюриэль позаботилась сама.

Я замолчал и подождал вопросов. Но все молчали. Паттон неподвижно сидел в своем кресле, уютно сложив на животе свои неуклюжие безволосые руки.

Кингсли откинул голову на спинку кресла, полузакрыв глаза и не шевелился.

Дегамо стоял, прислонившись к стене, с холодным бледным лицом, огромный, жесткий, мрачный, с глубоко запрятанными мыслями.

Я продолжал:

— Если Мюриэль Чесс выдала себя за Кристель Кингсли, значит, это она ее убила, это простейшее умозаключение. Хорошо, рассмотрим его подробнее. Мы знаем, кем она была и какого сорта это был человек. На ее счету уже было убийство, до того, как она встретила Билла Чесса и вышла за него замуж. Она была медсестрой и любовницей доктора Элмора. Она настолько ловко и рафинированно устранила его жену, что он был вынужден покрыть это убийство.

И она была замужем за одним полицейским офицером из Бэй-Сити, которого она так обработала, что он помог Элмору скрыть убийство. Она умела справляться с мужчинами так, что они плясали под ее дудку. Я не знаю, как она этого добивалась, но факты это доказывают. Это подтверждает и тот факт, что она обвела вокруг пальца Лэвери.

Итак, она убивала людей, стоявших у нее на пути, А жена Кингсли стояла у нее на пути. Я не собирался об этом говорить, но теперь

приходится.

Кристель Кингсли тоже умела кружить головы мужчинам. Может быть не так, как Милдред Хэвиленд, но все же достаточно. Она вскружила голову Биллу Чессу и вступила с ним в связь. Однако жена Билла Чесса была не из таких, кто с улыбкой делает подобные открытия. Кроме того, жизнь здесь ей смертельно надоела, должна была надоесть, и она стремилась уехать. Но ей были нужны деньги. Она попыталась шантажировать доктора Элмора. В результате в этом районе появился Дегамо и начал ее разыскивать. Это ее испугало. Дегамо из тех людей, про которых никогда нельзя знать, как они поступят. И она была права, когда была не вполне в вас уверена, не правда ли, Дегамо?

Дегамо переступил с ноги на ногу.

— Время работает не на вас, дружок, — сказал он свирепо. — Продолжайте вашу проповедь, пока у вас есть возможность.

— Милдред не обязательно было брать машину Кристель Кингсли, ее платья и документы, однако они могли оказаться весьма полезными. А деньги, которые имелись у миссис Кингсли, даже очень ейгодились. Кингсли утверждает, что его жена имела привычку носить при себе кучу денег. Да и ее драгоценности можно было обратить в деньги. Все это сделало убийство столь же целесообразным, сколь и желательным. Этим исчерпывается вопрос о мотиве убийства. Теперь перейдем к средствам и обстоятельствам.

Возможность представилась сама собой. Мюриэль поссорилась с Биллом. Билл уехал и напился. Она знала своего Билла, ей было известно, как тяжело он напивается в подобных случаях и как долго отсутствует. Ей требовалось время. Время было самым важным для нее. Она должна была быть уверена, что времени ей хватит. Иначе весь план ее рушился. Она должна была запаковать собственные вещи, отвезти их на озеро Бобра и спрятать там. Потому что ее вещи должны были исчезнуть вместе с нею. Она должна была вернуться пешком, потому что машину следовало оставить там же, где и вещи. Она должна была убить Кристель Кингсли, надеть на нее платье Мюриэль Чесс и отнести ее в озеро. Для всего этого нужно было время. Что же касается самого убийства, то я предполагаю, что она ее напоила или оглушила ударом по голове, либо утопила ее в ванне еще здесь, в доме. Это было так же логично, как и просто.

Ведь она была медсестрой. Она хорошо умела обращаться с человеческим телом, мертвым или живым. Она умела плавать. Мы слышали от Билла, что она прекрасно плавала. А утонувшее тело тонет тотчас же. Надо было только направлять его в глубину, туда, где она решила

его спрятать. Это вполне по силам хорошей пловчихе. Она это сделала. Сама оделась в платье Кристель, упаковала ее вещи, которые хотела взять с собой, села в ее машину и уехала. А в Сан-Бернардино ее постигла первая неудача: она налетела на Лэвери.

Лэвери знал ее как Мюриэль Чесс. У нас нет доказательств и оснований предполагать, что он знал ее в другой роли. Он встречал ее здесь. Возможно, он был на пути сюда, к миссис Кингсли, когда ее встретил. Такая встреча была для нее нежелательной. Конечно, он нашел бы здесь запертый дом, но он мог поговорить с Биллом, а Билл не должен был знать, что она покинула озеро Маленького фавна. Иначе он мог бы при случае опознать труп в озере. Тогда она пустила в ход все свои приманки против Лэвери. И это было для нее нетрудно. Ведь единственное, что мы наверняка знаем о Лэвери, это то, что он не мог спокойно пропустить ни одной юбки. Чем больше женщин, тем лучше. Для такой ловкой женщины, как Милдред Хэвиленд, это была детская игра. Она обвела его вокруг пальца и просто взяла с собой. Они отправились в Эль-Пасо, и там была послана известная нам телеграмма.

Наконец она приехала с ним в Бэй-Сити. Вероятно, иначе не получалось.

Надо думать, он хотел вернуться домой, а она не могла отпустить его от себя. Потому что Лэвери был для нее опасен. Лэвери один мог разрушить все доказательства, свидетельствовавшие о том, что Кристель Кингсли уехала с озера Маленького фавна. Если бы на самом деле начались поиски Кристель Кингсли, то Лэвери бы опросили одним из первых. С этого момента жизнь Криса Лэвери уже не стоила и ломаного гроша. Его отпирательствам никто бы не поверил, как это и случилось в действительности. Но если бы он выложил всю историю, то тут бы ему поверили, потому что налицо были все доказательства.

И как только начались поиски Кристель Кингсли, Лэвери был немедленно убит в своей ванной комнате, непосредственно после моего первого посещения. Вот, пожалуй, все, что об этом можно сказать.

Остается вопрос, почему она на следующее утро вернулась в дом. Но это одна из тех странных вещей, которые обычно совершают убийцы. Она сказала мне, что вернулась за своими деньгами, но в это я не верю. Более вероятно, что она предполагала поискать его деньги, а может быть, хотела еще раз спокойно осмотреться на месте действия, чтобы убедиться, что не оставила впопыхах каких-то улик, и, по возможности, устранить их. А может быть, она сказала мне правду: она хотела просто забрать оставленные разносчиками перед дверью газеты и молоко. Все может быть.

Она вернулась и встретилась со мной.

Она разыграла сцену, и я попался на крючок. Паттон спросил:

— Но кто же убил ее, мой мальчик? Я думаю, вы не собираетесь взваливать это на Кингсли?

Я посмотрел на Кингсли.

— Ведь вы говорили с ней не сами, а через мисс Фромсет? Она была уверена, что разговаривает с вашей женой?

Кингсли покачал головой.

— Сомневаюсь. Мисс Фромсет не так-то легко обмануть. Она говорила мне потом, что голос Кристель показался ей очень изменившимся, каким-то подавленным. Это не вызвало у меня подозрений, пока я не приехал сюда, в дом. Когда я вчера вошел в комнату, то сразу заметил, что тут что-то не так.

Здесь было слишком чисто и аккуратно убрано. Кристель никогда бы не оставила дом в таком порядке. Когда Кристель куда-нибудь уезжала, то по всем комнатам валялись платья, везде были набросаны окурки, в кухне — полно пустых бутылок. Скорее я ожидал найти немытую посуду в кухне и полчища мух... Я подумал, может быть, дом убрала миссис Чесс. Но потом решил, что вряд ли. В тот день миссис Чесс была слишком занята: ссорилась с Биллом, а потом ее убили, или она сама покончила с собой, либо так, либо иначе. Но обо всем этом я думал вскользь, где-то в подсознании. Я не могу утверждать, что составил себе ясную картину.

Паттон встал со своего кресла, пошел к порогу и сплюнул. Возвращаясь, он вытер губы коричневым носовым платком. Потом снова уселся, больше на правую сторону, потому что ему мешала большая кобура. Он задумчиво смотрел на Дегамо. Тот стоял у стены, прямо и неподвижно, как каменная статуя. Его правая рука свисала вдоль бедра, пальцы были слегка согнуты. Паттон сказал:

— Я все еще не слышал, кто же убил Мюриэль. Это — часть вашего спектакля, или это еще требуется выяснить?

Я ответил:

— Мюриэль была убита человеком, считавшим, что она заслуживает смерти, человеком, который ее любил и ненавидел, человеком, знавшим о ее преступлениях. Таким человеком, как Дегамо.

Мрачно улыбаясь, Дегамо отделился от стены. Его правая рука сделала быстрое, точное движение, и теперь в ней был револьвер. Он держал его свободно, дуло смотрело в пол. Дегамо заговорил, не глядя на меня.

— Я не думаю, чтобы у вас было оружие. У Паттона есть, но пока он его достанет, оно, я думаю, ему мало поможет. Может быть, у вас и есть

какие-нибудь доказательства для вашего последнего утверждения. Или это для вас не настолько важно, чтобы ломать себе голову?

— Однако маленькое доказательство, пожалуй, у меня есть, — сказал я. — Не очень весомое. Но его хватит. Кто-то стоял в гостинице «Гренада» за зеленой портьерой больше получаса. Он стоял так неподвижно, как может стоять только полицейский, потому что его этому учили. И у него имелась резиновая дубинка. Этот человек знал, что меня оглушили ударом по затылку, даже не рассматривая мой затылок. Вы помните, вы сказали об этом Шорти? И этот человек знал также, что женщина тоже была оглушена ударом по голове, хотя этого не было видно, а у него не было времени тщательно исследовать труп. Он сорвал с нее платье и поступил с ней, как садист, с ненавистью человека, чью жизнь она разрушила и превратила в ад. Я уверен, что еще сейчас, в данный момент, у вас под ногтями осталась кровь и частицы кожи в достаточном количестве, чтобы экспертиза могла это установить. Не хотите ли показать Паттону свои ноги, а, Дегамо?

Дегамо поднял револьвер и улыбнулся. Широкая, белозубая улыбка.

— А откуда я мог узнать, где она живет? — спросил он.

— Ее видел Элмор, когда она входила в дом Лэвери или выходила из него. Вот что привело его в такое нервное состояние. Поэтому он вам и позвонил. Как вы ее выследили, я не знаю. Может быть вы спрятались у дома Элмора и последовали за нею. В конце концов, это — привычное дело для полицейского.

Дегамо кивнул и некоторое время стоял молча. Его лицо было непроницаемым, но в металлически неподвижных глазах поблескивал огонек, казавшийся почти веселым. В комнате было жарко и тягостно от беды, которую уже нельзя было предотвратить. Казалось, Дегамо ощущал это в меньшей степени, чем остальные.

— Я ухожу отсюда, — сказал он наконец. — Может быть, я не уйду далеко, но я не хочу, чтобы полицейский наложил на меня руку. Согласны?

— Это не пойдет, мой мальчик, — спокойно ответил Паттон. — Это невозможно. Вы же знаете, что я должен вас арестовать. Хотя еще ничего из того, что рассказал Марлоу, не доказано, но просто так отпустить вас я не могу.

— У вас такое красивое толстое брюхо, Паттон. Я хороший стрелок. Как же вы собираетесь меня задержать?

— Я как раз об этом размышляю, — сказал Паттон. Он почесал голову под сдвинутой на затылок шляпой. — Но я еще не придумал. Мне не хочется получить пулю в живот. Но я не могу позволить, чтобы в моем собственном районе меня подняли на смех. Я не люблю быть мишенью для

насмешек.

— Пустите его, пусть идет, — сказал я. — Ему не выбраться отсюда. Это главная причина, почему я его заманил сюда, в горы.

Паттон сказал рассудительно:

— Если мы его попытаемся арестовать, то кто-нибудь обязательно будет ранен. А раз уж это с кем-нибудь должно случиться, то пусть лучше со мной. Как-никак это входит в мои служебные обязанности.

Дегамо осклабился.

— Вы славный парень, Паттон, — сказал он. — Вот, смотрите, я прячу револьвер под мышку, теперь мы в равном положении. Я и так в себе достаточно уверен.

Он сунул револьвер под мышку и стоял, расставив ноги, выдвинув вперед подбородок, ожидая и наблюдая за нами. Паттон продолжал медленно жевать, его бесцветные глаза были устремлены в лицо Дегамо.

— Конечно, я ведь сижу, — сказал он жалобно. — У меня уже нет той быстроты, что раньше. Но вы не должны считать меня трусом. — Он сердито посмотрел на меня. — Для чего вам понадобилось устраивать здесь этот спектакль? В сущности, это дело меня не касается. А теперь я должен сделаться козлом отпущения! — Все это прозвучало обиженно и смущенно.

Дегамо закинул голову и захохотал. И пока он смеялся, правая рука Паттона скользнула за револьвером.

Я не заметил никакого движения со стороны Паттона. Но в комнате прогремел выстрел из армейского револьвера.

Рука Дегамо откинулась в сторону, его тяжелый револьвер выпал и, отлетев, тяжело ударился о стену. Он потряс онемевшей рукой и поглядел на нее с недоумением.

Паттон неторопливо встал. Он медленно прошел через комнату и ногой отшвырнул револьвер под стул. Потом грустно посмотрел на Дегамо. Тот высасывал кровь из царапины на руке.

— Вы дали мне шанс, — сказал Паттон. — Это было ошибкой — давать шанс такому старику, как я! Я умел стрелять еще до того, как вы появились на свет, мой мальчик!

Дегамо кивнул ему, выпрямился и направился к двери.

— Не делайте этого! — приказал Паттон спокойно.

Дегамо продолжал идти. Он рывком распахнул дверь, обернулся и посмотрел на Паттона. Лицо его было очень бледным.

— Теперь я уйду, — сказал он, — и есть только один способ меня остановить. Будь здоров, толстячок!

Паттон и глазом не моргнул.

Дегамо вышел в дверь. Прозвучали его шаги по террасе, потом по ступенькам. Я подошел к окну и выглянул. Паттон все еще не двинулся с места.

Дегамо шагал по маленькой дамбе.

— Он идет по дамбе, — сказал я. — У Энди есть оружие?

— Не думаю, чтобы он им воспользовался, даже если есть, — сказал Паттон. — Ведь он не знает, что здесь произошло.

— Черт побери, — проворчал я.

Паттон вздохнул:

— Он не должен был давать мне такой шанс. Он бросил мне вызов. И я должен был на это ответить. Дело дрянь. Все это ему не поможет.

— Он убийца, — сказал я.

— Нет, это не тот сорт убийц, — возразил Паттон. — Вы заперли вашу машину?

Я кивнул.

— Теперь Энди идет ему навстречу. Дегамо его останавливает. Они разговаривают.

— Может быть, он хочет взять машину Энди, — предположил Паттон меланхолично.

— Черт бы его взял, — повторил я и посмотрел на Кингсли. Сжав голову руками, он смотрел в пол. Я опять повернулся к окну. Дегамо больше не было видно. Энди уже был близко, он приближался, то и дело оглядываясь через плечо. Вдали послышался шум запускаемого автомобиля. Энди посмотрел на дом, резко повернулся и побежал обратно по дамбе.

Звук мотора растаял вдали. Когда его уже совсем не стало слышно, Паттон сказал:

— Теперь поедem ко мне и займемcя телефоном.

Внезапно Кингсли поднялся, вышел в кухню и вернулся с новой бутылкой виски. Он налил себе полный стакан и стоя выпил его. Потом показал на бутылку и тяжелыми шагами вышел из комнаты. Я услышал, как заскрипели пружины матраса.

Мы с Паттоном не стали пить и тихо вышли из дома.

Глава 40

Не успел Паттон отдать телефонные распоряжения о закрытии дорог, как раздался звонок сержанта, командовавшего часовыми на дамбе озера Пума. Мы вышли и сели в машину Паттона. Энди повел машину на большой скорости вниз, к озеру. Мы промчались через деревню, потом по берегу озера к большой дамбе.

Кто-то помахал нам рукой, чтобы мы остановились у служебного барака. Там нас ожидал сержант, сидевший в своем джипе. Когда мы подъехали, он тронул машину и поехал впереди. Мы последовали за ним до края каньона, где стояли двое солдат и смотрели куда-то вниз. Рядом стояло несколько машин. Вокруг солдат образовалась группа любопытных. Сержант вылез из джипа. Паттон, Энди и я подошли к нему.

— Этот человек не остановился, когда часовой его окликнул, — сказал сержант сурово. — Чуть не сбил часового с ног. А второму часовому, в центре дамбы, пришлось отпрыгнуть в сторону, иначе он бы попал под колеса.

Последний часовой, у этого конца дамбы, закричал «Стой!», но парень не остановился...

Сержант переложил к другой щеке резиновую жвачку и посмотрел вниз, в каньон.

— У нас строгий приказ: стрелять в таких случаях, — сказал он. — Часовой выстрелил. — Он показал на глубокие борозды на краю склона. — Здесь тот и свалился.

В сотне футов под нами маленькая двухместная машина ударилась о большую гранитную скалу. Она лежала почти кверху колесами, слегка наклонясь на одну сторону. Около нее возились трое мужчин. Им наконец удалось слегка приподнять машину и что-то вытащить из-под нее.

Это что-то еще недавно было человеком...